

КОНАН И ОРЛКУЛ СМЕРТИ

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТРОКИ	КОНАН И БОГИ ТИМЫ	КОНАН И МЕДУ КОЛАЧА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН И ПОДВИДАНИЕ ЛЕНДЕР	КОНАН И ПЕСНЯ СИНОВ	КОНАН И НЕВСКАЯ СЕКИРА	КОНАН И АДРОП КОРОЛЕВ	КОНАН ПРИЧИНАЕТ БОЛ
КОНАН И КАРСКАЯ БОГИ	КОНАН И ДАР МИТРИ	КОНАН И ИНОЧИЕ КАМНИ	КОНАН И ГРОТ ДАИНОМ	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРУДЩЕГО	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЮДОВ СТРЕЛ	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ	КОНАН И ТАИСКАЯ ЗАД	КОНАН И ЕМУ НЕРДАЛА
КОНАН И ГОРОД ЗАМЫШЛЕННЫХ ЛУШ	КОНАН И ИСТОРИЧЕС СУДЕБ	КОНАН И СЕРДИЕ АРИМАНА	КОНАН И ПАТРОНОЕ ОБО	КОНАН И ПРЕДСКАЗ ПРОШЛОГО	КОНАН И РЕВОЛЮЦИ Я МИРА	КОНАН ЗАВАРНО И КИММЕРИИ	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ	КОНАН И ПАДОВЫЕ ВЕЗАМЫ
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНИЙ	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА	КОНАН И БРАТ ВЕЧНОСТИ	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ	КОНАН И РЕКОМЕДИ ИЛА	КОНАН И ЧАША ВОССМЕРТИ	КОНАН И АДАИНОЙ СТРАЖ	КОНАН И ТОРГОВЫМ ГРЕДАМИ	КОНАН И АЛТАР ДОБЛАД
КОНАН И ГЕНЕА ВОССМЕРТИ	КОНАН И ПОДВИДАНИЕ ГЛОТИ	КОНАН И ВЕРГЕ ПРОКАЛЫХ	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН И ВАЛАМЫЧА НЕПС	КОНАН И ДЛГО МИРОВ	КОНАН И КОМДО МАСТИ	КОНАН И ЗОВ АРИЕВИХ	КОНАН И ПОРОК ТИМЫ
КОНАН И ГИБЕВ СЕДА	КОНАН И ХРАМ НОЧИ	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН И ПОДВИДАНИЕ СОНЯ	КОНАН И МАТЕК ЧЕМПЕХ	КОНАН И КАДЫМО ЗМЕЯ	КОНАН И ХОЗЯИНЕ ОКЕАНА	КОНАН И КОРОНА МИРА	КОНАН И ПОСАДНИК СВЕТА
КОНАН И СПИЩЕДЕ ЗДО	КОНАН И ЗЕЗДЫ ШАЛАНГАР	КОНАН И СКАЗЫ ХЛОСА	КОНАН И ЖРУЦ ТАРИМА	КОНАН И СИЛАНЧИЕ СИНОВ	КОНАН И ПОДВИДАНИЕ МОЛДИИ	КОНАН И ТИГРЫ ЗАЙБОРЫН	КОНАН И КАДЫМЕН БУРИ	КОНАН И САЛА ИСЛОДИИА

КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly

Подписано в печать 10.03.06. Формат 84×108^{1/3}₃.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 7 000 экз. Заказ № 3317.

Конан и оракул смерти : [сборник] — М. : АСТ,
К64 СПб. : Северо-Запад Пресс, 2006. — 391, [9] с. — (Конан).

ISBN 5-17-035274-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-274-2 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свetu в поисках приключений.
Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и нёкромантами от Бендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шикин, оборт, 2006
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Странная женщина Иолина

и слышал: шаги бухали в пустом коридоре, как в бочке. Судя по звуку, к двери подходила еле живая старуха, да к тому же еще и хромая. Стук одного каблука был мягче, нежели другого. Именно так ходят хромые люди. А шарканье подошв говорило о старости того, кто это подошвы носил.

Скорее всего, это шарканье деревянных башмаков, какие носят старухи. Истертых, измочаленных о мостовые, старых деревянных башмаков...

Так думал Конан, валяясь на лежанке в комнатке на втором этаже харчевни толстого Асланкариба. Эту каморку он снимал каждый раз, когда у него заканчивались деньги. Хитрый трактирщик знал, что киммериец сполна расплатится, как только у него появится золото или серебро. Ну а пока... Пока он согласен ждать, будучи

уверен, что ожидание обернется хорошим прибыtkом.

Шаги затихли у самых дверей. Раздался осторожный, неуверенный стук. Конан глухо заворчал, как разбуженный в неурочное время пещерный медведь.

Дверь медленно отворилась. В изящных туфлях, сверкающих переливами драгоценных камней, через порог переступила молодая женщина. Конан от неожиданности проглотил язык и, приподнявшись на локте, молча созерцал явившееся чудо. Женщина с холодной брезгливостью оглядела каморку.

Черты ее лица, достаточно красивые, чтобы ими любоваться, и слишком правильные, чтобы быть милыми, хранили выражение высокомерного презрения. Прямой нос, тонкие губы аристократки, отстраненные серые глаза. На голове сверкал бриллиантами тонкий золотой обруч. Светлые волосы рассыпаны по плечам. Легкая, полуопрзрачная и, вероятно, очень дорогая ткань не скрывала изящную, точеную фигуру.

— Ты — киммериец Конан, — она не спрашивала, а значит, не было нужды, и отвечать, — варвар, который молится только своему Крому, а других богов не признает.

Конан по-прежнему молчал, пытаясь связать воедино шаркающие шаги и облик стоящей перед ним высокомерной аристократки. Одно с другим явно не клеилось. Невозможно представить, чтобы вот эта женщина вдруг потащилась по коридору старушечьей походкой!

— Ты мне нужен, варвар, — продолжала гостья, с презрением глядя в окно, из которого открывался вид на заваленный отбросами задний двор таверны, — точнее, нужна твоя сила и ловкость! Я хочу нанять тебя для одного очень опасного дела.

И, так как Конан молчал, женщина, потеряв терпение, крикнула:

— Неотесанный варвар! Ты мог хотя бы встать, когда с тобой говорит... — она замолчала, не желая называть себя, и, уже спокойнее, добавила, — когда с тобой говорит... знатная дама.

Конан одним слитным движением поднялся с лежанки. Так умеют двигаться леопарды — в мгновение ока, плавно перетекая из одного положение в другое. В серых глазах аристократки презрение уступило место невольному восхищению. Не считая набедренной повязки, киммериец был обнажен. Его мощное, гибкое, темное от загара тело бугрилось мышцами, как тела бронзовых богов, грозно взирающих на людей с высоких постаментов тайных святыни.

Женщина прикрыла глаза длинными ресницами. Непостижимые, прекрасные, величественные боги и... такой же человек из плоти и крови, к тому же варвар, не признающий тех самых богов...

— Мне нужен надежный телохранитель. Солдаты из охраны правителя вашего города посоветовали найти тебя...

— Ты не местная? — Конан не смущаясь, оглядел аристократку с головы до ног и остался

доволен. Высокомерие, правда, в ней еще сохранилось, но взгляд уже не был таким отрешенно-презрительным.

— Я из... другой страны.

— Из какой?

— Это неважно, — женщина попыталась вновь надеть маску надменной аристократки, — важно, что я плачу золотом и столько, сколько ты скажешь! Завтра на рассвете я жду тебя у городских ворот, варвар! Не опаздывай!

— Как твое имя? — Конан продолжал разглядывать гостью и находил ее все более привлекательной. Она как бы менялась на глазах... Так хамелеон изменяет окраску, приспособливаясь к цвету временного жилища. Черты лица ее, казалось, стали мягче, губы ярче и чувственней... Даже волосы стали не такими светлыми. Или это просто солнце зашло за тучу, и в каморке стало темнее?

— Имя?.. Зови меня Иолина... Да, так будет лучше.

— Для кого лучше? — уточнил Конан.

— Для тебя, конечно!

— Думаешь, если я узнаю твое настоящее имя, то умру от страха? — Конан ощущал нарастающее беспокойство. Что-то он не мог вспомнить... Голова постепенно наполнялась сладким туманом... Что-то, связанное с необычностью этой женщины... С ее странным появлением. Какая-то неясность, несуразность...

В голове шумело, как от крепкого вина. Виделись только глаза гостьи — бирюзовые, как ут-

реннее небо... Нет... серые, как сталь... Нет, теперь... темные, как ночь...

И полные, ласковые губы, тепло которых ощущалось задолго до их прикосновения... И нежные руки, тянувшие его вниз... на дно колодца... Или нет — в омут... В самый темный, самый глубокий омут этой, голубой, как небо реки...

Очнулся Конан от ритмичного топота и криков. Завсегдатай таверны затянули бравую песню, топая в такт подкованными сапогами — у кого они были. А кто не имел сапог — стучали об пол задубевшими пятками, больше походившими на конские копыта. И звуки, рвущиеся из натруженных глоток, скорее напоминали крик ужаса, нежели песню.

Конан потряс головой, прогоняя остатки морока. Оглядел комнатку. Никаких следов недавнего присутствия странной аристократки, напустившей на него непонятные виденья. Впрочем — киммериец усмехнулся — видения эти были не лишены чувственности. Вероятно, это был всего лишь сон... И теперь ясно помнилось то, что внезапно забылось — несуразность. Не могла сверкающая бриллиантами красавица тащиться по коридору старушечьей походкой, да еще так шаркать ногами!

Конан вздохнул — сегодня опять придется пить и есть в долг. И хитрый, мерзкий хозяин будет угодливо, но со значением, заглядывать в

глаза, молчаливо требуя скорейшей уплаты всех долгов. Кром! Что там говорила эта женщина... это виденье... о работе? Опасная, но заплатит она столько, сколько я запрошу!.. Завтра, на рассвете у городских ворот... Конан сморщился, как от зубной боли — да была ли она, эта женщина? Не померещилось ли ему?

Он натянул кожаные шаровары и достал из-под лежанки сапоги. Странное виденье... Но, допустим, женщина действительно приходила. Как увязать ее старческую походку и блистательный облик? За дверью, в коридоре, она претворялась старухой? Конан осмотрел сапоги — давно надо бы купить новые... Но как могла красавица прикинуться старухой?! Разве что, набросив на себя покрывало? Укутавшись в чадру? С неудовольствием натянув сапоги, он стал искать глазами рубашку. Хоть бы попалась на глаза какая-нибудь брошь... Как в сказках, которые так любят рассказывать дервиши на базаре — красавица обязательно должна уронить брошь с бриллиантом... или кольцо... или, на худой конец, заколку для волос... Но на грязном полу ничего не валялось. Так, может, ее и не было — странной красавицы? И не стоит завтра тащиться к воротам?.. И, все же... Конан резко выдохнул, затем стал втягивать воздух небольшими порциями, принюхиваясь, как выслеживающий добычу хищник. Есть какой-то запах. Не то, духов из Вендии, не то... Ну, да... она же увлекла его в омут любовных утех... Остался запах женщины. Голова вновь закружилась. Как далекий сон, вспомнились не-

обычные ласки, которыми его только что одарила эта колдунья. Одарила... и заставила забыть! Но он помнит! Пусть не все, но помнит!

Прорвав усилием воли пелену сладостного аурмана запретных воспоминаний, Конан осмотрел рубаху — богато расписанная, она когда-то стоила недешево. Но краски давно выцвели, а ткань побелела от пота. Пожалуй, теперь бы в самый раз получить хорошее вознаграждение.

Спускаясь по стертым, скрипучим ступенькам, киммериец морщился от нежелания обращаться к толстому Асланкарибу с просьбой опять поесть и выпить в долг. Да, он пойдет на заре к воротам и возьмется за любое дело, если оно сулит хорошие деньги.

* * *

Городские ворота освещались несколькими факелами. Стражники, конечно, спали или резались в кости. А на барбакане виднелась одиночная, тощая фигура новобранца, которого и поставили охранять ворота за десятерых.

— Эй, там, внизу, — стражник увидел вынырнувшего из темноты Конана, — ворота открываются только на рассвете!

Голос у него был мальчишеский и немного испуганный. Даже стоя на крыше барбакана, он оценил богатырское сложение и решительную походку подошедшего к воротам воина.

— Я подожду рассвета, — спокойно сказал Конан и присел на скамью, вероятно специально

вкопанную для бедолаг, пришедших к воротам ночью.

Скоро на востоке небо слегка порозовело. Затем свет невидимого пока солнца обозначил силуэты домов и деревьев. Защебетали, запели птицы. И с первыми лучами пробудился город.

После ночного отдыха вчерашнее виденье удивительной женщины и вовсе стало казаться далеким сном. Конан досадовал, что поверил призраку и пришел к воротам. Ведь вполне возможно, что это действительно был призрак! Или бред. Или морок.

Солнце уже рассыпало щедрые лучи по лицам купцов и простолюдинов, спешащих по своим делам, а сверкающей аристократки не было. Конечно! Вся эта история не стоит даже того, чтобы о ней кому-то рассказать! Мало ли, что померещится человеку?! Закряхтев с досады, Конан поднялся со скамьи и... осталенел. Перед ним стояла вчерашняя незнакомка. Все так же легкий золотой обруч стягивал светлые волосы, так же надменно смотрели серые глаза. Только сегодня на ней был походный плащ, из-под которого выглядывала рукоять тяжелой шпаги, возможно даже легкого меча, с которым справиться далеко не каждая женщина.

— Когда же ты подошла? Я тебя не заметил! — Конан чувствовал легкое замешательство.

— Ты стал рассеян, варвар-киммериец, — с усмешкой сказала женщина, — я уже сомневаюсь, будешь ли ты надежным телохранителем!

Шагая следом за незнакомкой к небольшому

каравану, стоящему неподалеку, Конан вновь почувствовал в голове странный хмельной туман. Эта женщина не может быть простой княгиней, или дочерью сатрата какой-нибудь страны. В ней определенно есть что-то колдовское. Что-то демоническое... или божественное. Любая плавной походкой женщины, Конан заметил, что она слегка прихрамывает. Совсем чуть-чуть. Так, что не каждый и заметит. Легкая хромота и меч на поясе. Похоже, она побывала не в одной переделке. И еще: в ней чувствовалась привычка повелевать. Определенно там, где она жила, ее власть была безгранична.

Караван состоял из десятка верблюдов с паклажей и двух лошадей. Одна лошадь — красивая гнедая кобыла — безусловно, предназначалась для хозяйки. Конану приготовили мощного вороного жеребца. Погонщики верблюдов — два молчаливых человека в черных плащах с низко надвинутыми капюшонами, взобрались на лениво жующих животных и застыли в ожидании команды.

— Как тебе нравится твой конь, варвар? — с нотками не то, насмешки, не то восхищения, спросила женщина, бросив на Конана быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц.

Иолина! Киммериец вспомнил ее имя, полуза-бытое, как и все остальное. Он попробовал на вкус мягкое сочетание звуков. Иолина... Имя красивое, под стать этой таинственной незнакомке, но явно не настоящее. Впрочем, она и не скрывала, что называлась придуманным именем.

— Конь хороший, — Конан могучей рукой сдерживал горячего жеребца.

— Ты не называешь цену, варвар? Не хочешь разве услышать, сколько я готова заплатить?

— Ты вчера сказала — заплатишь столько, сколько я запрошу. А запрошу я после окончания твоего дела. И цена будет зависеть от того, насколько солено нам придется.

2

Весь день караван неспешно продвигался в направлении Кезанкийских гор, пересекая обширные, покрытые пожелтевшей травой, пространства. Конан не спрашивал ни о цели путешествия, ни о предстоящих опасностях, полагая, что если потребуется, хозяйка расскажет сама. Но женщина молчала. Только хмурилась, будто рассматривая что-то за горизонтом. Лошади, разомлевшие на жаре, понуро брали, опустив головы. Привычные ко всему верблюды, шли размеренным, неспешным шагом. Все, как всегда. Степь, жара, пыль, белое, палящее солнце. И все же, почти физически ощущалась некая потаенная тревога, напряженное ожидание чего-то страшного. Молчаливые, так и не откинувшие капюшоны, погонщики, мрачная задумчивость Иолины... Даже птицы, парящие высоко над степью, выглядели зловеще, и, казалось, предсказывали неминуемую беду.

К вечеру жара стала спадать. Кони вскинули головы и веселее затопали по чуть заметной тро-

пе, с каждым шагом поднимая небольшое облачко пыли. Прямая, как стрела, тропинка указывала строго на восток.

— Ты должен кое о чем узнать, варвар, — нарушила молчание женщина, — я расскажу тебе только то, что необходимо и запрещаю задавать вопросы!

Конан молча кивнул; не удивившись такому обороту. Что-то вроде этого он и ожидал. Иолина посмотрела на кровавый диск заходящего солнца и продолжала:

— Каждую ночь я буду исчезать и каждое утро появляться. Ты должен следить за верблюдами и конями и ожидать моего возвращения.

— За верблюдами следят погонщики, — не поворачивая головы, бросил киммериец.

— Нет, ночью они не смогут за ними следить...Они тоже... уйдут по своим делам... — женщина, казалось, хотела сказать что-то еще. Она искоса глянула на Конана, словно оценивая можно ли ему доверить некие тайны, затем нахмурилась и отвернулась.

Усталое солнце стремительно уходило за горизонт, позволяя кромешной тьме охватить щупальцами мир и выпустить на охотуочных тварей. Повинуясь скромному жесту Иолины, Конан остановил караван, расседлал и стреножил коней, искоса наблюдая за действиями погонщиков. Те, двигаясь, словно бы с трудом, медленно сняли тюки, и пустили верблюдов пастись. Затем, присели на пожухлую траву и застыли в странных, неестественных для человека позах. Быстро

темнело. Конан решил, что пора поужинать, распаковал седельную сумку и оглянулся, намереваясь узнать, собирается ли его странная хозяйка разделить с ним вечернюю трапезу.

Конечно, думал он, откупоривая кувшин с вином и раскладывая снедь, знатная госпожа не должна сидеть за одним столом с охранником, но... ведь стола-то и нет! Только полог, расстеленный на пыльной траве. Кроме того, в походных условиях разрешается нарушать этикет. Ну и, наконец, она ведь... разделяла с ним кровать, если, конечно, это не было пустыми виденьями. Так что...

Но женщины нигде не было. Нахмутившись, Конан оглядел степь. В полумраке он заметил бы удаляющуюся фигуру. Значит?.. Значит, она просто исчезла. Переместилась в одно мгновение, может быть, в другой мир. А, следовательно, она не человек. Во всяком случае, не обычный человек. В общем-то, он это подозревал с самой первой встречи...

Погонщики все также неподвижными силуэтами чернели поодаль. Конан подумал, не позвать ли их, затем махнул рукой и налил вина в кружку, которую он, с некоторых пор всегда возил с собой.

Волшебник Эскиламп утверждал, что в этой глиняной посудине, до сих пор чувствуется присутствие демонической силы. Сам Конан ничего не ощущал. Когда-то голоса, раздававшиеся в этой кружке, привели его в иной мир, где правил демон алмазного замка...

У хозяйки непдохое вино, решил Конан, задержав во рту последний глоток. Он еще раз осмотрел барельефы драконов, мрачные лики горгулий, по-хозяйски расположившихся на глиняных боках демонической кружки, и вновь налил вина. Взошла ущербная луна. Степь, освещенная тусклым, неживым светом, серебрилась паутинками. Погонщики также исчезли. Конан был один в степи, не считая, конечно, коней и верблюдов.

Странно, что днем паутина не заметна, неспешно подумал киммериец, разжевывая жесткое вяленое мясо. Луна как-то по-особому высвечивает серебристые нити... Куда же, демоны их всех побери, они исчезли?

Отдаленным эхом прокатился по степи волчий вой. Звук задрожал, завибрировал в конце и затих, оставив после себя звенящую, тягостную тишину. Умные животные подошли поближе к человеку. Лошади тревожно прядали ушами, верблюды, будто ничего и не замечали, только, как бы невзначай, стали щипать траву рядом с тем, кто сможет их защитить.

Конан проверил, легко ли меч покидает ножны, и вновь принялся за еду. Кром! Кто же они такие?! Почему и куда исчезают на ночь? Переносятся в троем в другие миры? Стоп! Он потер лоб — почему это он решил, что они уходят куда-то все вместе? Вряд ли... Как она сказала? «Они тоже уйдут по своим делам». Волчий вой раздался гораздо ближе, нежели в прошлый раз. Не это ли их дела? Не оборотни ли путешествуют вместе с

ним под видом погонщиков верблюдов? Впрочем, работу погонщиков они тоже выполняют.

Лошади тревожно заржали. Луна зашла за тучу, и в степи стало темнее. Теперь Конан с трудом различал силуэты коней и верблюдов. И еще два силуэта мелькали поодаль. Две тени. Две пары горящих глаз. Погонщики пришли проверить, как чувствуют себя верблюды? Конан поднялся, сделал несколько шагов и пронзительно свистнул. Волчьи силуэты отдалились, но две пары глаз по-прежнему горели во тьме. Перемещались, исчезали на миг, вновь зажигались, источая злобу, ненависть и подлую трусость зверей, привыкших нападать большой стаей.

Ночь казалась необычайно длинной. Два волка по-прежнему кружили вокруг, и Конан почти не спал. Только ближе к рассвету парные огоньки злобных глаз исчезли, и удалось, наконец, немного подремать.

— Как прошла ночь, варвар? — мелодичный голос вырвал киммерийца из легкого забытья.

Конан встал, расправил затекшие члены и бросил наудачу:

— Скажи своим погонщикам, пусть охотятся подальше от меня! Отрублю им головы, а верблюдов буду навьючивать сам!

Иолина вспыхнула:

— С чего ты взял?.. Как ты?.. Ну, хорошо! Ты догадался.

Она изящно повернулась, окинув быстрым взглядом фигуры в черных плащах с надвинутыми капюшонами.

— Я наложила на них заклятие — тебя они не тронут. Но, вот, коней и верблюдов... Потому я и приказала их охранять.

— А я за себя и не боюсь, — усмехнулся Конан, — уж с парой волков-оборотней я как-нибудь справлюсь. Но не спать все夜里, охраняя животных!.. Нет, лучше я отрублю им головы! — он решительно двинулся к погонщикам.

— Подожди, — женщина с неожиданной силой схватила его за руку, — подожди, я постараюсь им внушить приказ охотиться дальше в степи...

Плавной походкой, которую только слегка портила легкая хромота, она направилась к оборотням.

— Пойдем со мной, варвар, посмотришь на их лица!

Когда Конан подошел, Иолина отрывисто говорила что-то на странном шипящем языке. Погонщики молча кивали, не поднимая глаз. Не говоря ни слова, Конан резко откинул капюшон одного из оборотней.

То, что он увидел, заставило его содрогнуться и схватиться за рукоять меча.

— Они не простые оборотни, — быстро говорила Иолина, — они, вообще, не из вашего мира, поэтому так и выглядят. Но днем они послушны и работящи. Хорошие слуги.

Конан не отпуская рукояти меча, смотрел в красные глаза человека-волка. Это действительно были не те оборотни, которые днем выглядят, как люди, а ночью превращаются в волка. Черты лица, или, точнее, морды, стоявшего перед Конаном.

ном чудовища, являли собой жуткую смесь человека и зверя. Сама по себе волчья морда не кажется страшной, думал Конан, она даже по-своему симпатична. Но вот, на эту ужасную мешанину волчьих и человеческих черт, невозможно смотреть без содрогания!

Оборотень щелкнул зубами и поспешно натянул капюшон. Иолина приказным тоном прошипела еще несколько слов и увлекла Конана по дальше от своих ужасных слуг. Как ни в чем не бывало, погонщики принялись навьючивать порученных им заботам верблюдов.

— Почему же, ни лошади, ни верблюды их не боятся? — спросил Конан.

— Ночью боятся, — беспечно ответила женщина и рассмеялась. Затем, потянула Конана за рукав к импровизированному столу.

— Подкрепись перед дорогой, — она заботливо налила вино и вдруг с криком разжала пальцы, неотрывно глядя на украденную барельефами кружку. Пролитое вино темным, кровавым пятном растеклось по пологу.

— Откуда у тебя эта кружка?!

— Подарок одного демона, — небрежно ответил Конан.

Женщина долго молчала, неотрывно глядя в синие глаза киммерийца. Затем, с трудом оторвав взгляд, посмотрела на кружку. Драконы и горгульи, казались, вполне живыми — этакие миниатюрные существа, приkleенные к серой, обожженной глине.

— Спрячь ее, — изменившимся голосом тихо

попросила женщина, — спрячь и не доставай ко мне. Я не хочу, чтобы...

Она замолчала и подвинула Конану вяленое мясо и лепешки.

— А ты не хочешь закусить перед дорогой? — с набитым ртом спросил киммериец, обмотав кружку тряпками и упаковав в сумку.

— О, я хорошо поела ночью! — Иолина опять весело рассмеялась и, ласкаясь, как избалованная домашняя кошка, прижалась к плечу Конана. Удивляясь столь резким сменам настроения хозяйки, воин вспомнил ночь в комнатке над таверной толстого Асланкариба и невольно посмотрел на погонщиков — они же все увидят...

— Не смущайся, мой варвар, — проворковала Иолина, — они просто животные, для них это естественно...

Она пристально посмотрела в глаза Конану, и тот ощущил уже знакомое головокружение. И вновь этот волнующий запах... И гибкое, горячее тело... И полные, мягкие губы... Он уже знал, что будет вспоминать ласки женщины, как далекий прекрасный сон...

С последним проблеском сознания варвар подумал — не чудовище ли он обнимает?..

— Просыпайся, варвар! — голос звучал по-прежнему мягко и нежно, однако в нем уже угадывались стальные нотки суповой и надменной хозяйки.

— Ты зря пытаешься заставить меня забыть... — пробормотал Конан, одеваясь, — я все помню.

— Все ты не можешь помнить, мой варвар, — с насмешкой проговорила женщина, — а ту часть, что помнишь... Это не страшно.

Интересно, думал Конан, машинально помогая хозяйке усесться на лошадь, какую же часть нашей любовной игры она заставила меня забыть? И почему? Значит, что-то я, как человек, мог не принять? Ужаснуться? Он вспомнил все изысканные ласки, которыми его награждали женщины на протяжении многих лет, с тех пор, как он познал любовь.

Казалось бы... удивить его теперь сложно... Так что же это были за игры, столь ужасные для человека, что эта женщина заставила его их забыть?! Эта женщина... Кто она? Демон? Хозяйка оборотней? Почему она так испугалась кружки, подаренной демоном? И хотелось бы знать — чем (или кем?) она пообедала этой ночью?

День был как обычно жарким, небо безоблачным, а разомлевшие лошади еле плелись. Конан искоса наблюдал за погонщиками и хозяйкой, но ничего необычного в их поведении не было. Оборотни вели себя смироно, а Иолина, как всегда ехала молча, глубоко задумавшись и устремив невидящий взгляд куда-то за горизонт.

— Может, ты мне скажешь, куда и зачем мы едем? — решил нарушить молчание Конан.

Он не надеялся на ответ, но женщина, очнувшись от задумчивости, сказала:

— В сердце Кезанкийских гор есть одно ме-

сто... Мне необходимо там побывать... Надолго мы не задержимся и почти сразу отправимся в обратный путь... если будем живы, — она ласково улыбнулась, и Конан заметил, что зубы у нее значительно острее человечьих и, пожалуй, длиннее.

— Может, расскажешь подробней? Что это за место, кто там живет?

— Заранее лучше не знать, мой варвар, — тихо ответила Иолина и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Ехали целый день, не останавливаясь. Конан закусывал на ходу, Иолина есть отказалась, а погонщикам он и не предлагал, справедливо полагая, что лепешки придутся им не по вкусу. К вечеру на небе стали собираться облака, затем они слились в одну огромную тучу, которая к ночи закрыла весь небосвод.

— Он знает, что я приближаюсь, — как бы про себя пробормотала женщина, а вслух сказала: — Сегодняшняя ночь может быть бурной! Приготовь меч, варвар!

Конан промолчал. Что тут говорить, если она не желает ничего рассказывать? А меч — он усмехнулся — всегда наготове.

Иолина пристально посмотрела на своего телохранителя и удовлетворенно кивнула.

— Если будет тухо, я постараюсь появиться пораньше и помочь... Берегись черных птиц, варвар, — она подняла руку, останавливая караван на ночлег.

Вдали непрерывно громыхало. Змейки мол-

ний, извиваясь, падали на землю. Запахло прохладой. Конан наскоро перекусил, наблюдая за хозяйкой — ему хотелось уловить миг ее исчезновения. Иолина сидела, плотно сжав губы и, по-обыкновению, задумавшись. Позади раздался какой-то звук. Конан мигом обернулся — в степь убегали два огромных волка. Погонщики... Интересно, выполнят ли они приказ хозяйки — охотиться подальше от коней и верблюдов?

— Как думаешь, они поняли, что надо... — начал Конан, но перед ним уже никого не было. Миг исчезновения пропущен... Конан причесал пятерней волосы на затылке. Какая разница — увидит он момент исчезновения или нет?! Что он, собственно, хотел увидеть? Останется ли после нее радуга?

Стрекоженные животные, чувствуя приближение грозы, жались поближе к человеку. Ночь может быть бурной — так, кажется, она сказала? И еще — берегись черных птиц. Конан сложил продукты в сумку. Сколько раз он смотрел в глаза смерти? Не сосчитать... Было ли ему страшно? Когда как... Если дело касалось колдовства — чаще всего, да — было страшно. Он накрыл сумку пологом, чтобы не промокла. Что же будет сегодня? Он прислушался. Волчьего воя не слышно. Похоже, оборотни послушались приказа и убежали подальше. Что будет, если они не смогут никого убить в степи? Прибегут, все-таки сюда?

Гроза приближалась. Молнии теперь не выглядели маленькими змейками, а походили, скорее, на огненных удавов — огромных, грозных,

пожирающих все на своем пути. Стемнело настолько, что не видно было даже вытянутую руку. Только вспышки молний озаряли, притихшую в ожидании степь. Черные птицы... Конан вытащил из ножен меч и положил на колени. Да разве разглядишь в темноте черных птиц?! А молнии — если смотреть на небо — ослепляют до того, что после вспышки, некоторое время, вообще, ничего не видишь.

Зашуршал дождь. Постепенно набирая силу, скоро он уже поливал степь сплошным мутным потоком. Конан прислушался. Ему показалось, что сквозь шум ливня, пробиваются иные звуки, похожие на клекот птиц. Черные птицы... Если они будут нападать, придется наугад крутить мечом над головой в надежде поразить хоть одну из них, чтобы потом, при вспышке молнии или утром, хорошенько рассмотреть. Что же это за черные птицы? Конану представлялись огромные летающие существа, вроде дракона. Но ведь, она сказала — птицы! Может, обычные вороны? Просто стая ворон, науськанная для нападения? Но тогда бы она так и сказала — вороны! Хотя... если эта женщина из другого мира... она могла называть ворон черными птицами. Непривычно, но, в общем, верно.

Шум, клекот, хлопанье крыльев раздались над головой. Конан вскочил и поднял меч. Описал несколько восьмерок, постепенно раскручивая тяжелый клинок так, чтобы он служил надежной защитой от любого нападения. Любой? Нет, если сверху ринется что-то огромное, массивное — не

поможет никакой меч. Стая — а, похоже, что это была именно стая — постепенно удалялась. Клекот стих. Только дождь по-прежнему шумел мутными струями.

Внезапно Конан ощутил чье-то присутствие. Казалось, кто-то, затаившись, стоит рядом, сдерживая дыхание. Но вспышки молний освещали только пустую, мокрую степь, не считая сбывающихся в стаю коней и верблюдов, сиротливо стоявших неподалеку. Конан старался при каждой вспышке осматривать другой участок степи. Никого. И в то же время — кто-то стоит рядом. Ждет. Выжидает, потихоньку подбираясь все ближе и ближе. И скоро наступит миг, когда можно будет нанести удар — всего один, точный, смертельный.

Описывая мечом восьмерки, Конан стал перемещаться по кругу, надеясь, в конце концов, поразить невидимого противника, подло подкрадывающегося в темноте. Вновь над головой загадали птицы, зашумели, захлопали крыльями. Дождь припустил еще сильнее. Вода падала с неба сплошным потоком, и казалось немыслимым, что кто-то может летать под этими жесткими струями. Остановившись, Конан вновь раскрутил меч над головой — угроза с неба была более явственной. Раздался странный, непривычный, ни на что не похожий клекот. Меч вздрогнул — раз, другой, третий... Кто-то попадал под удары широкого вороненого клинка. Утром будет видно. Гомон стаи отдалился, птицы поднялись выше, но, по-прежнему, кружили над головой. Конан

продолжал раскручивать меч. Усталости он не чувствовал. Наоборот — затекшие, стосковавшиеся по работе мышцы, казалось, радовались возможности размяться, наливались силой, требовали еще большей нагрузки. Конан не сомневался, что вращать мечом он сможет до самого утра. Вот только днем придется все-таки спать...

Птичий гомон отдалился и исчез. Но явственно чувствовалось чужое присутствие. Кто-то невидимый, настороженный, расчетливый стоял неподалеку. Может, оборотни вернулись? Но они были бы видны во вспышке молний. Нет, рядом кто-то другой. И он гораздо опаснее, и оборотней, и птиц.

Время шло, но невидимое существо не нападало. Конан опустил меч и прислушался. Не считая шуршания дождя — тихо. Кром! Неужели чувства его подвели? Может, рядом действительно никого нет? И все же ощущение чужого присутствия не оставляло его до самого утра.

Дождь к рассвету затих. Птицы больше не появлялись, а когда ночная темнота сменилась предрассветной серостью, Конан стал осматриваться в поисках наткнувшихся на меч тварей. Три странных существа лежали неподалеку. Осторожно перевернув их носком сапога, Конан с удивлением разглядывал странные создания, величиной с грифа. Явно не птицы. Кожистые крылья, как у летучих мышей, лапы снабжены длинными, загнутыми когтями. Отвратительный запах гниющей плоти, хотя времени прошло мало, и разложиться они не успели. Значит, этот запах

присущ им от рождения. Но самое странное заключалось в том, что твари имели человеческие головы! Эти такие уменьшенные копии злобных людских лиц с круглыми глазами. Вот глаза, скорее, были все же птичьими.

Пока Конан разглядывал странных тварей, окончательно рассвело. Незаметно, как и в прошлый раз, появилась рядом Иолина, около верблюдов суетились оборотни-погонщики.

Конан кивком указал на убитых тварей:

— Что это за создания?

— Это *его* творения. Таких у него тысячи!

Конан развернул полог, расстелил на мокрой земле и, укладываясь, пробормотал:

— Придется вам подождать пока я немножко посплю... Я не могу бодрствовать подряд двое суток...

Иолина присела рядом. Закрывая глаза, Конан успел заметить, что на сей раз, она была опоясана мечом. Вчера оружия при ней не было.. Значит, сегодняшняя ночь действительно была опасной...

И уже засыпая, он услышал:

— Ты ловко управляешься с мечом, варвар! Ночью я приходила, чтобы тебе помочь, но ты справился и один.

3

Пробнулся Конан от легкого, ласкового прикосновения. Чья-то нежная ладонь, как пух легла на его лоб, погладила щеку, шею...

— Пора ехать, — мягко сказала Иолина. Путь неблизкий.

Конан заворчал и медленно поднялся. Караван был готов немедленно тронуться в путь. Хозяйка смотрела ласково и насмешливо. Конан поймал себя на мысли, что от той надменной аристократки, которая явилась ему в Шадизаре, не осталось и следа.

— Так, значит, ночью приходила ты? — зевая, спросил Конан. Затем нахмурился и добавил:

— А ведь я мог тебя...

— Не мог, — перебила женщина, — я являлась не во плоти!

— Тогда как же ты могла бы помочь?

— Если бы тебе пришлось туго, я облеклась бы в нужную плоть! — И она ловко вскочила в седло.

Конан наскоро перекусил и сел на коня. Пока он завтракал, караван уже отъехал на некоторое расстояние, и это позволяло взглянуть на него со стороны. Цепочка верблюдов. Двое погонщиков, которые, оказываются, оборотнями, да еще и не из нашего мира. Немного поодаль едет женщина, которая, как выяснилось, может по желанию облечься в плоть, а может выйти и бродить по степи в виде бесплотного духа. Киммериец поежился. Вспомнилось ощущение чужого присутствия. Значит, это была ласковая и нежная Иолина? Ее дух? Но от него, казалось, исходила немалая опасность! Или это была готовность к бою? Наверное, и он, Конан выглядит не очень-то ласково перед сражением! И еще — как она сказала?

Облеклась бы в нужную плоть! В нужную! Значит, она может менять облик, как ей вздумается. Вот и ответ на загадку, мучавшую его с того, первого дня — по коридору шла старуха, а на пороге возникла красавица. Она сменила плоть. Только и всего.

Конан тронул каблуками коня — пора уже догнать караван, может, удастся узнать что-нибудь еще.

Значит, эта женщина — не женщина, а неизвестное существо, запросто меняющее облик. И направляется она в Кезанкийские горы к нему. Кто это — *он*, пока неизвестно, но ясно, что нежных чувств они друг к другу не испытывают. Он вот, наслал птиц... Не птиц, а странных тварей — маленьких чудовищ с человеческими лицами... И таких тварей у него тысячи. Стало быть, можно предположить, что есть и другие, гораздо опаснее. Которые не будут долго кружить перед атакой, а, потеряв пару-тройку товарищей, улетать восвояси. И, вообще, кто это — *он*? Некое существо, засевшее в Кезанкийских горах, с которым собирается свести счеты его милая дама? А он, Конан, сдуру и от бедности ввязался в эту авантюру, от которой теперь отказываться поздно, потому что... Потому что, демоны из всех забери и изжарь на медленном огне, надо купить новые сапоги и рубашку! Потому, что надо заплатить, наконец, мерзкому, толстому хозяину харчевни, чья, лоснящаяся рожа недавно приснилась ему ночью и требовала уплаты долга! И еще потому... Что он не может забыть ласки, которыми убл...

жала его эта странная женщина... Да нет, не женщина... Хотя, почему? Возможно, что это существо именно женского пола! И, еще... хорошо бы узнать, что же она заставляла его забыть? Что там были за извращения, которые он, по ее мнению, не смог бы принять?

Конан догнал караван и поехал бок о бок с существом, которое он знал под именем Иолины. День опять обещал быть жарким.

— Каких тварей он пошлет сегодня? — спросил воин, поглаживая медную рукоять меча, — опять птиц?

— Я думаю, что атаки пока не будет, — помедлив, ответила женщина, — он испытал твою силу и выдержку и теперь станет размышлять...

— О чём?

— Понимаешь, мой варвар, — медленно, как бы нехотя, начала Иолина, — убить его может только смертный... От нас, бессмертных, он хорошо защищен — об этом позаботилась его мать... А защита от смертных не предусмотрена, потому, что...

— Потому, что ни один смертный не сумеет подойти к нему даже на выстрел из арбалета — так?

— Примерно так...

— Тогда зачем же мы едем?

— Я постараюсь тебе помочь подобраться к нему. Я не могу его убить, но тебе помогать могу... Вместе мы — сила, мой варвар!

— Кто же он такой? — помолчав, спросил Конан.

— Он... мой брат... один из братьев.

Конан некоторое время переваривал это сообщение. Значит, брат. Что ж, ссора между родными — обычное дело, особенно когда речь идет о наследстве.

— Что же вы не поделили? Наследство?

— Ты почти угадал, варвар, — засмеялась женщина, — но давай на этом закончим: много знать — потерять мужество!

— Я не потеряю, — проворчал Конан, но Иолина уже дала шпоры коню и унеслась в степь.

— Я скоро вернусь... — издалека донесся ее голос.

Конан подъехал ближе к оборотням-погонщикам.

— Ты говорить умеешь? — обратился он к одному.

Человекозверь молчал, угрюмо сверкая из-под капюшона волчьими глазами.

— Значит, нет, — вздохнул киммериец, — или же просто не знаешь нашего языка...

Прискакала Иолина. Судя по хлопьям пены на конской морде, она успела проделать немалый путь.

— Увидела что-нибудь интересное? — усмехнувшись, спросил Конан.

— Кое-что увидела, — серьезно отозвалась женщина.

— Что именно?

— То, что нам наперерез скачет отряд вооруженных до зубов горцев! И, судя по их целеустремленности, они кем-то направлены...

— Твоим братом? — Конан уже не улыбался.

— Кем же еще?

— Может, они просто едут по своим делам, и нам стоит остановиться и пропустить их?

— Они скачут к нам, мой варвар, так что, приготовься к бою!

Конан угрюмо кивнул и посмотрел на оборотней.

— Они нам не помогут?

— Они превращаются только ночью. Днем — это не войны.

— Сколько человек в отряде?

— Около тридцати, наверное. Мне некогда было считать — они меня увидели. Спасла только ревность коня.

— Так, значит, они могли действительно ехать по своим делам, а ты просто попалась на пути?

— Нет, мой варвар, не обольщайся, — женщина неожиданно засмеялась, — я чувствовала, что братец натравил на нас горцев, потому и поехала на разведку.

— И скоро они будут здесь! Ты не могла их намного опередить. Что ж, будем драться! — Конан обнажил меч.

В степи показалась длинная цепочка всадников.

— Вот и они, — Иолина спокойно посмотрела на горцев, скачущих во весь опор, затем — на смешливо — на Конана, приготовившегося к бою.

— Не волнуйся, мой варвар... — начала она, с улыбкой.

— А я и не волнуюсь, — мрачно перебил Ко-

нан, — я встречу их в степи, подальше от каравана, и постараюсь увести за собой.

Он уже собрался дать шпоры коню, но женщина остановила его повелительным жестом.

— Не спиши, герой. Твоя задача охранять моего коня и верблюдов. На тот случай, если кто-то из них прорвется, — она спешлась и быстрым шагом направилась в степь. Конан заметил, что при ней не было даже меча.

— Постой! Как ты собираешься драться?

— Ты забыл, кто я, — крикнула Иолина, не оборачиваясь — стереги караван!

— Забыл?! Я не знал, кто ты! И до сих пор не знаю...

Горцы приближались. Уже можно было рассмотреть их гнедых и вороных коней, смуглые, бородатые лица.

Конан оглянулся на караванщиков. Какой с них толк, вообще? Если они не могут даже защитить свою хозяйку?! Оборотни собрали в кучу верблюдов и схватили под уздцы коня Иолины.

В степи вдруг раздался крик ужаса. Конан мигом обернулся и... застыл в изумлении. Огромный дракон, распустив кожистые крылья, палил огнем пытающихся спастись всадников. Многие горели, многие, уже обгоревшие и почерневшие, вместе с лошадьми лежали посреди выжженной проплешины. Конан вложил меч в ножны. Понятно. Она же умеет... Да, я действительно забыл, кто она.

Горстка уцелевших горцев, нахлестывая коней, пыталась спастись в степи. Дракон захлопал

крыльями и поднялся в воздух. Высохшая трава вокруг горела. Горцы с криками погибали, сгорая заживо в драконьем пламени. Вскоре в степи не осталось ни одного всадника — только обгорелые трупы. Конан вдруг ощутил острую жалость — не к людям, к лошадям. Бедные животные! Они-то в чем виноваты?

Люди вокруг, почти всегда были злокозненными, исключая, может быть, нескольких друзей. Да и те, для других — такие же враги. Человеческая стая! Люди не могут жить в одиночестве и не умеют мирно жить в стае! Что ни говори, а человек — самое странное и самое страшное существо на земле! Да, люди почти всегда были врагами! Но лошади!.. Эти благородные животные, верно служат хозяину и погибают, не зная почему, за что... Погибают потому, что человек оказался втянут в битву, или в злые козни, вот, как сейчас...

Трубный звук, раздавшийся с небес, заставил Конана поднять голову. Дракон летал кругами и издавал победный клич. Конан махнул рукой — спускайся. И тут же подумал — насколько затемнено сознание Иолины, сменившей тело на драконье? Может быть, она с трудом помнит прошлое, и все люди для нее теперь — враги? Не набросится ли она на него, как на несчастных горцев?

Дракон, сложив крылья, спикировал на выжженную посреди степи поляну. Затормозив, плавно приземлился и уставился на Конана огромным, круглым глазом. Злобы в нем не было,

скорее, любопытство. Конан спешился, чтобы не пугать коня и спокойно подошел к дракону. Заметил, какая у него морщинистая кожа — не ше... да, в общем, и по всему телу. Чешуи не было. Может, этот дракон недавно полинял и теперь будет неспешно отращивать новую чешую?

Конан не заметил, когда чудовище исчезло, и перед ним предстала Иолина — восторженная, со сверкающим взором, с радостно вздыхающейся грудью.

— А почему у дракона не было чешуи? — буднично спросил Конан.

Женщина разочарованно вздохнула:

— Ты совсем не испугался... А ведь я могла раздавить тебя одной лапкой!

— Мне приходилось биться с драконами, — сдержанно ответил Конан.

Повисла неловкая пауза. Тут уж, нужно было, или нескольких суток подряд расспрашивать обо всех чудесах, или ограничиться замечанием насчет отсутствия чешуи.

Подошли к каравану. Верблюды совсем не выглядели испуганными, и Конан подумал — может у них просто не хватает мозгов, чтобы осознать опасность? Вон лошади — даже мелкая дрожь их бьет!.. Еще бы — вот так, неожиданно, встретиться с огнедышащим драконом!

4

Кезанкийские горы угрюмо нависали над степью, подавляя мрачным величием и дикой, не-

обузданной красотой. Караван казался крошечным по сравнению даже с небольшими скалами, рассыпанными по отрогам великой горной гряды.

По мере приближения к таинственному брату-злодею, засевшему в горах, Иолина становилась все более нервной, и Конан с удивлением обнаружил, что демоны имеют вполне человеческие чувства. В том, что его хозяйка — демон, он теперь не сомневался. Кто же еще может менять тела, как рубашки? Кто еще может, вот так, за просто, превратиться в дракона и поджарить врагов? Была, правда, еще возможность того, что Иолина — богиня. Но, если разобраться, велика ли разница? И те, и другие, занимаются своими делами и равнодушны к людям. Некоторые наивные человечки, думают, что боги помогают людям, но ведь они ошибаются! Конан был уверен: они ошибаются! Боги, в лучшем случае, иногда следят за людскими делами, но помогать?!. У них свои дела, свои заботы, свои битвы и воины. Вот, например, как у Иолины — вражда с братом. Причем, вражда, насколько он, Конан, понял, смертельная. Правда, Иолина — все же, скорее, демон, а не бог.

— Теперь нам нельзя терять времени, — резко сказала женщина, разглядывая что-то на заснеженных вершинах, — брат обрушит на нас всю свою мощь, и если мы не поспешим — увязнем в мелких стычках.

— А если поспешим? — Конан пытался понять, что же она увидела в горах. Может, уже ползут какие-нибудь чудовища?

37

— Если поспешим, битва будет в его логове. Тогда у нас есть шанс победить.

Конан хмыкнул и, тронув каблуками коня, повел караван в горы еле заметной тропкой, змейкой петляющей меж валунов и скал. Верблюды шли нехотя. Они любили лески, а не валуны и скалы. Погонщикам то и дело приходилось прохаживаться кнутом по их лохматым бокам. Вечерело. В горах, как известно, ночь наступает быстро.

— Остановимся на ночлег? — спросил Конан, придержав коня.

— Придется, — нехотя ответила Иолина и, заметно нервничая, опять глянула на горные вершины, освещаемые последними лучами заходящего солнца.

Конан, как ни старался, не мог разглядеть ничего необычного. Остановив караван, он, привычными движениями, распаковал седельную сумку, разложил дорожную снедь и вдруг подумал: а ведь его хозяйка так ни разу и не разделила с ним трапезу.

Совсеменно, он не помнил, чтобы она, вообще, ела. И это наводило на некоторые мысли. Конан невольно глянул на погонщиков — вот-вот исчезнут... Побегут охотиться, набивать кровавым мясом волчьи утробы. А их хозяйка! Она ведь тоже где-то пропадает по ночам. Более того — однажды она прямо сказала, что хорошо пообедала ночью!

Киммериец задумчиво жевал сухие лепешки. Может быть, спросить ее прямо, пока не исчезла?

— Скажи... Ты, чем питаешься? — против обыкновения, он чувствовал себя неловко.

— Кровью, конечно, — буднично ответила женщина, — а ты как думал?

— Да, я, в общем, так и думал...

— Но не бойся, мой варвар, твою кровь и твою жизнь я буду беречь, ты мне нужен.

— Пока, нужен, — уточнил Конан. Ему все более становилось не по себе. Во что, собственно, он ввязался? Что помешает ей, победив брата с его, Конана, помощью, в качестве благодарности выпить всю его кровь? И платить не надо. Хотя... Конан одернул себя — насчет платы он не прав. По всему видно: деньги — нашего мира, земные деньги — золото, камни, серебро, она не считает. И заплатить за службу ей ничего не стоит. А ему, если случится победить и, вообще, остьаться в живых, не следует стесняться, назначая цену!

Вероятно, все эти мысли отражались у него на лице, потому, что Иолина смотрела с усмешкой.

— Ты мне нужен, варвар, — повторила она, — и не только для схватки с братом...

— А для чего еще?

— Поговорим об этом после битвы... Совсем стемнело, мне пора...

— Подожди! На кого ты охотишься? Чью кровь пьешь? Зверей? Ведь тут никого больше нет!

— Я летаю в ближайшие города... — донесся из ночной тьмы ее затихающий голос.

— О, Кром! — Конан был обескуражен.

— В ближайшие города? В Аренджун? В Шади-

зар? В Султанапур? Куда, демоны ее забери, она летает?

Он представил, как опускается на улицы ночных города ее стремительная тень. Как неожиданно появляется она перед загулявшими прохожими. Может, ее принимают за проститутку? И спокойно позволяют красивой блуднице поцеловать себя в шею. Потом, почувствовав острые зубы, пытаются вырваться, но поздно — нежные руки вдруг стискивают тела беспечных гуляк железной хваткой, пухленький ротик превращается в ненасытную пасть упыря, у человека кружится голова от недостатка крови, и вст он уже бездыханный лежит на дороге. А красавица-вампирела идет на поиски следующей жертвы.

Конан потряс головой. Он назвал ее упырем, но это, вероятно, не совсем верно. Что такое упырь, вурдалак, вампир? Мертвец, вставший из могилы для того, чтобы пить кровь. Днем он мертвает и спит в гробу, или где придется. Но Иолина днем чувствовала себя прекрасно. И она явно не была мертвецом. Нет, она не упырь. Тогда кто же? Демон, бог? Нейсно, так же, как и в начале их знакомства. Она — существо, питающиеся кровью, умеющее менять тела, летать, напускать морок и, вероятно, еще много чего. И вообще — Конан покачал головой — почему эти люди решили, что знают всех существ, обитающих в мире? Тем более, в соседних мирах? Он вспомнил частые споры в харчевнях о вампирах, оборотнях, чудовищах. Всегда находились «знатоки», рассказывающие о чем-либо с таким видом,

будто знают все на этой земле. А сами, конечно же, не видели и сотой части того, о чем толкуют.

Окончательно стемнело. Верблюды и лошади испуганно сбились в кучу и смирино стояли неподалеку. Конан прислушался. Ночи в горах редко бывают тихими. То скатится в ущелье валун и эхо пойдет гулять меж заснеженных вершин. То горные козлы, прыгая с камня на камень, вызовут небольшой обвал, то ветер донесет несмолкаемый говор водопада, шумящего где-то вдали. Все эти звуки Конан, выросший в горах, хорошо знал. И теперь, приставив ладони к ушам, прекрасно различал, и шум водопада вдали, и эхо горных обвалов. Но слышался еще какой-то звук. Непонятный, неопознанный. Напоминающий многократно усиленное шуршание ползущего по стебне жука. Вспомнились тревожные взгляды Иолины. Она явно пыталась различить что-то на далеких горных вершинах. Может, она, благодаря сверхъестественным способностям, уже тогда чувствовала приближение... Чего? Кого? Что за чудовище ползет по горам, пробираясь к их стоянке? Не зря испуганные животные жмутся к человеку. Вот только, сумеет ли он их защитить? Сумеет ли он защитить себя?

Теперь уже явственно слышался грохот падающих в пропасть камней, выкатывающихся из-под чьей-то тяжелой лапы. Ночная темнота, очевидно, не была помехой чудовищу. Сколько раз Конан проклинал свои глаза, не видящие в темноте, сколько раз завидовал волкам, собакам и кошкам! Даже летучие мыши, вовсе не имеющие

глаз, хорошо «видели» ночью! Что же за проклятье наложено на человека, неющего различить в темноте подкрадывающегося хищника?! Кому, каким богам понадобилась их ночная слепота? Зачем они лишили человека ночного зрения?! Чтобы ночами людей ловили чудовища? Чтобы не слишком плодился человек на этой земле? Но они просчитались — глупые боги! Человек все равно остается царем зверей, хозяином земли!

Внезапно дрожь холодной волной прокатилась по позвоночнику. Да в своем ли он уме?! Какой там хозяин?! Вспомнились демоны, которых он знал и о которых слышал. Вспомнились гиганты, спящие до поры в подземных убежищах. Нет, не человек хозяин на этой земле! Мнить себя хозяином, значит быть неисправимым глупцом. Так же таракан, живущий в закромах у толстого Асланкариба, может вообразить себя хозяином таверны! Нет, человека в этом мире просто терпят. Пока. Терпят до поры, до времени. До тех пока он не разозлит по настоящему великих богов... Или ужасных демонов... Или тех, кто бьется между собой за власть над миром — Богов Седой Старины и Властителей Древности. Вот кто правит эти миром! Точнее, нет, не правит... Все они, похоже, боятся за право владеть и управлять миром, но пока... Пока все идет само собой. Но это не значит, что человек — жалкая, смертная букашка — владелец мира!

На счастье, из-за горной вершины показался тонкий серп нарождающегося месяца. Стало

светлее. Силуэты испуганных верблюдов и лошадей стали явственней выступать на мутном фоне неба. Конан вздохнул — ночь только начиналась.

* * *

Из таверны на окраине Шадизара, еле представляя заплетающиеся ноги, вышел человек, одетый для этой части города весьма прилично. Мягкие, высокие сапоги на изящно изогнутом каблуке, дорогая, расшитая бисером рубаха, пара украшенных драгоценными камнями кинжалов за поясом, на котором висел не слишком длинный, но тяжелый и внушительный меч. Человек явно имел деньги и любил их тратить. Поводя по сторонам темными, слегка раскосыми глазами южанина, человек направился к центру города, очевидно в поисках дальнейших удовольствий.

Ночные улочки не были пустынны. По закоулкам сновали тени каких-то темных личностей. Блудницы, как вампиры, внезапно появлялись из темноты и предлагали свое потасканное — но иногда и молодое — тело. Пьяные гуляки с песнями и хохотом — иногда поодиночке, иногда целыми оравами — перебирались из кабака в кабак. Наконец, зловещим предзнаменованием, дорогу то и дело перебегали черные кошки.

Ограбления и драки в этой части города не были редкостью, и человек знал это. Несмотря на свое состояние, он зорко оглядывал окрестности и хватался за меч каждый раз, когда замечал неподалеку подозрительные силуэты. Увидев, что

пьяный гуляка хорошо вооружен, разбойники испарялись, ругаясь вполголоса и проклиная очередную неудачу.

Две черные фигуры уже давно шли за человеком, не рискуя приближаться, но и не отставая. Вероятно, они надеялись, что пьяница скоро уснет где-нибудь под кустом, и тогда они без труда смогут как следует поживиться. Но человек и не думал спать. Наоборот, он стал напевать старую песню наемников, которая всегда придавала ему, да и всем другим воинам, бодрость.

Очередная тень встала перед ним на дороге. Но рука человека, схватившаяся за меч, медленно опустилась, и довольная улыбка появилась на его тонких губах.

Перед ним стояла женщина. Прекрасная, как юная пери, со сверкающим золотым обручем на высоком челе, с тонкой талией, украшенной несколькими золотыми и серебряными цепочками. Тонкая, прозрачная ткань, всего лишь в нескольких местах прикрывала прекрасное тело и была столь эфемерна, столь призрачна, что только легкой дымкой оттеняла грудь и живот этой необычной женщины. Словно во сне человек протянул руки и заключил в объятия тонкое гибкое тело юной прелестницы. Горячие, мягкие губы ласково коснулись его шеи...

Двое бродяг, шедших по пятам, остановились невдалеке, наблюдая за происходящим. Неизвестно откуда взявшаяся красавица ласково обнимала их предполагаемую жертву. Похоже, что в эту ночь им опять ничего не перешадет. Блудница,

конечно, уведет его к себе, сумеет еще подпоить, а затем ограбит. А они, похоже, зря топтали тут землю. Но что это?! Человек забился в объятиях красавицы, как рыба в силах. Что-то закричал...

— О боги, — сквозь стиснутые от боли зубы кричал человек, — кто ты? Что тебе надо? О, если бы со мной был Конан, ты бы жестоко поплатилась за это!

Женщина вдруг отняла испачканные кровью губы от шеи жертвы и внимательно посмотрела в темные, ряжеские глаза.

— Ты знаешь Конана? — она по-прежнему крепко держала его за плечи, не позволяя убежать.

— Знаю... — слабым голосом отозвался человек, — вот уже несколько дней я ищу его по всем тавернам...

— Как тебя зовут? — Женщина, казалось, раздумывала: отпустить этого пьяницу, или, все же выпить его, разбавленную вином, кровь.

— Я — Култар, друг Конана... Уже несколько дней...

— Ты действительно его друг или просто знакомый? — Красные губы незнакомки растянулись в улыбке, от которой у несчастного гуляки похолодела душа.

— Друг! Мы вместе с ним ходили в проклятый монастырь, были в Городе Колонн... Мы, вместе с ним...

— Ладно, — сильные руки встряхнули шатающегося человека и он, приободрившись, поднял голову, — ладно живи. Если ты действительно

друг Конана я не буду тебя убивать. А кто это там? Они, кажется, шли за тобой?

Женщина метнулась к бродягам, в оцепенении наблюдавшим за разыгравшейся перед ними сценой. Послышался крик, затем другой. Култар, прижимая платок к окровавленной шее, не оглядываясь, поспешил прочь. Конан вновь спас ему жизнь, даже не подозревая об этом. Ничего, когда он найдет друга — расскажет ему все...

* * *

Конан устал вглядываться в ночную тьму, окутавшую горы. Прикрыв глаза, он полностью положился на слух. Чудовище приближалось и, судя по шуму, им производимому, имело огромную массу. В ожидании Конан приготовил и сложил в кучу все, что могло гореть — сухую траву, ветки кустарника, свой платок одну из седельных сумок... Но запалить костер сейчас, значило привлечь внимание чудовища. И хотя не было сомнений, что огромная туша ползет именно к нему, все же зажигать костер заранее не стоило. Оставался, хоть небольшой, но шанс, что эта тварь не послана братом Иолины, а ползет по своим делам. Еще меньше была вероятность того, что монстр его не найдет. И все же, не стоило заранее оповещать о своем присутствии. Да и костра надолго не хватит...

Еще раз убедившись, что кремень и трут наготове, Конан застыл в ожидании: деревья с неимоверным треском падали уже не подалеку. Вскоре

послышалось хриплое дыхание, походившее на работу огромных — неимоверно огромных — кузнечных мехов. Лошади испуганно заржали и забили копытами. Может, стоило их освободить от пут? Конан поморщился. Стреможенные лошади могут, конечно, погибнуть, но избавленные от пут они со страха ускакут так далеко, что придется надолго стать пешеходом. Если — останешься в живых...

Месяц скрылся за тучей, и ночь превратилась в осязаемый сгусток вязкой черноты. Пронзительно закричала ночная птица. Ее тревожный крик подхватила другая, за ней — третья. Конан хмыкнул — им-то чего боятся? Вспорхнули и улетели! А все опасности остались там, на земле, далеко внизу.

С грохотом упало дерево. Может, пора запалить костер? Нет, рано... Земля заметно подрагивала при каждом шаге чудовища. Небольшое ущелье, где остановился караван, наполнилось грохотом катящихся камней. Конан попытался представить размеры монстра. Но с чем сравнить? Как? По звуку? Бегущее стадо слонов, производит, пожалуй, такой же грохот и сотрясение земли. Значит, если всех слонов собрать воедино и слепить из них некое существо — вот и будет монстр, что сейчас приближается к нему в темноте.

Внезапно наступившая тишина оглушила. Зверь остановился. Конан взял в руки кремень — пора зажечь костер! Чудовище приюхивается, через несколько мгновений бросится! Удар крем-

нем по кресалу! Искры рассыпались и погасли. Трут даже не задымился. Еще и еще. Конан сжал зубы и заставил себя успокоиться. Неужели у него задрожали руки?! Чудовище с силой втянуло воздух. Оно учудило присутствие человека. Присутствие пищи! Очередной сноп искр, небольшая струйка дыма и... нечего. Трут отсырел! Ночи в горах прохладные. После жаркого дня, возможно, пала роса. Раздалось низкое, утробное рычание. Если раньше монстр только чуял, то теперь, вероятно, и увидел человека. Конан несколько раз с силой дунул на трут, пытаясь его просушить. Неужели из-за такой малости, как ночная прохлада, придется лишиться жизни?!

Удар за ударом... кремень-кресало... трут задымился... теперь нужно раздувать пламя... вот только, есть ли на это время? Уже чувствуется смрадное дыхание зверя! Он где-то рядом — темнота надежно скрывает приближающуюся смерть... Ночь, оказывается, может быть милосердной... Внезапный удар! Надрывно закричал смертельно раненый верблюд. Значит, чудовище неразумно. Брат Иолины надеялся, что оно, проголодавшись, сожрет того, кого следует! Пока же попался верблюд. Раздалось отвратительное чавканье. Раздувая огонь, Конан подумал, что strenоженные животные теперь все равно убегут так далеко, как только сумеют...

Маленькое пламя заплясало в ладони киммерийца. Не чувствуя боли от ожога, он медленно поднес трут к костру. Топливо, конечно, тоже отсырело... Кром! Сегодня ему не ведет! Но огонь,

как проголодавшийся зверь, набросился на траву и ветки, и скоро костер выхватил из тьмы невероятную картину. Огромная темная туша закрывала половину ущелья. Бородавчатую голову, величиной с хороший дом, украшали две пары прямых рогов, длинной в рост человека. Из жующей пасти капала слюна и кровь, а жалкие останки одного из верблюдов лежали под когтистой лапой. Пламя костра беспокойно металось, отражаясь в бессмысленных глазах чудовища. Конан вскочил, но тут же остановился в нерешительности. Что он сможет сделать такой громадине?

Чавкающая морда наклонилась, мелькнул длинный, как удав, язык, и останки верблюда исчезли в огромной пасти.

— О, Кром! — Конан торопливо озирался по сторонам.

Если бы под руку попалась сухая ветка — он сделал бы факел и ткнул им в эту жующую пасть! Но вокруг — только камни! Все, что могло гореть — уже догорало.

Чудовище повернуло в его сторону окровавленную морду. Языки пламени весело плясали в его выпуклых глазах. Монстр увидел еще одну жертву, еще один шевелящийся кусок мяса. Конан лихорадочно искал выход. Что делать? Бежать? Вряд ли далеко убежишь в кромешной тьме от зверя, который хорошо видит ночью. Попытаться спрятаться? Слияться с каким-нибудь валуном? Найдет по запаху.

Зверь повернулся и неспешно направился к костру. Над Конаном нависла бородавчатая

пасть, с торчащими окровавленными зубами, между которыми змеей мелькал толстый, раздвоенный на конце язык. Сейчас он с быстротой молнии метнется к человеку, к добыче, к куску мяса, костей и вкусной крови и тогда...

Внезапно время остановилось. Конан увидел яркое солнце, синее небо и сидящего на камне старца, рассказывающего ему, мальчику из киммерии, как можно убивать свистом. По словам учителя, если начать с детства и тренироваться ежедневно по несколько часов, можно овладеть необычайной техникой свиста такой силы и пронзительности, что люди и животные будут терять сознание и даже умирать. Мозг, и человека, и зверя просто не в силах воспринимать эти разрушающие звуки и, спасая себя, станет на время отключаться. И в этот момент потерпевший сознания, врага — если это человек, можно заколоть, а если зверь — добить с такой легкостью, которая и не снилась ни одному охотнику. Если же стоять над противником и свистеть каждый раз, когда он очнется — он вскоре погибнет. Но — пояснял старец — ждать, когда противник придет в себя просто глупо, проще его прикончить сразу же, после потери сознания. Да и свист этот, даже тренированному человеку дается нелегко. Нет, не стоит свистеть часто — достаточно одного мощного звукового удара!.. А дальше в действие вступает кинжал или меч.

Конан слушал старца вполуха, не убегая только из уважения к его почтенному возрасту. Да еще, может быть, опасался — а не свиснет ли он

в след убегающему ученику? А когда перешли к практическим занятиям, и юный Конан едва не порвал щеки, старец, оказавшийся добрым, долго учил мальчика сложной технике этого ужасного, убивающего все живое, свиста.

От посвиста Конана никто, конечно же, не падал в обморок, и он засомневался — а не шутка ли это почтенного старца? Может, он любит рассказывать сказки и, оставшись в одиночестве, смеется над доверчивостью учеников? Но старец, на глазах у Конана, которому предварительно заткнул уши тряпками и залил воском, поверг на землю свистом сразу нескольких лошадей и одного проходящего мимо верблюда. Юный Конан поверил старику и на некоторое время стал его прилежным учеником. Но вскоре увлекся сражением на палках и забросил изнуряющие тренировки по свисту.

Техника смертельного свиста была сложна даже на первый взгляд, и практически недоступна тому, кто не сможет посвятить ей всю жизнь. Конан, конечно же, не овладел ей в полной мере...

Следовало особым образом сложить язык — только для этого требовалась длительная тренировка — прижать ладони к щекам, набрать в грудь воздуха столько, чтобы только-только не лопнуть, напрячь и, опять же, сложить в нужный «узор» губы, затем мысленно «отключить» уши, чтобы уменьшить нагрузку на свой собственный мозг и — свистеть. Но свистеть не так, как это делают мальчишки, гоняя коров и коз — свистеть, следовало тоже особым образом! С не-

ожиданными переливами, повышая и понижая тон, работая языком и губами!

Все это в один миг пронеслось в сознании Конана, когда над ним угрожающе нависла мерзкая окровавленная пасть.

Мелькнула безумная мысль — попробовать оглушить монстра свистом? Давно забытая техника вспомнилась сама собой.

Киммериец сложил губы, «поставил» язык, прижал руками щеки (для чего пришлось бросить меч), набрал воздуха и засвистел с нужными переливами. Легкие, казалось, вот-вот разорвутся, уши заложило — о боги, он забыл их «отключить» — но Конан свистел до тех пор, пока сам не упал на колено, ощущая тошнотворное головокружение.

Чудовище застыло. Нет, оно не упало, конечно, и не упадет — но застыло огромной каменной глыбой. Ничего не слыша, кроме шума в ушах, Конан поднял меч и скользнул под пульсирующее брюхо. Запах свежих экскрементов шибанул в нос — ужасный звук расслабил монстру кишечник, и теперь позади него возвышалась свежая, дымящаяся куча.

Конан знал, что у него есть несколько мгновений — всего лишь! Несомненно, чудовище скоро очнется, и тогда придется все начинать сначала... Выбрав место, он вонзил меч в серое, равномерно вздывающее и опадающее брюхо и, сделав несколько режущих движений, выпустил — вывалил — кишки.

Чудовище даже не шелохнулось.

Весь обрызганный кровью, Конан торопливо отбежал на несколько шагов. Только теперь монстр стал приходить в себя. Словно бы с удивлением сделал несколько шагов, остановился и оглянулся. Тупо посмотрел на волочащиеся за ним кишki. Затем медленно, все еще будучи в заторможенном состоянии, наклонил морду и его ужасный язык подхватил с земли окровавленные внутренности. Костер догорал, но в неясном свете еще можно было разглядеть, как чудовище жует и с чавканьем заглатывает собственные кишki.

Конан, уже спокойно, вытер меч о траву и вложил в ножны. Затем — в полной темноте — отправился на поиски протекающего неподалеку ручейка, намереваясь смыть с себя кровь и слизь смертельно раненного монстра.

5

Утром Иолина разбудила Конана нежным поцелуем. Киммериец видел, как шевелятся ее губы, и не слышал ни слова.

— Я оглох — громко, как все глухие, сказал Конан.

Иолина понимающе кивнула.

«Что случилось?» — спросили ее глаза.

— Я оглушил свистом чудовище, но и сам оглох, — прокричал Конан, — надеюсь, ненадолго!

Лицо женщины выразило удивление, затем, что-то вспомнив, она посмотрела на киммерийца с восхищением.

«Да, я знаю, что свистом можно убивать, но не думала, что ты владеешь этой техникой» — говорили ее глаза.

— Меня учил когда-то один старец, но я был плохим учеником! Забыл «выключить уши» — с досадой сказал Конан, на сей раз так тихо, что женщина с трудом расслышала.

Оборотни-погонщики привели верблюдов и лошадей. Навьючивая животных, они бросали быстрые взгляды на лежащую неподалеку тушу, и Конан мельком подумал, что в волчьем обличии они обязательно попробовали бы свежего мяса. Иолина мельком глянула на мертвое чудовище:

— Этот монстр сам себя пожрал, после того, как ты выпустил ему кишки?

Конан кивнул.

— Мой брат всегда держал безмозглых тварей. Как-то он напустил на меня некое существо — искусственно выращенную помесь собаки и льва. Брат считал, что от собаки к твари перейдет преданность хозяину, а ото льва — сила и храбрость.

— И что же? — спросил Конан и только тут понял, что слышит.

— Подожди! Я нормально слышу!

— Естественно, — нетерпеливо отозвалась Иолина. Она уже погрузилась в воспоминания и не хотела отвлекаться — такие пустяки я могу вылечить мгновенно! Вот, если бы тебе оторвало руку или ногу... Но и в этом случае, я смогла бы помочь...

Конан подумал, что зря поддался эмоциям и

перебил рассказ женщины — теперь она вновь может замкнуться и надолго замолчать.

— Ну, так и что же с этой собакой-львом?

Иолина посмотрела на него невидящим взором. Мысленно она все еще была в том, далеком времени...

— Тварь действительно получилась преданной и сильной, но, почему-то совершенно безмозглой. Я без труда с ней справилась. Тогда брат напустил на меня других, и мне пришлось бежать... Теперь, пришла пора отомстить... — она прервала рассказ и глянула в сторону навьюченных верблюдов и оседланных лошадей.

— Продолжай!

— Нам пора. Не стоит слишком задерживаться, — женщина уже вернулась в настояще.

Она грациозно вскочила в седло, и Конан на миг увидел ее другой — с горячими глазами, лежащей над заснувшей степью в поисках пищи. Представил, как она — самый страшный ночной хищник — устремляется в город в поисках свежей крови. Интересно, как он выглядит сверху — ночной город? И как она летает над ним, выискивая добычу?..

На миг синие глаза киммерийца затуманились. Странная и страшная женщина, чья судьба самым удивительным образом оказалась переплетена с его судьбой...

Иолина замерла в седле, внимательно посмотрела на своего телохранителя — слишком внимательно — и на него обрушилось это.

Нельзя сказать, что это были виденья или мо-

рок. Нет, он действительно летел над степью, а над ним сияли мохнатые звезды! Темнота безлунной ночи казалась ему всего лишь серой, как сумерки в пасмурный день. Он летел и наслаждался невиданной доселе легкостью и свободой. Чтобы управлять полетом не требовалось никаких усилий, достаточно было мимолетного желания. Вверх? И земля осталась далеко позади — плоская, как чашка в таверне толстого Асланкариба. Еще выше? И на него, ослепляя, надвинулись звезды, а земля вовсе исчезла из вида. Нет, нет, ниже — туда, где огоньки города... Вдали мелькнули далекие огни. И вот под ним расстилается большой город. Еще ниже. И уже видны горящие факелы на городских воротах, ночные улицы с редкими прохожими и чадящие масляные лампы на дверях харчевен. Новое, необъяснимое, волнующее чувство овладело воином; позднее он понял, что чувство это — полная свобода и безнаказанность.

Он может делать все, что пожелает! Абсолютно все! Пить кровь у ночных гуляк, украсть городскую казну, похитить красавицу-княжну, которую охраняют днем и ночью, снести у поздних прохожих головы с плеч одним легким движением меча... Возможно все, любой каприз, любое злодейство — все, что возжелает душа!..

И он вдруг понял — когда на тебя обрушаются вседозволенность, можно совершить такие поступки, какие никогда бы себе не позволил в обычном состоянии. И еще одну вещь узнал киммериец — любой, даже самый добрый, самый

благодетельный человек, носит в глубинах души ужасные противоестественные желания! Там, за запертymi наглухо дверьми, сокрыты до поры такие ужасные монстры, такие злодеи, такие отвратительные чудовища духа, что никогда, ни при каких условиях нельзя позволить им вырваться наружу!

Но состояние вседозволенности... Это страшная вещь! Это ключ, которым открываются те самые потайные двери... И то, что этот город — такой беззащитный — весь в его, Конана, власти может развратить его и вызвать из глубин души ужасных монстров...

Все исчезло так же внезапно, как и началось и ошеломленный Конан вернулся в настоящее. Он все еще готовился вскочить в седло, а сидящая на коне женщина не сводила с него пристального взгляда.

— И что ты почувствовал, мой варвар? — Иолина с интересом наблюдала за выражением его лица. Столь частое и внимательное разглядывание его физиономии уже начинало раздражать. Похоже, эта странная женщина видит его насквозь — чувства, мысли, душу... Не зря же она обрушила на него ночной полет в тот момент, когда он заинтересовался ощущениями человека, умеющего летать. Не зря показала, какие монстры таятся в поглощенных глубинах души каждого человека, и как абсолютная власть и вседозволенность могут вызвать их к жизни.

Наконец, Конан пришел в себя и часто дыша, словно ему пришлось взобраться на высокую го-

ру, вскочил в седло. Медленно повернул голову и посмотрел в серые глаза хозяйки.

— Что я почувствовал?.. Бездну... Пропасть... Ты это хотела мне показать?

— Именно это! Теперь ты понимаешь, что не многие умеют держать себя в руках, когда становятся всемогущими? Мой брат не сумел... Поэтому он стал опасен и его следует уничтожить. И сделать это сможешь только ты, мой варвар!

Конан посмотрел на тушу мертвого чудовища, на волков-погонщиков, тронул каблуками коня и повел караван в сердце Кезанкийских гор.

6

Ураган бушевал с такой силой, что горные вершины как живые стонали от напора ветра и ударов молний. Словно сухие прутики, ломались вековые деревья.

Дождь лил непрерывно, и ущелье, по которому шли Конан и Иолина, затопило пенистыми потоками мутной воды. Вновь образовавшаяся река с ревом бросала под ноги путникам крупные камни и обломки деревьев.

Конан, не слишком-то обращая внимания на разбушевавшуюся стихию, упрямо пробирался вперед.

Доходившая до колен вода была ему ни почем, льющиеся с неба потоки только приятно охлаждали разгоряченное тело, а молнии... молнии Иолина отводила одним небрежным взмахом изящной, тонкой руки.

— С таким прикрытием можно сражаться хоть с самим дьяволом, — бормотал киммериец, поддерживая хрупкую спутницу.

Караван остался внизу (не съели бы оборотни лошадей и верблюдов), горная тропа петляла, исчезала и вновь появлялась, брат Иолины обрушивал на приближающихся врагов, то ураган, то камнепад (иногда сель или лавину), но закаленный в боях варвар и его нанимательница упрямо шли к цели.

Уже несколько дней пробирались они незаметными горными тропами — все выше и выше, туда, где в высокогорной пещере засел злодей. Вскоре путники поднялись выше облаков и шли, освещаемые ярким, веселым солнцем, которому явно не было никакого дела до распрай волшебников, демонов и прочих существ.

— Ты действительно хочешь убить своего брата? — на одном из привалов спросил Конан.

Иолина задумчиво посмотрела вдаль.

— Если этого не сделать, миру будет вечно грозить беда. Мы с сестрами пока противостоим его козням, но он набирает силу. И если его не остановить, через несколько лет он разрушит этот мир и попытается создать свой. И я знаю, что тот мир получится ужасным — уродливым и несбалансированным. Но самое страшное — в нем будет безраздельно царить даже не брат, а... тот, другой...

— Кто? — мрачно спросил Конан, не надеясь на вразумительный ответ.

— Тот, кто дает теперь силу моему брату, кто

давно пытается властвовать над миром — не важно каким, лишь бы властвовать...

— Ну и... кто же он такой? Бог? Демон? Дьявол?

— Не обижайся, мой варвар, — мягко сказала женщина, — если тебе рассказывать, ты многое не поймешь... Ну и, кроме того, если уж рассказывать, то — все до конца. А на это у нас просто нет времени.

С горы катился огромный снежный шар, рождая и увлекая за собой лавину. Иолина подняла ладонь, и шар прокатился далеко в стороне. Далеко внизу чернели грозовые тучи — вероятно ураган все еще бушевал. Иолина поднялась и посмотрела на заснеженный пик, стрелой уходящий к небесам.

— Сейчас я соберу все силы и перенесу нас на вершину. Там будет небольшая пещера. В ней ты увидишь... может, человека, а, может... я не знаю какое обличие он примет. Убей его сразу и без колебаний. Для твоего меча он будет уязвим. Убей, не слушая, что он скажет, убей не раздумывая — он попытается обмануть тебя, заморочить голову!

Теперь обними меня, и мы полетим на вершину. На этот полет сил у меня, будем надеяться, хватит.

Конан стоял неподвижно. Иолина вскинула брови.

— В чем дело? Ты боишься?

— Я не уверен.

— В чем?

— В том, что злодей он, а не ты! В том, что убив его, я спасу мир, а не погублю его. Разве можно действовать, полагаясь только на твои слова?!

— Так ты хочешь знать всю правду?! — крикнула женщина. В глазах ее взметнулись искры, и она вновь стала той надменной аристократкой, которую он увидел утром в каморке над таверной толстого Асланкариба.

— Хочешь всю правду? — повторила Иолина, немного успокоившись. Она вновь опустилась на камень и жестом приказала Конану сесть рядом.

— Ну, что ж... Правда в том, что он раскольник. Он откололся он нашего рода и теперь строит коварные планы. То, что я говорила про возможную погибель мира — тоже правда. Ну... может, это случится не так скоро... Но если его не остановить — случится обязательно. Я тебя не обманывала... Просто умолчала кое о чем...

— О чем?

— Это не имеет отношения к делу!

— Сейчас все имеет отношение... О чём ты умолчала? Говори!

Лицо женщины было искажено страданием, но синие глаза киммерийца отражали только ледяную бесконечность. Повисла напряженная тишина. Казалось, стихли даже громовые раскаты далекого урагана.

— Мы любили друг друга — тихо сказала Иолина, — и были самыми счастливыми существами во вселенной. Но ему оказалось мало одной любви — он возжелал власти... Постепенно стал

меняться... Я же говорила, что это не имеет отношения к делу...

— Так ты не можешь его убить, потому что любила... любишь? — высветило Конана.

Женщина обреченно кивнула.

— Ты не сможешь убить любимого человека... гм... любимое существо и для этого тебе понадобился я! А вовсе не потому, что его может убить только смертный!

— Да... именно так. Теперь ты видишь, что не представляй он такой угрозы миру — я не стала бы желать его смерти?..

— Да, пожалуй, что так... — нахмутившись, пробурчал киммериец, затем удивленно добавил:

— Он твой брат? Но любила ты его не как брата, а как мужчину?

— Это у вас, людей нельзя любить брата... да и то... У нас же, вообще, все по-другому.

— У кого это «у нас»?

— Мы рождены другими... Мы не люди... Во всяком случае, не такие, как вы...

Конан промычал что-то неодобрительное, вздохнул, поднялся с камня и неловко обхватил женщину за талию, не зная, в каком положении они полетят на вершину.

— Держись крепче, мой варвар! — крикнула Иолина и горы внезапно оказалась далеко внизу. А еще через мгновение они стояли на обширном уступе, нависающем над пропастью. Невдалеке зияла пасть небольшой пещеры.

— Сейчас он появится, — торопливо сказала Иолина, — приготовься!

— Он здесь живет?! В это маленькой пещерке?

— Нет, конечно! В его распоряжении вся гора — вход здесь, наверху. Смотри! Он идет!

Конан не заметил, когда перед ним возник тройный молодой юноша. Серые глаза лучились обратной искренностью. Юное, свежее лицо было ясным, как солнечный день. Вновь навалились сомнения — действительно ли от этого человека исходит такая опасность?

Несколько мгновений юноша внимательно смотрел на Конана, затем перевел взгляд на Иолину, и его прекрасное лицо исказилось гримасой такой злобы, такой отвратительной ненависти, что все сомнения отпали сами собой.

— Ты знала, тварь, что не сможешь сама убить меня, и притащила сюда этого бугая-гладиатора?! Но мы еще посмотрим, кто кого!

Конан обнажил меч и молча двинулся на противника.

— В бою он не слишком силен, — вдогонку сказала Иолина, — его конек — колдовство, но это я сумею обезвредить!

Неожиданно в руке злобного юноши возник огромный огненный меч. Рассыпая искры, гудело пламя. В лицо пахнуло жаром. Юноша отвратительно захихикал.

— Это иллюзия! — крикнула Иолина, и огненный меч исчез.

Конан увидел, что у противника самый обычный клинок, которым тот стал размахивать без всякого толку. Шагнув вперед, киммериец без груда парировал размашистый удар юноши и...

остановился в нерешительности. Перед ним стояла Иолина. Иллюзия была настолько точной, что Конан, сознавая опасность, все же оглянулся, чтобы убедится — настоящая Иолина стоит позади. Смертельного удара он сумел избежать, уклонившись в последний момент, но почувствовал, как сталь обожгла левое плечо. Кровь брызнула алым фонтаном, капли которого мгновенно застывали на снегу.

— Не поддавайся иллюзиям! Убей его, какой бы облик он не принял! — крикнула Иолина.

Зарычав от боли и бешенства, Конан прыгнул вперед и нанес страшный удар наискось справа налево.

Юноша подставил под удар меч, но это не помогло и, обливаясь кровью, он упал на снег. В бешенстве Конан еще несколько раз взмахнул мечом, и тело противника превратилось в бесформенные куски кровавой плоти...

Иолина медленно опустилась на колени перед отрубленной головой любимого. Нежно погладила слипшиеся от крови волосы. Легкой рукой провела по лицу, закрывая глаза. Затем нежно поцеловала холодный лоб юноши.

— Может, все-таки оторвешься и излечишь мою рану, пока я не истек кровью? — Конан все еще злился. Злился на себя, за то, что попался на самый старый трюк в истории поединков — обернулся по наущению противника. На Иолину, за то, что она так долго прощалась с мертвым братом-любовником. На весь спасенный мир, не знающий спасителя.

— О, прости, мой варвар, — Иолина торопливо поднялась, — я забыла, что ты серьезно ранен!

— Не так уж и серьезно, бывало и хуже, — проворчал киммериец, наблюдая, как останавливается кровь и затягивается рана под нежными пальчиками женщины.

* * *

Теплый ветер ласково шелестел листвой в кроне огромного дерева, приютившего на ночь уставший караван. Стrenоженные верблюды и лошади паслись, смешно переступая спутанными передними ногами. Поужинав сухими лепешками, Конан лежал, закинув руки за голову, и вспоминал дымящиеся куски жареного мяса, съеденные им в разное время и в разных местах.

— Я отпустила погонщиков, — сказала Иолина, — теперь тебе придется самому ухаживать за животными.

Конан приподнялся на локте, и посмотрел на спутницу, любовницу и хозяйку, почти так же, как когда-то в каморке над таверной толстого Асланкариба.

— Вообще отпустила или на время?

— Отпустила совсем. Их служба на этом заканчивается. Так же, как и твоя.

Это было неожиданностью. За долгие дни совместных скитаний Конан успел привыкнуть к своей странной спутнице и ему казалось, что так будет всегда — дорога, караван, дневная жара, ночная прохлада и пробуждение от поцелуя стран-

ной женщины Иолины. Затем любовь все утро — до тех пор, пока не начнет припекать солнце, дневной переход по раскаленной степи, и опять ночевка под деревом, если таковое попадется на пути.

— Сегодня я тебя покину, мой варвар, — ласково продолжала женщина, — остается только договориться о награде за службу.

Конан заворчал, переходя из лежачего положения в сидячее.

— Хм, да... награда... — начал он, но Иолина нежно коснулась пальчиками его губ.

— Хорошо, что ты заранее не назначил цену за свои услуги! Я подарю тебе сокровищницу цепого государства!

— Это как? — хмуро поинтересовался Конан.

— Я помогу тебе стать королем Аквилонии!

Киммериец поморщился.

— Королем я и сам когда-нибудь стану... А вот, сейчас мне не помешало бы золото.

— Не спеши, Конан. Я заглянула в будущее: на пути к трону тебе два раза понадобится моя помощь. Без меня ты погибнешь!

Конан молча смотрел на эту непонятную, но успевшую стать близкой женщину. Жаль было расставаться, хотя он понимал — расставание неизбежно. Слишком они разные — человек и... Он так и не узнал, кто же его таинственная нанимательница. Что касалось награды, то в его душе боролись противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось немедленно получить золото — и погулять всласть, насладится возможностью тра-

тить деньги без счета. С другой — и мудрая половина души советовала именно это — хотелось, конечно, стать королем. Немного смущало, что это должно случиться не скоро... Возможно — в далеком будущем. Может, вообще, к старости! Но, похоже, Иолина действительно умеет заглядывать в будущее. И, конечно, ее помощь не помешала бы... Иначе — смерть? Конан нахмурился. Смерть и так ходит по пятам. Погибнуть можно, едва ли не каждый день. Но если она знает точно... Нет, пожалуй, не стоит отказываться от такой награды.

Он нехотя кивнул. Иолина, с интересом наблюдавшая за его лицом, рассмеялась.

— Вероятно, ты даже не узнаешь, мой варвар, где и как я тебе помогу! Но, когда станешь королем, помни — без моей помощи ты не сидел бы на троне!

— Меня столько раз обманывали... — пробурчал воин, — что теперь я...

— Вспомни, обманывала ли я тебя хоть раз? — прервала Иолина.

— Ни разу. Только умолчала... Но это не считается!

— Вот видишь. А за других я не в ответе! — она погладила покрытую шрамами щеку, потрепала его черные, как смоль, волосы.

Конан слегка отстранился. Что-то ему не понравилось... Он и сам сразу не понял, что именно... Ну, да... Ему не понравилось как она потрепала его волосы и как она погладила его по щеке. Она сделала это *по-матерински*. Так мать ласкает

своего выросшего, но все еще неразумного сына. Теперь она обращается с ним, как с сыном, причем, сыном неразумным! А ведь они раньше...

Да, но раз она делает это именно так — по-матерински — значит, не обманет, ибо матери не обманывают детей и не отказывают им в помощи. Он неожиданно для себя, обиженно поджал губы. Иолина рассмеялась:

— Прощай, мой варвар. Я улетаю. Ты будешь королем могучего государства. И ты всегда будешь помнить обо мне!

— Я всегда буду помнить о тебе, — как эхо повторил Конан.

Оставшись один, он пробормотал:

— Странная женщина... — после чего опустил голову и надолго задумался.

Сокровища Стоомина

учерявый чернокожий мальчик бежал так, что пыль маленькими смерчами поднималась из-под его босых ног. Он торопился изо всех сил. Одними махом перепрыгивал через ямы и колдобины. Почти не касаясь земли, перемахивал через заросли крапивы и, таким образом, практически не получал уколов от этих жадных, зловредных, ненавидящих все живое, растений.

Мальчика звали Ариан. Был он учеником волшебника Эскилампа. За недолгое время обучения, его живой ум успел впитать так много, что иным ученикам иных волшебников, на усвоение такого количества знаний, требовались десятки лет.

Сейчас мальчик торопился, потому, что решалась судьба двух его друзей — Конана и Култара. Смертельная опасность, нависшая над головами

двух отважных авантюристов, заставляла Ариана бежать все быстрее, пока он не попал, наконец, в объятия учителя, вышедшего посмотреть на восход солнца.

Эскиламп с некоторых пор жил высоко в горах, в пещере, укрытой величими хребтами Карпашских гор от досужих просителей, стремящихся за несколько золотых или серебряных монет получить полное представление о своей судьбе. Как правило, просители заодно стремились узнать — стоит ли в этом году продавать изготовленные бочки, горшки, мечи, сабли, топоры — или лучше подождать пока не поднимутся цены.

Горы давали возможность Эскилампу оставаться, наконец, одному, спокойно предаться размышлениям, не опасаясь, что на пороге появится очередной проситель, непременно желающий узнать, станет ли ему изменять жена, если он жениться на кривой, горбатой, одноглазой девушке накануне полнолуния.

Волшебник Эскиламп был молод (по виду), строен и гибок, красив лицом и быстр в движениях, за поясом всегда носил старинный кинжал, представляющий собой магический артефакт такой силы, какая смогла бы, при ненадлежащем применении, уничтожить мир в считанные минуты. По роду деятельности он нес ответственность за небольшую планету под названием Земля, в период времени, исчисляемый сроком его жизни. К концу жизни (а длина жизни волшебников несоизмерима со временем, отпущенными простым смертным) он обязан был подготовить приемни-

ка. Выбор приемника представлял сам по себе большую трудность. Из многих тысяч одаренных детей следовало выбрать того, единственного, который смог бы в дальнейшем оберегать этот мир от вторжения существ из-за Круга и иных, не менее грозных, опасностей.

Во времена Битвы Двух Талисманов Эскиламп совершенно случайно познакомился с чернокожим мальчиком — беспризорным жителем страны Куш — и опытным глазом узрел в нем своего будущего приемника. У мальчика был острый ум, способность схватывать знания, что называется, налету, но, самое главное, в нем дремала мощь настоящего волшебника очень высокого уровня. Ариан был типичным представителем своего народа — шоколадная кожа, темно-карие глаза с ослепительными белками, жесткие, как проволока, кучерявые волосы, толстые губы. Единственное, что отличало мальчика от его со-племенников, это тонкий, изящный, словно доставшийся от белого человека аристократической, голубой крови, нос.

— Учитель! Скорее! Нельзя терять! Ни минуты! Конана! Сейчас! Убьют! — Ариан задыхался от быстрого бега и из последних сил выбрасывал нужные слова.

Эскиламп, умевший, при определенных условиях, видеть будущее, знал, что Конану суждена долгая жизнь, и сейчас погибнуть он никак не может. Но волшебник умел ценить заботу о друзьях и потому согласился прервать размышления о предстоящей схватке с неким демоном,

пытавшимся овладеть одним достойным человеком, и спокойно выслушать мальчика.

Ариан отышался, сосредоточился и стал похож на самого Эскилампа, только другого цвета и вдвое меньше ростом.

— Я сидел на берегу ручья и выполнял задание по медитации, — начал мальчик деловым тоном, — мне никак не удавалось увидеть внутренним взором благословенный цветок лотоса, прорастающий из моего пупка. Вместо лотоса, вырастал репейник, очень колючий и кривобокий...

— Ты опять неправильно дышал, — сказал Эскиламп, — забыл о среднем и верхнем дыхании.

— Да, — удрученно произнес мальчик, — я опять дышал одним животом. И, как я теперь понимаю, поэтому мне и привиделся репейник. Но я увидел и еще одну сцену. Теперь не знаю, было ли это прозрением или мороком, оттого, что неправильно дышал...

— Расскажи, что ты видел, — ласково сказал Эскиламп.

Они сидели на плоских валунах на краю пропасти, именно там, где тропинка, по которой так любил гулять волшебник, подходила к самому краю. Из-за подбежавшего Ариана, восход солнца Эскиламп пропустил и был слегка раздосадован. Огромный, утренне-радосный шар уже поднялся над вершинами, даря миру свои животворящие лучи.

— Я вдруг увидел, что Конана и Култара преследует целая орава горцев — человек тридцать. Они скакут по дороге, ведущей в ущелье, закан-

чивающиеся тупиком. Наверное, Конан об этом не знает, иначе бы свернул. Но теперь уже поздно, — мальчик горестно вздохнул, — развилку они проехали. Кони у них очень хорошие, даже лучше, чем у горцев, но они попадут в западню и погибнут. Неужели ничего нельзя сделать?

В его карих глазах блеснули слезы. Эскиламп погладил ученика по кучерявым волосам.

— Подожди немного, я посмотрю... — он застыл, словно вдруг превратился в камень.

Ариан знал, что сейчас душа учителя неслась туда, где недавно побывала его собственная — в ущелье, оканчивающееся тупиком. Была последняя надежда, что учитель сумеет найти выход и спасет Конана и Култара от кривых сабель дикарей-горцев.

— Эта скачка начнется завтра в полдень, — очнувшись, сказал Эскиламп, — и мы успеем что-нибудь придумать. А кони у них действительно хорошие, их подарила Иолина.

— Кто такая Иолина?

— О, — волшебник усмехнулся, — Иолина — женщина, умеющая летать и питающаяся кровью. Она не из нашего мира. Пришла, чтобы наказать своего брата-любовника. Заморочила нашему другу голову вымыщенными опасностями. В результате, думая, что спасает мир, Конан убил ее брата, что ей и требовалось. Правда, братец был тоже не подарок. А Конану она обещала помочь в деле добывания королевской короны.

— А она поможет, или это тоже ложь?

— Поможет... Я думаю, что поможет.

— А зачем это ей нужно? — Ариан озабоченно повертел кучерявой головой.

— Здесь мы вступаем в зыбкий мир предположений, — Эскиламп задумался, — возможно, она хочет иметь в нашем мире друга-короля, а не просто друга-искателя приключений.

Ариан кивнул:

— А друг-король, это, конечно, лучше. Но что с завтрашней погоней? Как им помочь?

— Есть несколько простых вариантов, — беспечно сказал волшебник, — например, проделать в скале, которой заканчивается ущелье, проход для Конана и Култара...

— Или сказать им, чтобы вообще, не ездили по той дороге!

— Видишь ли, вмешиваться в ход событий нужно как можно меньше. Если мы предупредим Конана, что поход за тем самым злополучным горшком с алмазами, который он, когда-то закопал, а теперь не может найти, закончится скачкой, ведущей в тупик... — волшебник задумался.

— То что? — не выдержал Ариан.

— То мы вмешаемся в естественный ход событий, и никто не знает, как это отразится на будущем. Если же мы проделаем щель в скале, а Конан сам ее найдет — мы как бы ничего не изменили... Так, небольшая трещина, проход в пещеры, которыми, я знаю, изобилует та гора... — Эскиламп рассеянно посмотрел вокруг.

Утреннее солнце, рассыпая ласковые, еще не обжигающие лучи, словно поглаживало горы нежной материнской рукой. Запели птицы —

горные соловьи, в изобилии селившиеся вокруг жилища волшебника. Ариан подозревал, что в этом случае, учитель решил-таки изменить реальность: поселил этих милых птичек у входа в свои пещерные апартаменты.

Вообще, природа вокруг места поселения Эскилампа, волшебным образом расцвела. Откуда ни возьмись, появились стройные деревья, совсем не походившие на те исковерканные, горные деревца, которые иногда лепятся на скалах. Ветер нанес плодородную почву на уступы, окружающие пещеру мага, занес семена деревьев, выросших всего за несколько дней до размера годовалых и продолжающих расти с удивительной быстротой. Небывалые цветы вдруг расцвели в мелких расщелинах скал, наполняя горный воздух, невиданным ароматом. А вот, поодаль, на тропе, по которой ходили к магу просители, и по которой только что козлом скакал Ариан, буйным цветом вдруг расцвела крапива всех видов и размеров. Пройти эти заросли отваживались только те, у кого действительно было неотложное дело к волшебнику.

— А как мы проделаем ход в пещеры — устроим небольшое землетрясение?

— Спаси тебя боги от этой затеи! — с притворным испугом воскликнул Эскиламп.

— Почему? — не понял Ариан.

— Ты погубишь множество мелких тварей и, вообще, изменишь окружающий пейзаж — хоть немного, да изменишь! Нет, нужно просто расколоть скалу с помощью заклинания. Это будет ми-

нимальное вмешательство, совсем безобидное. Как раз тебе для тренировки.

— Но, может... Все же... Вдруг я не смогу и Конан погибнет? — мальчик был смущен огромной ответственностью, обрушившейся на его хрупкие плечи.

— Так нужно смочь, — наставительно сказал Эскиламп, — отправляйся немедленно. Как раз к завтрашней погоне и успеешь.

2

— Будь проклят этот горшок с алмазами! — в который раз повторил Конан, вновь поворачивая коня в направлении развалин замка Кушуха.

Култар покорно повернулся следом. Он давно смирился с тем, что заветный клад утерян безвозвратно.

— Может, плюнем на эти алмазы? — для примера южанин смахнул под ноги своему коню.

— Мне все чаще сдается, — мрачно пробурчал Конан, — что сокровища Исчезающего Замка в руки не дадутся. Теперь — не дадутся. Нужно было сразу.

— Что это за Исчезающий Замок? — полюбопытствовал Култар.

— Исчезающий Замок? — задумчиво переспросил Конан.

— Вон где-то на тех вершинах, — он махнул рукой в направлении Карпашских гор, — появ-

лялся призрачный замок. Там я и нашел, в конце концов, эти алмазы, которые теперь исчезают так же, как и замок.

И он надолго замолчал, погрузившись в воспоминания.

Горцы появились внезапно, словно саранча из-за холма. Человек тридцать на красивых, поджарых лошадях, с развивающимися от быстрой скачки гривами и хвостами. Тридцать воинственных дикарей, каждый из которых с детства учился владеть саблей и скакать на коне. Они мчались с диким гиканьем, с посвистом и визгами — небольшая орда, вполне способная без труда справиться даже с десятком опытных воинов.

— Конан, смотри! — крикнул Култар, хотя Конан увидел горцев значительно раньше и уже разворачивал коня.

— Кром! Нужно убираться. Спасибо Иолине — кони нас вынесут!

Друзья поскакали по единственной дороге, ведущей в ущелье, которое местные жители называли «Лисья западня». Охота на лис была отработана несколькими поколениями живущих в горных селениях лихих наездников. Цепью рассыпавшись по взгорьям, они загоняли нескольких лисиц в ущелье, оканчивающееся тупиком, и спокойно рубили их саблями или доставали стрелами. Поэтому и дорога туда была наезжена, будто вела к большому городу.

Конан, направляя коня по хорошо утоптанной дороге, даже не предполагал, что она закончится отвесной стеной. Гиканье горцев чуть отдали-

лось — кони, оставленные Иолиной, действительно были очень хороши. Дорога привела друзей в тесное ущелье, обрамленное отвесными скалами. Вероятно, в незапамятные времена тут протекала горная река, за многие тысячелетия превратившая небольшой распадок в мрачное, дикое ущелье. Теперь от обеих стен, между которых скакали Конан и Култар, отражалось эхо погони, превращая свист и визг горцев в ужасную, способную свести с ума, какофонию звуков. Конан скоро стал подозревать западню — трудно было поверить, что это ущелье окажется дорогой, ведущей к большому городу. Скорее всего, размышил киммериец, дорога приведет прямиком в селение горцев — в самое осиное гнездо! Но действительность оказалась и того хуже. Дорога привела в тупик. Отвесные скалы нависли с трех сторон. С четвертой — приближалась погоня.

— Кром! Это ловушка! — воскликнул Конан, осматривая скалы. Нет, не залезть. Так быстро — не залезть. Успеют снять стрелами, прежде чем доберешься и до половины. А Култар не сможет даже и до половины добраться. Кроме того, коней жалко бросать. Придется биться в надежде, что удастся прорваться. Ширина ущелья позволяла скакать рядом трем-четырем всадникам, не больше. Значит, нужно будет убить всех! Шансы не велики. Кроме того, горцы отличные стрелки. И мечом взмахнуть не успеешь, как окажешься утыкан стрелами, как ворона перьями!

— Конан, смотри! — крикнул Култар, указывая наверх.

На скалах стоял чернокожий мальчик, одетый в богато расшитые шаровары и халат, усеянный странными, цветными узорами.

— Он куда-то показывает! — Култар глянул в том направлении, куда показывал мальчик. Стена. Сплошная стена. Нет, уже не сплошная. Мелкие трещинки змелись у самой земли. С треском лопался камень, стреляя крохотными осколками.

— Ариан, — прошептал Конан, затем крикнул во все горло, — Ариан! Он послан Эскилампом!

— Он открывает проход, — Култар еле сдерживал осыпаемого камешками коня.

Через несколько мгновений, в скале зияла трещина такой величины, что свободно можно было проехать верхом.

— Он что-то кричит, — Конан напрягал слух, но ущелье наполняли отзвуки приближающейся погони, — показывает... Туда! Это проход!

Култар успел подхватить с земли сухую ветку — ведь они сейчас нырнут в темноту, нужен будет факел — и скрылся в трещине, вслед за Конаном. Трещина, извиваясь, как змея, тянулась в самое сердце горы. Позади слышался грохот камнепада. По всей вероятности, Ариан спешил закрыть проход до того, как прискочут горцы. Култар зажег ветку. Огонь затрепетал, почти задуваемый сильным потоком воздуха, но вскоре ветка разгорелась, и друзья смогли осмотреться. Они оказались в довольно обширной пещере с высокими сводами. Спасший их тоннель исчез. Но самое удивительное было в том, что непода-

леку находилась вырубленная в скале лестница. Ступеньки потрескались и покрылись пылью. Похоже было, что лестницей давно не пользовались.

— Я почему-то вспомнил легенды о гномах... — протянул Култар в раздумье.

— Да, возможно, — Конан посмотрел на сгоревшую до половины ветку, — думаю, что кони пройдут: лестница не очень крутая. Нам нельзя медлить, если не хотим пробираться на ощупь.

Он спешился и, ведя в поводу коня, широким шагом направился к неровным ступенькам. Култар, высоко подняв горящую ветку, поспешил следом. Ступени, выбитые неизвестным народом в стене, скоро потянулись в узкий тоннель, пробитый в сводах пещеры. Лошади тревожно ржали, но покорно шли за людьми. Вскоре тоннель привел в еще более обширную пещеру, освещенную, к удивлению друзей, дневным светом. Наверху, под самыми сводами, были пробиты узкие окна, сквозь которые в недра горы пробивался солнечный свет.

— Помнится, Хепат рассказывал, как устроены жилища гномов, — сказал Конан, разглядывая пещеру, — тут, правда, нет того великолепия, о котором любил говорить мой бедный друг...

— Хепат, это тот гном, что был твоим оруженосцем? — уточнил Култар.

— Можно сказать и так, — грустно ответил Конан, — он считал себя моим оруженосцем, хотя был просто хорошим другом.

— И что же он рассказывал об устройстве гномьих пещер?

— Ну... — Конан помедлил, вспоминая, — говорил, что пещеры освещены дневным светом... Пробиты окна, которые снаружи заметить невозможно... Что там еще? Говорил, что красота-де... Самоцветы кругом... Все сверкает...

— А тут только пыль, нанесенная через эти самые окна, — закончил Култар.

— Посмотрим, может, отсюда есть выход в другие пещеры. Должен быть...

Друзья неспешно отправились на разведку. Шли вдоль стены, заглядывая в гроты, внимательно осматривая каждый камень, который мог оказаться потайной дверцей. Выхода не было. Если бы не окна наверху и не лестница, можно было подумать, что пещера самая обычная, из тех, что часто встречаются в горах.

— Пожалуй, нужно закусить, — сказал Конан, когда они вернулись к исходной точке, — а заодно подумать, как нам отсюда выбираться.

Култар распаковал седельные сумки, разложил дорожную снедь, откусил хороший кусок от лепешки и застыл с набитым ртом, раскрыв глаза так, как природой ему положено не было. Из грота гуськом, как утят, выходили бородатые дети. По росту: лет пяти — шести, не старше. Култар протер глаза — да нет, не дети. Не говоря уж о том, что каждого украшала пышная борода, они были хорошо вооружены — длинные кольчуги до колен, небольшие, но широкие сабли за спиной топоры и несколько кинжалов за поясом.

Рукояти кинжалов нестерпимо сверкали блеском хорошо отшлифованных алмазов и изумрудов.

Конан, увидев изумление друга, обернулся. Так и есть — гномы! Один, два, три... Конан насчитал двенадцать гномов, не глядя на него, шествовавших наискось через пещеру к противоположной стене, в которой не было и намека на дверь.

Все так же молча, чинно, не смотря по сторонам, будто и не заметив присутствие людей, гномы подошли к стене, передний нажал на какой-то камень, и часть стены бесшумно отошла в сторону. Отряд скрылся в проходе, только последний гном обернулся и недобро сверкнул глазами, затем закрыл дверь, и пещера вновь стала необитаемой.

Култар проглотил, наконец, торчащий изо рта кусок, после чего, его кадык еще долго ходил вверх-вниз, точно он все глотал и глотал свою лепешку.

— Конан! Ты видел? Ты видел?!

— Нет, — сердито пробурчал киммериец, — я смотрел в потолок, а потом зажмурился!

— Но почему?.. Почему они не остановились? Скажи — почему?

— Кром! Откуда я знаю?! Может, у них не принято разговаривать с теми, кто вторгся в их жилище?

— Но мы... Мы же не специально... Не нарочно.

— Но они-то об этом не знают, — усмехнулся Конан, — сейчас оповестят всех, что вторглись чужаки и нам придется солено!

— Но мы объясним!.. Мы расскажем...

— Интересно, как ты будешь объяснять, когда тебе с четырех сторон станут рубить ноги? Этим ребятам, я думаю, проще всего атаковать ноги!

— О боги! Нужно рассказать...

— Кому?

— Им! — Култар кивнул на глухую стену пещеры.

— Вероятно, они в любом случае постараются нас прикончить. Ведь мы узнали тайну их жилища. Хотя, конечно, попытаться вступить в переговоры нужно.

— Конечно, — радостно подхватил южанин, будто опасался, что Конан немедленно кинется громить гномье царство, — конечно, мы объясним, что мы...

— Вот только, куда идти? За ними или туда, откуда они пришли? — раздумывал Конан, не обращая внимания на лепет товарища.

Через несколько минут, киммериец принял решение:

— Пойдем туда, откуда они пришли! Знаешь, почему? — он повернулся к южанину.

— Почему?

— Там, куда они идут, приготовятся к атаке. А там, откуда они идут, о нас еще не знают. Мы застанем их врасплох, и, может, успеем вступить в переговоры.

— Правильно! — восхликал воодушевленный Култар, затем добавил с видом заговорщика:

— Мы расскажем им, что не нарочно вторглись...

— Но даже, если нас встретят, как гостей, — перебил Конан, — нужно быть начеку. Много не пить, а лучше не пить вообще, их зелья...

— Почему?

Конан сурохо посмотрел на друга, и тот, не свойственным ему жестом, хлопнул себя по лбу:

— Конечно! Чтобы не подсыпали чего-нибудь — сонного зелья или яду!

— Вот именно. Мы узнали их тайну, а лучший способ сохранить ее — тайну — это убить тех, кто ее узнал!

Култар суетливо кивал, собирая разложенную снедь.

— Подожди! Я же еще не поел! — Конан глянул на друга с укором.

— Да, да, конечно, — зачастил тот, — нужно пожаловать в гости к гномам не голодным, чтобы не подвергаться искущению.

— Одно плохо, — мрачно сказал Конан, — коли не пройдут в эту дверцу. Придется пока оставить их здесь. Боюсь, что когда мы вернемся — если вернемся — от них останутся обглоданные ребрышки.

— А что — гномы любят конину? — осведомился Култар

— Они, насколько я помню, любят **ЛЮБОЕ** мясо, — сказал Конан, — Хепат, мне кажется, смог бы есть и человечину!

— Любой из нас, если приспичит, может есть человечину, — философски заметил южанин, упаковывая в сумки самое необходимое — то, что придется теперь нести на себе.

3

Заметив грот, из которого вышли гномы, можно было не сомневаться, что тщательное изучение трещин приведет к нужному результату. И, тем не менее, друзья потратили немало времени на то, чтобы обнаружить дверь. Собственно, дверь обнаружилась сама, когда Култар случайно нажал на какой-то камень. Открывшийся проход, рассчитанный, естественно, на гномов, приглашал людей встать на четвереньки и ползти в неизвестность. Култар попытался, было, шагать на корточках, переваливаясь, как старая утка, но быстро оставил эту затею, последовав примеру Конана, бодро «шагающего» по-собачьи.

— Кром! Я порву последние штаны! — с досадой, бормотал киммериец.

— А у меня уже болят колени, — жаловался Култар.

— Колени-то заживут, а вот, штаны...

По счастью, низкий тоннель скоро кончился, и друзья вползли в следующую пещеру, так же освещенную солнечным светом. С трудом расправив затекшие тела, они застыли в изумлении. Пещера явно была обитаема и сверкала именно так, как об этом рассказывал Хепат. Вкрапления самоцветов на стенах — в тех местах, куда падали солнечные лучи, наполняли пещеру волшебным светом. Разноцветные сталактиты были искусно обработаны и изображали живых существ — драконов, великанов, грифонов. Своды пещеры были украшены резьбой, и Конан недо-

умевал, как гномы смогли это сделать — вряд ли они сооружали деревянные настилы, как это делают люди, при обработке стен и потолков. Деревья в пещерах не растут, и трудно было представить, чтобы гномы рубили леса где-то на поверхности.

— Конан, смотри, — шепнул Култар, — кто-то идет.

Из-за разноцветной статуи дракона вышел небольшой отряд бородатых воинов.

— Не вздумай схватиться за меч! — предупредил Конан.

Отряд, насчитывающий около двадцати хорошо вооруженных гномов, неспешно приближался. Впереди шествовал старик, украшенный седой бородой и множеством шрамов. На поясе у него висел топор, внушительных размеров даже для человека, на голове ослепительно сверкал золотой — несомненно, золотой, подумал Култар — шлем, а глаза из-под седых, мохнатых бровей смотрели злобно и остро. Все гномы были облачены в длинные кольчуги, из-под которых виднелись только хорошо начищенные сапоги. На поясе у каждого висел топор, а за поясом, как и положено, виднелись два-три кинжала, богато украшенных драгоценными камнями.

Отряд остановился в нескольких шагах от выступившего вперед Конана, и старик, сверкнув глазами, учию произнес:

— Привет вам, незваные гости! Я Воомин, командир охраны. Что привело вас в наше скромное жилище?

Конан учию склонил голову, приглядываясь к собеседнику. Маленькие глазки, огромный нос, в форме картошки, невероятная борода — ничего больше увидеть не удалось.

— Привет и вам, почтенные хозяева! Мы попали в ваше царство случайно, спасаясь от погони. Мой старый друг — к сожалению, ныне покойный — гном Хепат из племени славного царя Вармина, рассказывал, как красивы пещеры, где живут гномы. Но то, что я увидел своими глазами — превзошло все ожидания.

Конан надеялся, что старая дружба с гномом расположит к нему прочтенного старика, но, похоже, ошибся.

— Тот, кто вышел из пещер и стал водить дружбу с людьми — больше не гном! — гневно молвил предводитель отряда, и его воины одобрительно зашумели.

— Но все его племя было уничтожено обезьянами, он остался один...

— Он должен был примкнуть к другому племени гномов, а не идти к людям!

А действительно, мелькнуло в голове киммерийца — почему он не пошел жить в другое племя? Неужели его бы выгнали? Ах, да... Он же струсил... убежал... Его могли действительно не принять...

— Поверь, уважаемый гном, — вкрадчиво начал Култар из-за спины товарища, — мы не хотели тревожить ваш покой. Все вышло случайно. Теперь, мы хотим просто выбраться — не покажите ли вы нам дорогу?

— Тот, кто узнал тайну гномов, должен умереть, — спокойно, даже как-то буднично, ответил старик, и его воины рассыпались полукругом, охватывая пришельцев с трех сторон.

— Ты не должен принимать такое скоропалильное решение, — не менее спокойно сказал Конан, молниеносным движением, обнажив меч, — все твои воины погибнут, а мы все равно выберемся, хотите вы или нет.

Старик, который теперь стоял позади своих воинов — командир должен себя беречь, чтобы командовать дальше — медлил с началом сигнала к атаке, оценивая ситуацию. Особенно впечатлял меч этого гиганта — такого учитивого, спокойного и уверенного в себе. Меч превосходил все мыслимые и немыслимые ожидания. Если поставить одного гнома на плечи другого, то и тогда они не достанут макушкой до гарды этого невероятного меча.

Старик представил, как клинок, словно косой, одним махом скашивает всех его воинов и пожалелся. Такой меч, да в руках такого воина... А тут еще второй, с хитрыми узкими глазками, прежде суетливый и заискивающий — а теперь твердый, как сталь кинжалов, изготовленных самыми лучшими мастерами, — стоит готовый к любому бою с любым противником... Хм, нет, лучше, пожалуй...

— Ну что ж, — гном хитро прищурился, — вы сильные и отважные воины, а мне дороги мои люди... Я приглашаю вас в гости. Наш царь — великий Стоомин, основатель и бессменный влады-

ка нашего государства — будет рад увидеть таких сильных и смелых воинов.

По едва заметному знаку предводителя, гномы вновь построились в шеренгу и привели оружие в походное положение — топоры засунули за пояс, а кинжалы спрятали в ножны. Дисциплина у старика Воомина была воистину железной!

— Следуйте за нами, пришельцы, — добавил он с нескрываемой досадой, и отряд гуськом направился, как понял Конан, в следующую пещеру.

Миновав несколько разного размера пещер, так же богато изукрашенных вкраплениями горного хрусталя, кварца и самоцветов, друзья, вслед за отрядом гномов-охранников, вползли в тронный зал. То, что людям приходилось ползти на четвереньках, очень понравилось Воомину. Он буквально лучился злобной радостью, непрестанно оборачиваясь и наблюдая за перемещением гостей. Когда же, миновав очередной тоннель, Конан и Култар распрямлялись, радость гнома мгновенно улетучивалась, вытесняемая злобой. Не раз киммериец видел, что глава охраны примеривается к его ногам, неосознанно поглаживая рукоять топора. В такие минуты Конан вполне осознанно поглаживал рукоять меча, и отряд вновь двигался вглубь горы. Хотя, пещеры располагались, вероятно, не в недрах горы, а скорее, по внешней ее стороне — в одной стене каждого зала непременно виднелись окна в один или несколько рядов.

Тронный зал, в который прибыли, наконец, гости, представлял собой пещеру с хорошо обра-

ботанными стенами и арочным сводом, поддерживаемым несколькими рядами витых колонн. В центре, как и положено, находился трон — на возвышении; чуть ниже — ряды каменных столов и скамеек, а в дальнем конце зала виднелся огромный очаг, в котором можно было зажарить лошадь. Подумав о лошадях, Конан нахмурился — вряд ли он увидит снова своих коней.

— Тут у них и пиршства проходят, — зашептал Култар, — а вон в том очаге, вполне можно зажарить и...

— Я знаю! — рявкнул Конан так громко, что Воомин удивленно оглянулся.

— Подождите здесь, — гном учиво склонил голову, сверкнув глазами, — великий царь Стормин в честь гостей, сегодня устроит пиршество.

Конан кивнул и, не дожидаясь приглашения, уселся на ближайшую скамейку. Култар пожал плечами и последовал его примеру — ждать придется долго. Гном с явным осуждением глянул на пришельцев, но ничего не сказал и, вместе с охраной, направился к одному из тоннелей, чернеющему в противоположной стене.

— Как у них тут стены отполированы! — восхитился Култар, ерзая на жесткой каменной скамье.

— Да, гномы, похоже, действительно большие мастера в деле обработки камня, — Конан лениво осматривал тронный зал, — а узоры из самоцветов в стенах, вообще... глаз не оторвать. Говоря так, он, тем не менее, скользил глазами по всему залу, постепенно наполняющемуся гномами.

Маленькие жители пещер, все, как один, украденные пышными бородами, постепенно рассаживались на скамейках, следя, очевидно, каким-то своим правилам.

Конан заметил, что места вблизи трона пока пустуют.

— Смотри, Конан, — зашептал Култар, — они все без оружия! Хитрые бестии! Наверное, скажут, что тут такая-де традиция...

— Нам ни в коем случае нельзя отдавать оружие, — спокойно сказал киммериец, быстро осматривая каждого вошедшего в зал, — тем более что кинжалы у них спрятаны под рубахами!

Действительно, у многих гномов рубахи странным образом оттопыривались.

— Да у них там и топоры могут поместиться, — усмехнулся южанин, поглаживая рукоять меча.

Близь очага уже суетились гномы. Скоро развели огонь и на верталах подвесили жариться большие куски мяса.

— Интересно, откуда у них мясо? — Култар, в раздумье, почесал за ухом.

— Мне тоже любопытно... Не наши ли лошадки? Не зря же они жарят именно куски, а не целиком тушу, иначе мы сразу бы догадались.

— Ну, куски, вообще-то, быстрее жарить... может, они просто торопятся...

— Может, и так, — согласился Конан, но откуда вообще, у них мясо? Из пещер они не выходят, скот разводить в недрах горы невозможно, чтобы кто-то им поставлял коров и овец, я не слышал...

Люди считают, что гномы — это просто старая легенда... Откуда мясо?

— Да, это еще одна загадка гномов, — Култар превратил глаза в щелочки, рассматривая жарящиеся на огне куски, — никакой формы... ничего, чтобы можно было понять... просто куски...

— Великий Стоомин, приглашает вас разделить с ним трапезу, — Воомин появился, будто из-под земли, — только у нас не положено на званный царский обед, являться вооруженными!

— А у нас не положено даже на миг расставаться с оружием! — Конан встал во весь рост и потянулся. По залу прошел гул — гномы оценили его рост и силу.

Неспешно он направился к трону, на котором уже сидел, скособочившись, седой, высохший гном, с тусклым взором слезящихся глаз.

Остановившись в нескольких шагах от трона, Конан склонил голову, не опускаясь на колено, как это полагалось перед царями, и сказал:

— Великий царь! Мы совершенно случайно попали в твое царство. Мы благодарим тебя за приглашение на обед и с благодарностью разделим с тобой трапезу.

В глазах царя, что-то промелькнуло, и он показал сморщенной рукой на стол, стоящий справа от трона. Тут же глаза Стоомина потухли, и он бессмысленно уставился в пространство.

— Великий царь приглашает вас занять почетные места, — прошипел откуда-то снизу Воомин.

Конан уже догадался, что Стоомин полностью выжил из ума и царством управляет начальник

охраны. А учитывая его желание убить непрошенных гостей, следовало быть предельно осторожным.

Не подлежало сомнению, что весь этот обед — уловка, имеющая целью напоить или даже опоить зельем пришельцев, чтобы спокойно затем поджарить их на костре. Кроме всего прочего, это объясняло, откуда у гномов берется мясо.

Конан и Култар уселись за стол, на котором уже стояли кувшины с вином, кружки и два блюда с поджаренными кусками ароматно дымящегося мяса. Кружки и кувшины у всех были самыми обычными — глиняными, блюда — тоже. Вообще, посуда гномов не свидетельствовала о какой-то сказочной роскоши, которая, согласно легендам, окружает гномов. Заиграли волынки и флейты. Пир начался. Никто не произносил тостов, никто не уговаривал пить до дна, как это часто бывает у людей во время застолий. Все ели и пили большей частью молча, лишь иногда тихо переговариваясь. О людях словно забыли.

— Демоны их забери, — прошептал Култар, — так хочется попробовать вина! Интересно же — какое вино пьют гномы!

— Рискни, — усмехнулся Конан, — попробуй. Потом не проснешься.

— То-то и оно, — вздохнул южанин, — ну, хоть мяса поесть!..

Он впился зубами в поджаристый до хрустящей корочки, ароматный кусок.

— Странный вкус... Конан, попробуй!

— Нет, спасибо, я не голоден, — хохотнул

киммериец, оглядывая жующих гномов за соседними столами.

— Все ели и пили всласть. Постепенно вино оказалось свое действие. Начались споры, кто-то заливишь смеялся, другие вполголоса напевали песню, показавшуюся Конану до боли знакомой.

— Кром! Да ее же любил петь Хепат. Я даже помню слова! Как там?.. — и он запел вместе с гномами.

Култар ловил удивленные взгляды Воомина, слушал одобрительные возгласы гномов, сидящих за соседними столиками. Теперь пели все. Даже сам Култар поймал себя на том, что тянет незнакомые слова, будто когда-то слышал эту песню. А, может, и слышал? Уж очень знакомая мелодия!

Вскоре пьяные гномы смотрели более дружелюбно. А через несколько минут после окончания песни молодой гном, сидевший по другую руку царя, вскочил с места и выбил кувшин с вином у повара, подающего на стол, за которым сидели Конан и Култар. Прокричав на чудном языке гномов несколько резких слов, он взял кувшин со своего стола и поставил перед Конаном.

— Он не позволяет отравить нас, — зашептал Култар.

Конан встал, демонстративно налил из кувшина в кружку, поклонился молодому гному и выпил единым духом. Зал одобрительно зашумел. Где-то в углу опять затянули песню. Воомин, сверкая глазками, так же поклонился молодому гному и сел, угрюмо глядя в стол.

— Не иначе, это сын царя, — опять зашептал Култар, — он не позволяет отравить нас.

— Да, его вино можно пить, — согласился Конан, — и я скажу, очень неплохое вино. Все-таки гномы ведут какую-то торговлю, иначе, откуда у них вино?

— Может, оттуда же, откуда мясо? — изрек Култар и сам удивился своей фразе. Он также успел попробовать крепкое вино из кувшина царского сына.

— Они, конечно, могут собирать в горах дикий виноград, — задумчиво протянул Конан, — но из него вино не будет таким ароматным.

— Я пил вино из дикого винограда — никакого вкуса, кислятина! — Култар нетвердой рукой налил в кружки.

— Ты поосторожней, — нахмурился Конан, — царское вино не отравлено, но крепости хороший. Развезет, меч поднять не сможешь.

— Кто? Я — не смогу?!

И прежде чем, Конан успел что-то сказать, южанин вскочил, молниеносным движением выхватил меч и, выскочив на открытое место перед троном, стал выделять такие трюки, что гномы повскакивали с мест, стараясь не упустить ни одной детали выступления пьяного гостя. Култар буквально окутался облаком из сверкающей стали, успевал перебрасывать меч из руки в руку, подпрыгивал, кувыркался, вертеся юлой, не переставая работать мечом так, как если бы он сражался с десятком противников. Даже Конан не смог бы повторить многое из того, что выде-

ливал его друг. Култар, несомненно, был выдающимся фехтовальщиком, учившимся у великих мастеров юга. В конце он вложил меч в ножны и пошел молотить по воздуху руками и ногами в таком темпе, что невозможно было уследить за его движениями. То и дело его сапоги мелькали гораздо выше его собственной головы, словно он пинал невидимого великана, а руки рубили распяленной ладонью, как саблей, по горлу воображаемого противника.

Окончив стихийное выступление, южанин поклонился царю и его сыну и, слегка пошатываясь, направился к своему столу. Зал взорвался криками. Пьяные гномы бурно выражали свое восхищение этим человеком, таким ловким, что справиться с ним не смогли бы и несколько десятков подземных воинов. Конан не знал, что и сказать. С одной стороны — глупо и опасно было выхватывать оружие — гномы могли принять это за покушение на царя и броситься в атаку. С другой — раз уж они не бросились — было совсем не плохо показать им возможности непрощенных гостей, чтобы не возникало соблазна перерубить им ноги и поджарить в очаге.

— Глупо, гм, но неплохо, — пробормотал он, глядя на сияющего Култара, принимающего поздравления восхищенных гномов.

Сын царя, стройный, как мальчик, гном с чистым, нежным лицом и только что выросшей бородкой, торжественно подошел и протянул южанину свой кинжал, сверкающий, как волшебный жезл мага, переливами драгоценных камней.

Култар с поклоном принял драгоценный подарок. Гномы зашумели так, словно на зал обрушился ураган. Они кричали, свистели, улюлюкали, иные лезли обниматься, но доставали только до пояса, ввиду чего Култару пришлось брать их подмышки, по очереди поднимать и целоваться как с самыми близкими друзьями. Конан усмехнулся. Гномы вовсе не были угрюмыми, вечно недовольными существами, какими их рисует молва. Конечно, следовало учесть, что они разогреты крепким вином и блестящим выступлением пришельца. И все же... Все же — гномы веселые существа. Конан налил из кувшина. Вино, подаренное царем, кончилось. Но уже другой кувшин стоял на столе. Киммериец налил из него. Затем принесли еще несколько кувшинов и свежие порции мяса. Люди и гномы пили, целовались и пели песни...

4

Потолок из неровного, плохо обработанного камня, несомненно, опускался — очень медленно, но неотвратимо, как прилив на море. Море! Конан закрыл глаза и увидел себя на палубе корабля под сверкающими лучами солнца. Вокруг — лазурное ласковое море, спокойное и безмятежное, как улыбка матери. Матросы драили медные части оснастки. Другие ставили паруса в ожидании бриза. Простор, свобода, безнаказанность удачливого пирата...

Пещера была невелика — шагов пять на пять. Стены ровные, хотя и обработаны из рук вон плохо. Предназначена, конечно же, для казни приговоренных к смерти. В этом можно было не сомневаться, глядя на бурый налет на полу и костяное крошево под руками. Свет проникал через множество маленьких, с два кулака, окошек. В большинстве из них, правда, виднелись любопытные глаза и бороды гномов, но некоторые были свободны и давали достаточно света, чтобы убедиться — через несколько минут непрошенным гостям предстоит оказаться раздавленными.

— Говорил, не надо было пить вино гномов, — сказал Конан очнувшемуся Култару.

Тот ошарашено вертел головой, постепенно осознавая происшедшее. Да, гномы на поверхку оказались точно такими, как о них рассказывали легенды — злобными и коварными. Вчерашняя пьяница с объятиями — не в счет.

— Как же они?.. Как они могут? Вчера обнимали, а сегодня?..

— Ну, во-первых, те, кто обнимал, могли в этом и не участвовать, а, во вторых...

— Конан! Он опускается! Смотри! — перебил Култар.

— Я знаю, — сердито сказал киммериец и показал на одно из окошек — смотри, наш друг Воомин. Это, конечно же, он устроил.

— Странно... — простонал Култар, — они даже оружие не отобрали...

— Если бы отобрали — всем было бы ясно, что

мы пленники, — наставительно сказал Конан, рассматривая потолок и что-то решая про себя, — а так: понесли, дескать, спать, выпивших гостей. Значит, не все гномы участвовали в этом деле.

— Воомин, собака! Получи подарок! — заорал Култар и, выхватив подаренный сыном царя кинжал, метнул его в окошко, где виднелись злобные глазки начальника охраны.

Предсмертный крик боли, ненависти и страха огласил пещеры. Изукрашенный драгоценными камнями кинжал вошел глубоко в глаз злобного гнома. За стеной загомонили. Тут же послышались другие крики и лязг оружия. Похоже, началась битва.

— Кажется, нам пришли на помощь! Остается немного придержать этот потолок, пока наши друзья не отключат механизм! — Конан встал и, подставив плечи, уперся руками в корявый камень, опускающейся с неотвратимостью судьбы. Култар поспешил встать рядом, но его плечи не доставали до потолка, а руки были слишком слабы, чтобы сдержать многотонный камень. Тем не менее, он изо всех сил уперся в него ладонями. Движение потолка замедлилось, затем остановилось.

Конан хрюпал от напряжения. Казалось, мышцы вот-вот порвутся, кости раскрошатся, а стучащая в висках кровь, брызнет фонтаном на бурые камни. Но киммериец знал: если не продержаться — смерть! Смерть перед самым избавлением — за стеной кипела битва.

— Я так понимаю, — прохрипел Култар, — сын царя пришел нам на помощь.

Конан не ответил. Пот струился по его телу, будто сверху кто-то вылил несколько ведер воды. В ушах шумело. Как во сне он увидел, мелькнувшее в окошке юное лицо, услышал крик команды и почувствовал, что потолок больше не давит неимоверной тяжестью на плечи. С трудом подняв голову, он увидел, как отдаляется тяжелый камень.

Затем открылась дверца, о которой пленники и не подозревали — двери гномов невозможно заметить, пока они не начнут открываться — и, подхватив падающего от усталости Култара, киммериец выполз из клетки. Перед ним качалось в тумане лицо царского сына. С трудом расправившись, он помог подняться Култару — не пристало богатырям падать, показывая слабость перед лицом спасителя.

— Меня зовут Буумин, я сын царя, — неуверенно выговаривая малознакомые слова, сказал молодой гном, — Мой отец умер, и я прошу вас помочь мне завоевать трон, который принадлежит мне по праву.

Култар вытащил подаренный ему кинжал из глазницы мертвого начальника охраны:

— Я думал, что он — здесь самый главный злодей!

— О, нет, — горько усмехнулся молодой царь, — за ним стоят родовитые гномы, которые давно хотят захватить власть.

— Мы поможем тебе, царь, — просто сказал

Конан, положив на плечо юноши огромную ладонь, — ты займешь трон, клянусь Кромом!

— И тогда половина сокровищ царства Стоомина будут вашими, пришельцы! Так я награжу вас за помощь! — пылко воскликнул сын царя, сверкнув глазами.

— Ну что ж, — усмехнулся Конан, — от такой награды мы не откажемся.

Отряд гномов, во главе с молодым царем, продвигался тайными лазами к некой пещере, где собирались сторонники законной власти. Люди, большую часть времени вынуждены были пробираться ползком и в темноте. Гномы редко зажигали факелы — не то, опасаясь привлечь внимание, не то, просто нуждаясь в них: известно, что гномы в темноте видят гораздо лучше людей.

Бесконечными переходами отряд добрался, наконец, до просторной пещеры, освещаемой множеством факелов. В центре собирались сторонники Буумина — несколько отрядов вооруженных гномов.

Молодой царь подошел к своим подданным, встал на камень и стал произносить речь, то и дело указывая на Конана и Култара. Очевидно, он воодушевлял сторонников на подвиги, добавляя, что люди-гиганты с ними.

Друзья в ожидании дальнейших событий присели на камни. Пещера, где собирались сторонники молодого царя, была самой обычной — не обработанной и находившейся, судя по отсутствию окон, глубоко в недрах горы.

— Немного у него друзей, — вздохнул Култар, глядя на кучку гномов, обступивших своего царя, — едва ли наберется четверть от тех, что были в тронном зале.

— Меня не это беспокоит, — покачал головой Конан, — уж слишком щедрую награду он посулил. Поневоле думаешь, что обманет... Ну, какой царь отдаст половину своих родовых сокровищ?!

— Ну... если мы поможем завоевать трон...

— Достаточно было посулить по горшку драгоценных камней — это была бы в высшей степени щедрая награда! А когда говорят — отдашь-де половину... Много обещает тот, кто не собирается выполнять свои обещания.

— А демоны их разберут, этих гномов! — с досадой сплюнул Култар.

— Вот именно, — кивнул Конан.

— Интересно, что он там говорит? — южанин посмотрел на гномов, будто ожидая, что они вот-вот заговорят на языке людей.

— Ясно, что... Воодушевляет на подвиги... Может, и им тоже обещает половину сокровищ.

Скоро речь царя закончилась, и Буумин подошел к людям.

— Завтра мы выступаем в поход. Нанесем внезапный удар...

Его слова были прерваны неожиданным шумом. Из дальнего тоннеля вышли несколько гномов, размахивая привязанной к кинжалу белой тряпкой.

— Парламентеры! — воскликнул Култар, не понятно чему обрадовавшись.

— Оказывается и у гномов принято вести переговоры под белым флагом, — усмехнулся Конан. Интересно, это у людей

они позаимствовали такую манеру, или же, наоборот — люди у них?

Парламентеры, четыре пожилых гнома с пышными седыми бородами и с одинаковыми длинными, крючковатыми носами, из чего можно было заключить, что они родственники, важно вышли на средину пещеры.

Буумин, став вдруг необычайно надменным, неторопливо пошел к ним вальяжным шагом. Разговор шел на языке гномов, и людям оставалось только гадать, о чем же шла речь. Конану казалось, что старейшины-родственники, предлагали молодому царю сдаться, а за это обещали сохранить жизнь. Во всяком случае, сам бы он поступил именно так.

— Эй, люди, — внезапно закричал один из гномов, — люди! Вас обманули! Буумин сам убил своего отца и хочет захватить власть!

Гномы, по знаку молодого царя, бросились на кричащего, но три его родственника мужественно отбивали атаку, давая возможность старшему обратиться к неожиданным союзникам своего врага.

— Это Буумин заволок вас в пещеру с опускающимся потолком! Начальник стражи Воомин хотел вас освободить, но вы его убили не разбравшись! Буумин же собирался изобразить так, будто он — ваш избавитель. Затащил в ловушку, чтобы выглядеть благородным избавителем. И

вино на пиру, которое он выпил, не было отравлено! Он все подстроил! Он... — топор раскроил голову почтенного гнома, и он упал на камни, рядом с телами своих братьев.

— Не верьте ему! Он врет! Это известный краснобай и врун! — кричал Буумин, пиная окровавленное тело убитого.

— О Кром! Помоги разобраться! — воскликнул Конан, с отвращением глядя на беснующегося царя. Нет, еще не царя — всего лишь, претендента на трон!

— Да как же тут разберешься?! Даже языка не знаем! — с досадой бросил Култар.

— Да. Поговорить бы с кем из простых... Но как поговоришь? Если бы пожить тут, узнать язык... А так!..

— Я думаю, у нас должна быть своя цель, — зашептал Култар, — узнать, где у них тут сокровищница, захватить ее и выбраться на поверхность. А кто тут будет царем... Мне на это начинать!

Конан задумался. Действительно, что они тут делают — под горой среди непонятных, коварных гномов? Ладно — попали случайно. Но теперь-то?.. Похоже, самое разумное — бросить все и выбираться. Сокровища, конечно, не найти, если сами гномы не отдадут. А сами — не отдадут, это точно, Царек этот, молодой — врет безбожно. Отдаст половину! Нашел простачков! Хочет нашими мечами разбить своих противников, а потом, скорее всего, так же опоит вином с сонным зельем и — в ту же пещеру с опускающимся по-

толком. Вот будет им, бородатым, потеха. Наверное, еще и спорить будут, сколько мы потолок продержим... Да, но я же дал клятву...

— Я дал клятву... — опрометчиво, конечно, но... — пробормотал он, нахмурившись.

— Ты не дал клятву, — заверил его Култар, — ты просто сказал, не подумав, сказал привычно... Клянется не так — все должно выглядеть торжественно!..

— Да, но все же... Получится, что мы его обманем.

— Не грешно обмануть того, кто собирается обмануть тебя, — продолжал убеждать друга Южанин, — это будет не обман, а военная хитрость.

— Ладно, — Конан отбросил сомнения, — попробуем выбраться.

— А сокровища? — удивился Култар.

— А-а, — протянул Конан, усмехаясь, — сокровища... Ну, иди, поищи! Или спроси у царя — он тебе точно расскажет!

Южанин почесал голову.

— Да... конечно. Тут уж или драться, в надежде, что он все же хоть как-то наградит, или...

— Да никак он не наградит. Легенды говорят правду — гномы злобны, коварны и скучы до предела. Нужно пытаться найти выход на поверхность.

— А вот... твой оруженосец, Хепат — он же не таким был?

— Потому он и пришел к людям. Да люди-то... тоже, не мед.

Подошел молодой царь, важно выступая впереди охраны, состоящей из нескольких гномов самого мрачного вида.

— Мы выступаем немедленно. Приготовьте свои мечи. Вам предстоит жестокая битва!

Конана покоробили слова заносчивого гнома. И когда это он успел стать таким высокомерным? На пиру держался скромно... Уже почувствовал себя всесильным царем?

— Ну, что же, — сдерживая себя, проговорил киммериец, — начинайте биться, если потребуется, мы поддержим. А мечи наши всегда готовы.

Царек заметно смущился. Переступая с ноги на ногу, он растерянно смотрел на грозного гиганта, так рассерженного его необдуманными словами.

— Я хотел сказать... Я надеялся, что вы поможете... — забормотал гном, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Мы поможем, но основную работу должны сделать вы сами, — сказал Култар, глядя на царя с недобрым прищуром.

— Но нас слишком мало...

— А как же ты решил стать царем? Используя наши мечи? Думал, мы расчистим для тебя дорогу к трону?! — Конан присел перед Буумином, пристально глядываясь в его бегающие глазки.

— Ну... да. Я же пообещал вам половину сокровищ царства Стоомина!

— Так вот, что я скажу, — процедил Конан, — плата вперед! Веди нас в сокровищницу и отсчитай ровно половину всего, что там есть. Тогда —

и только тогда — мы посадим тебя на трон, коварный гном!

— Я... я... думал... — глазки сына царя, вообразившего себя уже полновластным хозяином царства Стоомина, выписывали восьмерки, под взглядом холодных синих глаз киммерийца.

— Мы знаем, что ты думал, — высунулся Култар из-за плеча друга, — ты думал нас обмануть! Никто не отдаст половину сокровищ за несложную для нас работу! Ты попросту хотел нас на дуть!

Гном подавленно молчал. Его охрана, угрожающе схватившись за топоры, молча приблизилась. Друзья отреагировали мгновенно. Их мечи, грозно поблескивая в мечущемся свете факелов, вмиг нацелились на бороды мрачных гномов. Конан к тому же успел приставить кинжал к горлу царя.

— Ты сейчас, один, поведешь нас в сокровищницу. Мы не любим обманщиков.

— Один я не могу, — забормотал гном, — кто-то должен нести факелы... Кроме того, сокровищницу охраняют чудовища... Если они нападут... Они хорошо знали только моего отца — он их приручил. Да и то, однажды они чуть не напали на него... Нужна охрана...

— Мы и будем охрана, — усмехнулся Конан, — а факелы понесешь ты сам. Немножко поработай, великий царь!

Буумин, злобно сверкнул глазками, затем поступился и кивнул:

— Пусть будет так.

Затем, на языке гномов, обратился ко всем собравшимся в пещере. Что он говорил, для людей осталось тайной, но судя по ненависти, загоравшейся в глазах мрачных подземных жителей, что-то не очень лестное.

Окончив недолгую речь, царек взял несколько факелов и, гордо выпрямившись, направился к одному из проходов, чернившим в дальнем конце пещеры.

5

Вновь низкие переходы, лестницы, норы и лазы неизвестно в какие глубины. Култар на всякий случай привязал гномьего царька к себе тонкой, прочной веревкой, предварительно забрав у того кинжал, чтобы он не мог эту веревку перерезать и скрыться в лабиринте тоннелей. Буумин оскорбился, но Култар заверил гнома, что отдаст кинжал, как только получит обещанную половину сокровищ. Царек нехотя кивнул, с укором взглянув на Конана, молчаливо одобравшего унизительную процедуру привязывания царя к поясу непрощенного гостя.

Через длительный промежуток времени гном вошел, а люди вползли на четвереньках в обширную пещеру, сверкающую самоцветами, вкрапленными в стены.

— Вот наша сокровищница! — гордо сказал Буумин, царственным жестом указывая на стены.

Люди ошеломленно смотрели на драгоценности, которые нужно было еще добыть.

— Это ваша сокровищница? — недоверчиво спросил Култар.

— Да, — гном гордо выпрямился, — когда у нас возникает нужда, мы идем сюда и добываем столько, сколько нужно!

— Как же ты собирался отдать нам половину? — Конан не считаясь с тем, что имеет дело с царем, поднял его за шиворот, чтобы посмотреть в глаза.

— Отпусти, — гном заерзal, засучил ногами, — я собирался просто дать вам возможность поработать в наших копях.

— В копях работают каторжники! — прорычал Конан, не опуская гнома.

— Нет, нет, у нас нет каторжников, мы все работаем...

— Врет, — сказал Култар, поигрывая царским кинжалом, — где-то у них обязательно есть сундуки, набитые уже добытыми камнями!

— Клянусь духом своего отца, это наша единственная сокровищница — пещера явственно затряслась, посыпались камешки. Гном испуганно посмотрел наверх. Конан опустил его на землю и погрозил пальцем, как маленькому мальчику:

— Вот видишь! Дух твоего отца недоволен! Ты врешь!

Гном подавленно молчал. Култар подошел к стене и выковырнул небольшой изумруд.

— Не так уж это и сложно, — он засмеялся, глядя на зеленый прозрачный камень, — если твоё царское величество поможет, мы скоро на колупаем полные карманы!

— Я помогу, — согласился гном.

Он пошел вдоль стены, ведя на веревочке Култара, как мальчик-пастушок огромного быка. Остановился, нагнулся, нажал на какой-то камень, сунул руку в открывшуюся яму и достал инструменты — молотки, зубила, кайло и небольшой, под стать росту гномов, лом. Конан одобрительно крякнул.

— Это другое дело. Давай, покажи нам, как правильно добывать камни.

Буумин приставил зубило к стене, встал так, чтобы камешки не попадали в глаза, и стал долбить, как дятел — быстро и равномерно. Было видно, что такая работа для него привычна.

— Мы с отцом сами добывали сокровища, — пояснил он, не прекращая работы, — никого не посвящали в тайну пещеры.

Только демоны смогут его понять, этого царька, подумал Конан. Может, и действительно нет никаких сундуков? Если они не показывали никому, где находится эта пещера, возможно, запасов камней действительно нет.

И все же, не верилось. Чтобы гномы, да не набирали полные сундуки драгоценных камней?! Хотя, рассуждал киммериец, стараясь держать зубило под нужным углом, что мы знаем о гномах? Только то, что говорят легенды. Да еще слухи, сказки... Камешки, при каждом ударе молотка по зубилу, летели прямо в глаза. Конан присмотрелся, как работает гном. Да, нужно бить не так сильно. Буумин стучал, как по стеклу, легко, играючи. Изумруды, рубины и топазы так и сы-

пались из-под его зубила. Конан постарался подражать гному, и дело понемногу наладилось.

Когда догорели три факела, Буумин сказал:

— Пора прекращать работу. Остался только один факел. Если мы не хотим заблудиться в темноте, нужно собираться в обратный путь.

— Хорошо, — Конан подошел к плоскому камню и высыпал, как на бочку, несколько горстей изумрудов и рубинов.

— А вы что добыли?

Кучка Култара была примерно такой же. Гном сморщился, как от зубной боли, и стал высыпать камни, причем выглядел таким несчастным, что Конан с трудом удерживался от смеха. Выходило, что Буумин добыл камней в несколько раз больше, чем Конан и Култар вместе взятые. Южанин, на всякий случай проверил царские карманы — нашлись еще несколько горстей.

— Ну, что же, — Конан поскреб подбородок, — замок на это, конечно, не купить, но погулять можно славно! Придется тебе, — он глянул на Култара, — пожить еще в доме оракула. Хотя, на свою долю, ты можешь, вместо его домика, построить хороший дом, большой. Завести гарем и жить, пока не кончатся камни.

— Да, я уж постараюсь экономить, — сдавленным голосом сказал южанин и Конан посмотрел на него с сомнением.

— Я не буду швырять камни трактирщикам! А вино стану пить самое дешевое!

Киммериец расхохотался. Гном плаксивым голосом пропищал:

— А мне? А моя доля? Как же...

— Какая твоя доля?! — возмутился Култар.

— Ты же обещал нам половину всех сокровищ, — усмехнулся Конан, — мы не добыли и тысячной части! Как-нибудь вернемся и еще поковыряем тут — пока не выдолбим ровно половину!

Буумин с неподдельным ужасом посмотрел в серьезные глаза Конана, синие, как вода в глубоком, горном озере, затем, что-то сообразив, кивнул:

— Всегда буду рад таким гостям. Но не забудьте, что вы обещали разбить моих врагов!

— После того, как добудем половину сокровищ! Пока же... — развел руками Култар.

— Мы поможем тебе царь, — сказал Конан, — если ты докажешь нам, что не убил своего отца, как о том говорили парламентеры!

— Которых ты, против всех правил, тоже убил! — добавил южанин.

— И, кроме того, — продолжил Конан, — ты опоил нас сонным зельем и бросил в пещеру с опускающимся потолком!

— Но я же вас вытащил! Я хотел...

— Что ты хотел, о том успели рассказать парламентеры! — сурово прервал Конан.

Он и не надеялся, что царек так легко признается в своем коварстве. Но у Буумина вид упывающих из-под носа сокровищ помутнили разум. Он растерял всю свою хитрость и сидел потерянный и жалкий, неотрывно глядя на груду сверкающих камней.

— И еще, — сказал Култар, — ты говорил, что сокровищницу охраняют чудовища! Где они? Это тоже обман?

— Чудовища могут пожаловать в любой момент, — злорадно произнес гном, — я надеюсь, что меня они все-таки помнят, а вот вам придется туда!

— Ничего, справимся, — усмехнулся Конан.

— А что за чудовища? Как они выглядят? — Култар все же решил узнать, с кем, возможно, придется иметь дело.

— Они выглядят каждый раз по-новому, — гном огляделся и в его глазах, казалось, мелькнул настоящий страх, — я ни разу не видел двух одинаковых.

— Но чем они опасны? У них когти, клыки, чем они вооружены? — допытывался южанин.

— И когти, и клыки, — гном теперь выглядел по-настоящему испуганным, вероятно вспомнил чудовищ, — и еще — щупальца! Когти, клыки и щупальца, как у спрутов, которые водятся у нас в озерах, там, внизу, — он показал тоненьким пальцем себе под ноги.

Култар посмотрел на камни, на которых стоял Буумин, представил бездонное подземное озеро, населенное ужасными спрутами и поежился.

— Да нечего тут труса праздновать! — рявкнул Конан.

Он аккуратно разделил сверкающие камешки на две равные части и, откинувшись, посмотрел, ровно ли вышло. Затемсыпал одну из них себе в карман, на вторую кивнул Култару. Южанин

поспешил наполнить потайной карман, спрятавшийся где-то в недрах его одежд.

— Пора, — Конан глянул на факел, — нужно успеть выйти к освещенным пещерам.

Вновь шли, ползли, пробирались извивающимися, подобно змее, переходами, узкими тайными норами, относительно просторными коридорами.

— Ты ведешь нас новой дорогой, — угрожающе заметил киммериец, — уверен, что она приведет к выходу из пещер?

— Значит, вы решили не помогать мне? — пропищал царь. В голосе его слышалось отчаяние.

— Я не уверен в твоей честности, — мрачно ответил Конан, — точнее, уверен в нечестности. А с теми, кто со мной не честен, у меня разговор короткий.

— Скажи спасибо, — добавил Култар, — что жив остался. Такому коварному гному... Куда ты, демоны тебя забери?! Стой!!

Гном затушил факел и, оставив друзей в полной темноте, нырнул в какую-то боковую нору.

— Проклятье, — прорычал Конан, — ты забыл его привязать?! Это может стоить нам жизни!

— Забыл, — простонал Култар, — о боги, я забыл! Блеск сокровищ затмил мне разум! Теперь мы погибнем!

Почему-то он вспомнил, как мальчишкой пробирался ночью по развалинам заброшенного монастыря. Безлунная ночь навалилась, как черный змей, давила, душила в мертвенных объяти-

ях, тяжелыми кандалами сковывала руки и ноги. Он тогда долго блуждал, натыкаясь на стены, плача и проклиная хмару, которая, как назло, закрыла звезды. Он так и не выбрался из развалин, присел у стенки и всю ночь, подвывая от страха, просидел, сжимая в окоченевшей от напряжения руке кинжал, найденный им когда-то на месте давнишней битвы. Этот кинжал он, уже выросший и ставший неплохим воином, долго хранил как память о той страшной ночи. Кинжал стал символом победы над собой, над своими страхами. Кто знает, не сжимай в ту ночь его рука найденный клинок, может, он сошел бы с ума от ужаса и остаток безумной жизни бродил бы по развалинам. А после смерти стал бы стенающим, подвывающим от вечного страха, призраком.

Да, оружие всегда помогает мужчинам сохранить мужество, не поддаться страху. Оно придает уверенность, одним своим существованием. Стоит дрожащей руке взяться за рукоять меча или кинжала — как противная дрожь уходит, мышцы наливаются силой, а в сердце загорается огонек, ведущий к победе, подобно маяку, в непогодь указывающему путь заблудившемуся кораблю. Мужчина без оружия жалок и гол. Он, как маленький львенок, потерявший львицу, в панике бросается в разные стороны в поисках мамы, не находя ее и жалобно мяукая. Но стоит руке почувствовать тяжесть оружия, как львенок становится львом — сильным отважным и готовым к любым неожиданностям. Воистину великая сила скрыта в блаженной тяжести меча, в

холодной стали клинка кинжала, или в прекрасном, как движения танцующей женщины, изгибе сабли!

Култар до боли скжал рукоять меча и страхи отступили. У него есть огниво, а одежда всегда может на какое-то время заменить факел. Они будут жечь одежду — не постоянно, только, когда нужно будет сориентироваться по какому тоннелю ползти — и выйдут к освещенным пещерам. Обязательно выйдут! Пусть даже сожгут всю одежду и останутся голыми!

Конан уже раздувал высеченную искру, туга намотав не кинжал платок. Пламя — маленькое, коптящее, грозящие вот-вот потухнуть, как божественный свет Митры, осветило уставшие лица друзей.

— Он нырнул туда, — киммериец кивнул на черневшую дыру в стене, — стоит ли нам ползти за ним, или лучше пробираться в том направлении, куда шли?

— Наверное, он нырнул в настоящий лабиринт, где можно легко от нас скрыться, — предположил Култар.

— Пожалуй... Пойдем в прежнем направлении. Искать сейчас гнома дело безнадежное.

Конан пошел по тоннелю. В том коридоре они могли шагать не сгибаясь, а значит, он обязательно куда-нибудь выведет, как большая, наезженная дорога приводит путника в город или селение.

С неудовольствием, Конан вспомнил, что как раз такая дорога еще недавно и привела их в ту-

пик. И если бы не помочь Ариана... Хотя, помочь эта также обернулась не слишком приятным приключением.

И все же, двигаться по широкому, высокому тоннелю, было надежнее, нежели ползать по низким норам, ведущим невесть в какие гномы лабиринты.

— Факел пока потушим, пойдем на ощупь, вдоль стены. Как только рука провалится в пустоту — раздуем огонь и осмотримся. Это будет, или нора, или перекресток. Посмотрим, куда идти и опять пойдем в темноте, — Конан был спокоен и деловит, будто ходить под землей на ощупь, было для него самым привычным делом.

Почувствовав уверенность друга, Култар также успокоился и даже пошутил:

— Может, постепенно научимся видеть в темноте?

Конан шутку не оценил:

— Давай, пошли. Я иду вдоль правой стены, ты — вдоль левой. Рукой трогаем стену. Будет боковой ход — скажи, я запалю наш факел.

Полная темнота, как известно, обостряет слух. Арузья слышали не только далекое это своих шагов, но и иные звуки. Где-то запищали крысы — вероятно, подрались из-за куска... чего? Мяса? Откуда тут мясо? Или корочки хлеба, брошенной когда-то гномами? Вообще, что едят тут, под землей, крысы? Где-то далеко в горах рухнул в пропасть утес. Ветры и дожди подточили казавшегося нерушимым каменного гиганта — и он с грохотом обрушился в бездну. А эхо его предсмерт-

ного содрогания слышно даже тут, под горой, в бесчисленных лабиринтах гномых нор.

— Конан, ты слышишь? — прошептал вдруг Култар, останавливаясь и стараясь унять дыхание.

— Слышу уже давно, — спокойно ответил киммериец, но в его голосе Култар уловил едва заметные нотки тревоги.

— Конан, кто это? Это те... о ком говорил гном? — шепот южанина перемежался шумным дыханием.

— Необязательно. По пятам могут красться не только чудовища... Может, это Буумин... Хотя, конечно, вряд ли...

— Да, вряд ли... Я слышу тяжелую, но мягкую поступь. Так могли бы ходить спруты, если бы вылезли на поверхность. На щупальцах...

— На щупальцах не ходят, — отрезал Конан, — не будем останавливаться. Пока оно не нападает — поспешим, может, успеем выбраться к освещенным пещерам.

— Не успеем... Не успеем... Шаги все ближе...

— Замолчи! Не впадай в панику! — Конан пошел вперед, держа наготове платок и огниво.

Мягкие, тяжелые и настойчивые шаги действительно приближались. Преследователь, кем бы он ни был, решил сократить разделявшее их расстояние. Друзья пошли быстрее, но трудно быстро шагать в абсолютной, первозданной тьме.

— Конан, я спотыкаюсь, как новобранец на первых учениях, — простонал Култар, — он скоро нас догонит.

— Быстрее, — бросил киммериец, переходя на бег, — побежали, я думаю, скоро выйдем к освещенным пещерам!

Култар побежал, стараясь не запинаться. Он представил, что бежит по ровной поверхности — где-то в степи — а глаза просто закрыл ради интереса. Над головой солнце, а не давящие своды, над которыми к тому же возвышается гора, легкий ветерок овеивает разгоряченное лицо, степь дышит утренней прохладой...

— Стой, — крикнул Конан, — оно рядом! Будем драться!

Он ударили кремнем по кресалу, и сноп искр заплясал в темноте. Скоро тряпка, немилосердно чадя, разгорелась, и Култар увидел друга с мечом в одной руке и факелом в другой.

— Приготовься, оно сейчас покажется из темноты! — Конан передал факел Култару и взял меч обеими руками.

Южанин также встал в стойку, нацелив острие клинка на темноту из которой вот-вот должно появиться нечто ужасное. Если чертов гном говорил правду, сейчас из породившей его тьмы вынырнет монстр — сплошные когти, клыки и щупальца! И с ним придется сражаться, потому что, жизнь — это сраженье и, потому что, даже если суждено погибнуть, нужно умереть не как скулящий щенок, а как мужчина и воин — с мечом в руке!

Тряпичный факел догорал, а темнота все не исторгала из себя таящегося в нем чудовища. Нестерпимо тянулись мгновения. Время стало вяз-

ким, как смола, которой проливают днища кораблей, секунды молотами стучали в висках. Чудовище не показывалось.

— Кром! Кажется, я что-то вижу, — Конан до боли вглядывался в темноту, — что-то там копошиться, как огромный черный паук!

— Оно боится света — Култар торопливо срывал рубаху, — сейчас мы сделаем еще один факел!

— Не думаю, чтобы оно не было знакомо со светом, — бросил Конан, — ведь царь с сыном его приручали, значит, приходили с факелами. Наверное, оно просто готовится к прыжку. Но факел нам нужен, так что, постарайся быстрее...

Отвратительный звук донесся из темноты. Писк, чириканье, свист, скрежет металла по камню — словно все эти звуки слились воедино, исторгаемые чудовищной глоткой существа, копошащегося за гранью света.

Култар свернул рубаху в один огромный тугой ком, насадил на кинжал и поджег. Свет весело разогнал вязкую тьму, которая, по мере догонания прежнего факела, стала подступать к людям. Коридор был пуст. Конан подошел к тому месту, где он «видел» чудовищного паука. Никаких следов, кроме отпечатков двух пар сапог, не было.

— Все же, мне кажется, я видел, нечто поспешно удаляющееся в темноту, — в раздумье проговорил киммериец.

— И ведь кто-то же верещал! — крикнул Култар.

— Да, кто-то верещал, — Конан покачал головой, — он что — невидимый, этот монстр? И ходит, не касаясь пола?

— Но ведь мы слышали его поступь! Может, он шел, хватаясь щупальцами за стены? — предположил южанин, нервно усмехаясь.

— Ладно, не будем терять времени, — Конан вложил меч в ножны, — посмотрим, куда приведет нас этот тоннель.

Друзья ускоренным шагом двинулись вперед. Коридор, вырубленный в скале, словно длинное копье, уходил в темноту. Преследователя слышно не было.

— Я думаю, это был призрак, — изрек Култар, поспешая вслед за другом, — призраки часто издают ужасные звуки.

— Может, и призрак, — пробормотал Конан, — не отставай, скоро выйдем к свету.

— Выйдем... — пробурчал южанин, — мы можем тут всю жизнь бродить, в недрах горы.

Конан остановился.

— Да нет, я просто так сказал... — начал было оправдываться Култар, но замолчал, увидев, что друг к чему-то прислушивается.

— Ничего не слышишь? — Конан приложил ладони к ушам и, слегка поворачивая голову, стал слушать гору. Ему казалось, что гора живет своей жизнью, что она недовольна копошащимися в ее чреве маленькими созданиями. Бегают, прорубают тоннели, щекочут...

— Не слышу, — Култар даже и не пытался вслушиваться, зная, что слух у киммерийца, как

у лисы, а у него, Култара — как у старого глухаря, что сидит на ветках, не слыша подкрадывающегося охотника.

— Кром! Мне показалось, что где-то впереди... Вроде, те же звуки... Верещание...

Он мрачно глянул на догорающий факел.

— Скоро мы останемся голыми.

Култар, который и так был уже наполовину раздет, согласно кивнул. Молча, друзья двинулись дальше. Тоннель шел строго горизонтально и должен был, конечно же, вывести к свету. Как бы не была широка гора, они прошли по прямой уже довольно большое расстояние.

6

Оно напало внезапно, из-за угла, как нападают вампиры, ягуары и уличные разбойники. Огромная темная масса шевелящихся щупалец метнулась к ним, подобно пауку, завидевшему попавшую в сети муху. Конан, извернувшись, успел отскочить, а Култара чудовище зацепило толстым, похожим на корабельный канат, щупальцем. Все произошло так быстро, что времени на раздумья совершенно не оставалось. Южанин закричал высоким голосом и принялся рубить мечом опутывающую его массу. Чудовище,казалось, состояло только из «канатов» различной толщины и длины. Уже через мгновение бьющийся Култар был опутан липкими щупальцами, как муха паутиной. Он бешено рубил «кан-

ты», но меч, пружиня, отскакивал, едва не вырываясь из руки. В тот момент, когда чудовище схватило Култара, Конан успел поднять факел, занять нужную позицию — чуть в стороне, чтобы не поранить друга длинным мечом — и выискивал место, куда можно было поразить монстра. Такого места не было. Извивающиеся, мелькающие щупальца надежно скрывали тело чудовища. Да и было ли у него тело? Как ни напрягал киммериец зрение, он не мог увидеть ничего, кроме шевелящейся массы щупалец.

Но ведь, он явственно слышал постуपь, топот этого существа! Это означало, что кроме щупалец, у него были ноги — уж во всяком случае — если бы монстр передвигался на щупальцах, слышалось бы шуршание, но никак не топот. Значит, нужно решаться! Конан поудобнее перехватил меч.

Култар, весь опутанный «канатами», только стонал и хрюпал, тщетно пытаясь вырваться. Меч его уже валялся на земле. Несколько щупалец уже потянулись в сторону киммерийца, когда он, решившись атаковать ноги чудовища, прыгнул вперед и ударил мечом у самой земли, проведя им, как косой, в четверти от неровного каменного пола.

Меч, почти не встречая сопротивления, со свистом прошел под чудовищем, но визг, оглушивший Конана, показал, что ноги чудовища перерублены. Продолжая нестерпимо верещать, монстр выпустил Култара и грузно осел, беспорядочно мотая канатами-щупальцами. Южанин,

кашляя и отиляясь, откатился к стене и, цепляясь за неровности, пытался подняться. Ноги его подкашивались, и он бесполезно царапал ногтями камень. Факел дрогнул. Конан, вложив меч в ножны, подхватил друга и бросился вперед по коридору. Отвратительные звуки, издаваемые раненым чудовищем, отдалились: монстр пополз в спасительную темноту.

— Спасибо, — выдохнул Култар, — еще немного... и я... спасибо... я уже могу идти сам...

Конан остановился и, придерживая, шатающегося друга оглянулся. Коридор был пуст. Раненое чудовище исчезло. Успело уползти в темноту? Или оно умеет, когда нужно, мгновенно перемещаться по воздуху?

— Он так меня сдавил, что я только сейчас начал чувствовать ноги, — хрипел Култар.

— Ты бросил меч, — с укором сказал Конан.

— Сейчас... Сейчас... Я схожу за ним... — южанин, сильно шатаясь, выхватил у друга дрогнувший факел и бросился назад.

Конан присел на корточки у стены. Ладно. Чудовище убралось залечивать раны. Коридор пока безопасен. Без меча путешествовать, никуда не годится. Он прислушался. Култар издал радостный возглас — поднял меч, крысы шуршали где-то позади — побежали слизывать с пола кровь чудовища?

Южанин вернулся, сияя от радости — вернулся меч и осознал, что остался в живых.

— Сейчас, оставшись в темноте, я, кажется, заметил, что коридор впереди уже не так тес-

мен, — Конан поднялся и критически осмотрел помятого друга, — я уверен, что мы выходим к освещенным пещерам.

Култар был голый по пояс — рубашку он пустил на факел, а кольчугу потерял в суматохе. Посмотрев на свои покрытые синяками и ссадинами руки, он тяжело вздохнул:

— Еще немного и я бы...

— Почему же от его щупалец меч отскакивает? — недоумленно перебил Конан.

— У него какие-то особенные щупальца, — Култар задрожал: вспомнил недавние объятия чудовища, — они как будто из резины — мягкие, но стягивают так, что перестаешь дышать.

— Ладно, поспешим! Нам нужно не только выйти к освещенным пещерам. Самое-то главное — выбраться на поверхность.

Друзья быстрым шагом пошли по коридору. Тьма постепенно сменилась серыми сумерками, затем впереди забрезжил свет. Вскоре стало ясно, что этот бесконечный переход в кромешной тьме кончился — пещера с двумя рядами пробитых под самыми сводами узких окон, показалась путникам, чуть ли не отчим домом.

— Куда теперь? — деловито спросил Култар.

— О, Кром! Откуда я знаю, куда теперь, — рассердился киммериец, — ты вопрошаешь меня, как оракула!

— Может, попытаемся забросить веревку? — Култар вынул из кармана моток тонкой, прочной веревки.

— Ты бы лучше не забыл привязать этой ве-

ревкой молодого царя! — рявкнул Конан, прикидывая расстояние до нижнего ряда окон.

— Веревки хватит, — южанин словно и не заметил гнева товарища, — можно привязать меч в ножнах и бросить в окно, он встанет поперек, и мы сможем подняться.

— Я знаю, как это обычно делается, — проворчал Конан, успокаиваясь, — можно, попробовать... Только, боюсь, что если мы и сумеем протиснуться в окно — увидим под собой пропасть!

— Попытаемся, — Култар деловито привязывал веревку к мечу, — главное, чтобы клинок не выскользнул... Вот! — он раскрутил на веревке меч, словно прашу и с выдохом бросил в стену.

— Да... с первого раза не попал...

— Дай-ка я... — Конан поднял меч и точным броском отправил его в окно. Если бы Култар не успел подхватить конец веревки, он бы навеки рас простился с оружием.

— Я легче, мне и подниматься, — южанин побрезгивал ловко полез к окну.

— А мне — что? Не нужно будет? — проворчал Конан, удерживая конец веревки.

Култар уже выглядывал наружу.

— Тут уступ! И, вообще, склон не крутой! Спустимся! — радостно закричал он.

Конан стоял, мрачнее тучи. Глаза его, казалось, метали синие молнии.

— Ты что? — не понял южанин, — мы же сейчас выберемся!

— Я одного не могу понять, — медленно проговорил киммериец, — почему нам сразу не при-

шло в голову залезть по веревке к окнам?! Как только мы попали в такую пещеру?

— Там, мне кажется, окна были поуже, — неуверенно ответил сверху южанин, — кроме того... мы бы не набили карманы сверкающими камешками!

— Но ведь зато и не попали бы во все эти переделки!

Конан поплевал на ладони и полез наверх, как большой, но ловкий паук. Култар поджидал его, наполовину прописнувшись в окно.

— Теперь перекинем веревку на ту сторону, а меч — на эту, — радостно сказал южанин, — спустимся и мы — на свободе!

— А меч, стало быть, оставил в пещере? — усмехнулся Конан.

Култар растерялся. Ожесточенно поскреб затылок. Действительно, меч останется по другую сторону, и извлечь его никак не удастся. И меч, и веревка... И если Култару еще можно было, оставшись без оружия, надеяться на меч Конана, то без веревки в горах — смерть.

— Да... ну, а как же быть?

— Спускайся! — скомандовал Конан.

Култар, с озабоченным видом перекинул веревку на внешнюю сторону, а меч поставил поперек окна на внутренней — и стал спускаться на ближайший уступ. Конан тем временем, усевшись на кромку окна, как на коня, снял сапоги и перевязь меча. Затем, дождавшись когда Култар спустится и выпустит из рук веревку, привязал к ней, рядом с мечом южанина, свой меч и сапоги,

и быстро перебирая ладонями, спустил все хозяйство Култару. Тот понял, наконец, что задумал киммериец.

— Конан! Не пытайся! Скала почти гладкая. Даже тебе по ней не спуститься без веревки!

Но Конан уже нашупывал босыми ногами неровности утеса, по которому предстояло спускаться. Окно было прорублено гномами так искусно, что снизу его действительно не было видно. И Култару казалось, что его друг просто появился из толщи скал и теперь осторожно ползет, как муха по потолку, по гладкому камню.

— Это невозможно, — шептал южанин, — он сорвется. Без веревки тут спуститься невозможно... Это слово пульсировало у него в висках, наполняя душу отчаянием.

Он закрыл глаза и присел, обхватив голову руками.

Невозможно. Кроме того, Култар, понял еще одну вещь: склон горы, по которому они намеревались спуститься, вовсе не такой пологий, как ему на радостях показалось из окна. Склон был очень даже крутой и, похоже было что, выбравшись из пещер, они совершили ошибку. Может, следовало, попытаться достигнуть самого нижнего уровня гномьего лабиринта и лишь тогда вылезать на внешний склон? Была, конечно, опасность встречи с воинственными гномами, но... это была только опасность, а тут, на внешней стороне горы, их ждала верная смерть. Култар стиснул зубы. Друг его, Конан, разобьется прямо сейчас, рухнет ему на голову с высоты четырех-

этажного дома, какие нередко приходилось видеть в Шадизаре, а он, Култар, останется на уступе один... Один! Южанин представил, как сидит ночью на этом небольшом карнизе и с тоской смотрит на далекие, мохнатые звезды. Один он, конечно, даже не попытается спуститься по отвесному склону! Отвесному, а не пологому, как ему, сдуру, показалось! Тут не поможет и веревка — для чего одному человеку веревка? Ну, привяжешь ее к камню, спустишься чуть ниже, а потом?.. Веревку-то не отвяжешь и останешься без нее. Другое дело — вдвоем. Можно связаться и опускаться по-очереди. И даже, если верхний — спускающийся без веревки — сорвется — нижний всегда сумеет его удержать. Сумеет? Култар представил, как он, стоя на таком же карнизе, пытается удержать пролетающего мимо Конана. Нервный смех вырвался из его груди и южанин, запрокинув голову, захохотал. Затем, когда смех готов был перейти в судорожные рывания, он услышал спокойный голос Конана:

— Чего это ты расхохотался? Хочешь, чтобы гномы услышали?

Киммериец стоял рядом, словно призрак, вернувшийся с того с того света, и недовольно хмурился.

— Снимай сапоги и привяжи их за спиной, вместе с мечом, — говорил он, распутывая веревочные узлы, и очень удивился, когда Култар, рыдая, обхватил его за ноги и прижался головой к коленям. Затем, поняв состояние друга, улыбнулся и сказал:

— Мы спустимся. Я, как ты видишь, не скользнул, хотя несколько раз случалось висеть на одной руке. Спустимся!

7

Гора оказалась не столько крутой, сколько коварной. Несколько раз Култар, всегда спускающийся первым, срывался и только веревка, удерживаемая сверху Конаном, помогала ему избежать гибели.

Гора была коварна, как и ее обитатели. Камни, казавшиеся незыблёмыми, вдруг срывались в пропасть, стоило на них хоть чуть-чуть опереться. Небольшие расщелины, которые южанин видел сверху и за которые собирался зацепиться натруженными ногами, непонятным образом исчезали, и он подолгу висел на веревке, тщетно пытаясь нашупать хоть какую-то опору. Часто дело кончалось тем, что Конан попросту спускал его, как тяжелый и неудобный тюк.

Култар часто ложился в изнеможении на очередном карнизе и клялся, что не может сделать больше не единого шага.

— А тут и не нужно шагать, — говорил Конан, — тут нужно ползать! Представь, что ты муха, ползущая по потолку!

— Не могу, — стонал южанин, — не могу представить себя мухой.

Если первый день спуска выжал из Култара все силы, то второй и третий — превратили его в

мумию. Ни продуктов, ни воды у друзей не было. Продукты кончились еще в темных тоннелях, а вода... — последние ее капли были выпиты в первый же день спуска.

Друзья утром слизывали росу с камней, а днем старались не думать о ней — о живительной влаге, возвращающей силы усталому труженику, напитывающей жизнью иссохшие тела путников, бредущих по пустыне и неожиданно вышедших к оазису. Бредущих по пустынё... Или, к примеру, ползущих под палящим солнцем по скалам...

На исходе второго дня этого неимоверного, бесконечного спуска, друзья засыпали журчание горного ручейка. Звук текущей, падающей, рассыпающейся алмазными брызгами воды, то появлялся, то исчезал, относимый ветром и тогда люди рычали от отчаяния. Наконец, Конан определил, откуда доносится журчание, и через несколько часов мучительного лазания по скалам друзья увидели крохотный ручеек. Он, словно играя в прятки, лишь иногда показывался, из недр горы, подмигивал и вновь исчезающий в толще камня.

В течение нескольких часов вниз не упало ни капли. Друзья по очереди подставляли под маленький, игрушечный водопад усталые, обветренные лица и пили, пили, захлебываясь, впитывали в себя воду, этот великий дар богов людям и всем, живущим на земле существам! Они пили, оживая и чувствуя, как покинувшие их силы медленно, словно бы неохотно, возвращаются в

уставшие тела, наполняя их энергией и жаждой жизни.

И когда, наконец, скалолазы ступили на землю у подножья горы, они, запрокинув головы, долго смотрели, не покажется ли среди мрачных скал их друг, их спаситель — маленький, игрушечный ручеек. Но ручеек исчез в недрах горы. Он спас жизнь двум уставшим, умирающим от жажды людям и это было его миссией.

Друзья надели на израненные, кровоточащие, с сорванными ногтями ноги сапоги и пристегнули мечи. Култар заботливо смотрел и спрятал в карман истертую веревку.

— О, Кром! — Конан вдруг воздел руки к небу, затем с досадой хлопнул себя по бедру.

— Что такое? — встревожился Култар. Последние мгновения он стоял, раскачиваясь, как дерево на ветру, и упиваясь сознанием того, что остался жив, не смотря на все перипетии.

— А, вот что, — Конан сунул руку в карман, и два его пальца вылезли наружу, — дырка! Я порвал штаны, ползая, как муха, по этим скалам! Все драгоценные камешки выссыпались, пропали.

Култар внимательно осмотрел дырку.

— Не порвал, скорее, протер...

— А велика ли разница? — хмуро поинтересовался киммериец.

— Да разницы особой нет, — глубокомысленно изрек южанин, — результат-то один: половины добытых сокровищ мы лишились.

— Я лишился, — поправил его Конан, — я лишился своей половины.

— Нет, мой друг — мы лишились! Я, конечно, свою долю поделю на двоих, и не пытайся меня отговаривать!

— Но тогда тебе точно не хватит на покупку замка!

— Да и ладно, — беспечно сказал южанин, хитро улыбаясь, — зато хватит, чтобы вдоволь погулять! Я так давно не пил хорошего вина!

Конан рассмеялся и хлопнул друга по плечу. Отважные скалолазы, хромая каждый на обе ноги, отправились в Шадизар, пропивать сокровища царства Стоомина.

Оракул смерти

вой сын сегодня умрет, — произнес Оракул.

Лицо герцога Альдо окаменело. Несколько мгновений оно оставалось бледным и неподвижным, и в голове Стефана, его оруженосца, промелькнула безумная мысль — не превратило ли хозяина в мрамор черное колдовство.

Потом крошечная жилка быстро-быстро забилась у правого глаза герцога. Его черты утратили застылость, но жизнь так и не вернулась в них. Казалось, оттаивает ледяная маска — и когда солнечное тепло растопит ее совсем, она исчезнет, склынув с голого черепа мутной волной.

На всякий случай, Стефан шагнул вперед, протягивая руку — и вовремя. Герцог пошатнулся, и его похолодевшие пальцы мертвой хваткой сжались на запястье слуги.

Провидец стоял возле алтаря, безмолвный и

невозмутимый. Свет лился на его высокую фигуру из узких витражных окон, на которых умелая рука мастера чертала жизнь и смерть, падение и триумф.

Те, кто приходил к прорицателю, вряд ли были для него более реальны, чем эти фигуры, изображенные на стекле. День за днем он говорил им правду, принося радость и тоску — сам же давно забыл и первое, и второе.

Альдо не замечал Оракула. Не видел он и оруженосца, чью руку с каждым мгновением сжимал все сильнее. Взгляд герцога был прикован к большой плетеной корзине, стоящей на алтаре. В ней, на бархатных подушках с родовым гербом, заботливо прикрытый пуховым одеялом, — лежал его сын.

— Мерзкий волшебник!

Ярость горячей волной хлынула из Альдо. Мгновенный шок отступил, чтобы вернуться после. Его место заняли гнев и отчаяние.

— Я пришел к тебе, чтобы узнать будущее, а слышу бред пьяного. Разуй глаза, гнилой чародей — мой сын родился две недели назад. Как он может умереть сегодня?

Руки в атласных перчатках бессильно били по воздуху. Герцог рвался вперед, пытаясь добраться до Оракула, схватить за тощую шею и сжимать, сдавливать до тех пор, пока лживый язык не вывалился из потемневших губ.

Однако он был не первым, кто хотел познать будущее, а вместе с тем познал боль и скорбь. Магический барьер, невидимый для простых лю-

дей, надежно защищал прорицателя. Альдо стучал о невидимую стену, пока силы не оставили его, и он медленно осел на мозаичный пол.

— У твоего сына нет будущего, — сказал Оракул. — Прости.

* * *

Корделия Аквилонская, уперев руки в бедра, смотрела на простиравшуюся под ее ногами дорогу. Девушка стояла на высоком камне, а внизу, словно бесконечная нитка бус, шли паломники.

Их фигуры, согбенные долгим путем, складывались в слово «нетерпение» — и все же они двигались медленно. Кто от усталости, ибо долгий путь от города до Храма следовало преодолеть пешком, ни разу не останавливаясь. Так повелели боги, иначе предсказание не будет верным — об этом услужливо рассказывали жрецы Оракула всем, кто собирался спросить у него совета.

Другие умеряли шаг, чтобы выказать почтение провидцу, чьими устами говорят сами небожители. Третью просто не хотели выделяться из толпы, и спешить там, где остальные идут медленно.

Но были и те, чьи ноги сковывал страх. Они боялись узнать свою судьбу — но столь же сильно страшились не сделать этого.

— Сколько они платят за предсказание? — мрачно спросила Корделия.

— По золотой монете, — ответил Конан. Киммериец и его спутница направлялись в

Замору. Извилистая горная тропа привела их к Храму Оракула, и они решили сделать небольшой крюк, чтобы посмотреть на знаменитую дорогу паломников.

— Ну, это немного, — сказала девушка, и в ее тоне ясно читалось облегчение.

Она терпеть не могла, когда кто-то получает большие деньги — и не пригласил ее поучаствовать.

— На каждый дорожный столб, — продолжал киммериец. — Видишь — вон там стоит монах, и всякий паломник дает ему по динару.

— Уши Нергала, — прошептала Корделия. — Конан. А сколько здесь столбов?

— Лучше тебе не считать, Корди. Иначе наживешь язву.

Девушка яростно хлестала взглядом по дороге, подсчитывая проходящих людей и тут же переводя паломников в динары.

— А ведь в Аренджуне, когда я была девчонкой, мне предлагали стать прорицательницей, — сказала она. — Дура, зачем же я отказалась? Правда, то был всего лишь бродячий цирк, но ведь я могла расти.

Конан как-то сомневался, что жрецы Оракула берут новых провидцев из балаганов. Однако он твердо знал, что отношения между людьми тем крепче, чем меньше споришь по пустякам, а потому промолчал.

Дав аквилонке немного прийти в себя, он заметил:

— Сам пророк ничего не получает из этих де-

нег. Он ведет жизнь аскета, ест овощи и пьет лишь воду из родника.

Корделия недоверчиво взглянула на киммерийца.

— Только не говори, что и девушек он не тискает. По-моему, все жрецы только этим и занимаются. Конечно же, кроме тех, кто предпочитает мальчиков.

— Боюсь, плотские утехи ему тоже заказаны, — подтвердил Конан. — Впрочем, дело не только в монашеском запрете. Только коснувшись человека, пророк видит все его прошлое и будущее — думаешь, это располагает к утехам?

Девушка поежилась.

— Не знаю, что хуже, — сказала она. — Жить совсем без утех или жить с такими утехами. Ладно, Конан. Все-таки хорошо, что я пошла в школу гладиаторов, а не увязалась с цирком.

Корделия задумалась.

— Правда, тогда бы я не убила своего наставника, и не оказалась бы в тюрьме. А это значит...

Она надолго ушла в себя, обдумывая события своей жизни и пытаясь выстроить их в другом порядке.

— Нет, Конан, это невозможно, — наконец сказала она. — Столько дорог, столько случайностей. Я вспоминаю людей, которых убила — половину могла бы и пощадить. А из тех, кого отпустила, всем следовало вспороть живот. Одно решение — и как все изменилось. Нет, не верю. Этот Проракул — жулик. Как можно предвидеть будущее?

Ее слова были прерваны. Юноша в одежде оруженосца, с длинным боевым шестом в руках, спешил к путникам по боковой тропе.

— Ты Конан из Киммерии? — спросил он, задыхаясь и от избытка чувств тыкая варвара палкой в грудь. — Провидец сказал, что я встречу тебя здесь.

* * *

Корделия помрачнела, как небо перед грозой.

— Дешевый трюк шарлатанов, — заявила она со знанием дела. — Сейчас скажет пару дурилок, и потребует с нас деньги за предсказание.

— Пусть твоя женщина замолчит, — раздался властный голос, явно принадлежащий знатному человеку.

Из-за деревьев на тропу вышел воин, в алом доспехе из чешуи дракона. Время и испытания оставили роспись морщин на его гордом лице. В каштановых волосах плесенью виднелась седая прядь. Суровый витязь держал корзину с ребенком. Это зрелище могло показаться кому-то трогательным, а кому-то смешным.

— Поди прочь, дешевая потаскушка, — продолжал герцог.

Он привык оскорблять других, и теперь даже не замечал этого.

— Нам с твоим господином надо поговорить по-мужски.

Корделия и без того находилась не в прыничном настроении. За хамство же она в лучшем

случае ломала наглецу руку. Однако герцог держал ребенка, и это спасло ему — если не жизнь, то, по крайней мере, возможность завести еще одного наследника.

— Ты идешь от Оракула с дурными вестями, — произнес Конан. — Поэтому замнем неудачное начало и попробуем снова. Твой оруженосец искал меня — для чего?

В другой день, герцог Альдо не спустил бы дерзость. Но сейчас он мог думать только о судьбе сына, потому вряд ли даже рассыпал слова киммерийца.

— Я, мой сын и эта гниль в облике оруженосца едем в аббатство Монлюссон...

Он запнулся, сообразив, что наверное впервые в жизни отправился в путь пешком.

— Мне нужен телохранитель — смерд, который защитит моего наследника. Рискни своей никчемной жизнью, варвар — и как знать, может, на небесах простят хоть часть твоих преступлений.

«А ведь он и вправду уверен, что оказал мне великую милость», — подумал Конан.

Тяжелый кошелек, брошенный рукой герцога, полетел в киммерийца. Не встретив подставленной ладони, мешочек утонул в густой траве.

— Что сказал прорицатель? — спросил северянин.

— Глупый варвар, — с презрением прошел герцог. — Даже монеты поймать не смог. Откуда только у тебя руки растут, оглобля? Небось, отморозил, когда нерпу ловил в проруби.

Он шагнул назад, явно намереваясь забрать свое предложение.

Поднимать кошелек Альдо не собирался. Заботиться о деньгах — слишком мелочно для аристократа. Даже нищий дворянин вряд ли бы нагнулся — по крайней мере, при смердах.

Взгляд, брошенный на ребенка, заставил герцога остановился.

— Оракул сказал, лишь ты можешь спасти моего сына, — пробормотал он. — Но что может знать безумец? Его мозги, наверно, давно превратились в пюре из шпината. А если так, пророчество не имеет силы...

Люди охотно верят в добрые предсказания, и пытаются обмануть злые. Герцог Альдо тщетно пытался убедить себя в том, что не верит в предсказание. Но вера часто ходит на лезвии ножа, танцуя со страхом — не давая человеку ни полностью отдаваться своим фантазиям, ни отречься от них.

— В любом случае, провожатый нам не помешает, — произнес герцог с важностью, и разве что не хватало рядом писца, который увековечил бы его слова на пергаменте и скрепил печатью. — Поднимай золото, непутевый варвар. До аббатства Монлюссон еще день пути.

Он развернулся и потрусили по узкой тропе. Сзади герцог напоминал упитанного ослика, поднявшегося на дыбы за морковкой. Опытный кавалерист, он давно отвык ходить пешком, и дорога вымотала его гораздо сильнее, чем Стефана.

Видя, что оруженосец по-прежнему полон сил,

когда его хозяин разве что не ковыляет навпрыску — герцог не воспыпал к слуге отцовскими чувствами. Стефан, понимая это, старался держаться за спиной господина — чтобы лишний раз не попасться на гневные глаза.

Киммериец не двигался.

— Что сказал прорицатель? — повторил он.

В прошлый раз, герцог пропустил этот вопрос мимо ушей. Теперь же он повернулся, и взглянул на Конана с таким недоумением, словно с ним заговорила пряжка от сапога.

— Знай свое место, варвар, — воскликнул Альдо. — Видно, на родине тебя мало учили плетью, раз ты осмеливаешься задавать такие вопросы. Иди вперед, и радуйся каждому шагу, когда не получил по спине палкой.

Корделия предложила:

— Давай я его убью.

Конан покачал головой.

— Он горд, глуп и плохо воспитан. Но речь идет о жизни ребенка. Смерть сына — слишком большая цена, чтобы научиться вежливости. Боюсь, мне придется ему помочь.

Девушка подцепила кошель кончиком меча. Тяжелый мешочек взмыл в воздух, был пойман и оказался на поясе аквилонки.

Ее никто не приглашал ни работать, ни делить деньги — но такой уж была Корделия.

Впрочем, Конан знал, что она отдаст ему ровно половину — просто считать монеты, стоя на обочине дороги, глупо и несподручно.

Герцог Альдо уже преодолел половину пути

по склону, а Стефан, порхая за ним как мотылек за жабой, все не мог решиться сказать — что аббатство Монлюссон находится в другой стороне.

* * *

Ветерок тревоги пробежал над горной тропой. Он прошелестел меж багровых листьев тролльего кипариса, с любопытством глянул с отвесного склона вниз, на далекую дорогу, потом легким шелком коснулся щеки киммерийца.

Не шорох, не звук шагов, не приглушенное бряцание оружия. Всего лишь чувство опасности — легкое и неуловимое. Его не передать словами, как не описать ими черный цвет или вкус спелого винограда.

Конан поднял руку.

Корделия кивнула, и стремительно взбежала вверх по тропе. Герцог продолжал уже проигранное сражение с гравитацией. Девушка встала на его пути, развернула и, не говоря ни слова, быстро и властно оттеснила к скале.

Не успел Альдо вспомнить, как по-шумитски будет «окно», как оказался втиснут в узкую сырую расщелину, где ему мог угрожать лишь насморк.

Ребенку, запеленутому в пуховое одеяло, холд не был страшен. К тому же, на рукояти корзины болтался и вздрагивал амулет путешественников, надежно защищавший малыша от болезней и черной магии.

Стефан кувыркнулся в расщелину вслед за

хозяином. С ним девушка церемонилась меньше, отвесив пару пинков — скорее для забавы.

— Палка, моя палка! — закричал он, цепляясь руками за боевой щест, который не пролезал в щель.

Корделия пнула посох ногой, разломив его на две, и тем проблема счастливо разрешилась.

Место в расщелине едва хватало двоим, и оруженосец с герцогом застыли в позе, которую любой ревнитель морали счел бы за непотребную.

Все это девушка проделала молча, не отпуская обычных шуточек, и только громко сопела от усердия. В эти мгновения она была похожа на опытную овчарку, разворачивающую стадо овец. Впрочем, Конан благоразумно решил эту свою мысль не озвучивать. На комплимент она походила мало.

— Быстро, — произнес он, цепко осматривая горы. — Где ты этому научилась?

— Несколько лет я торговала рабами. Потом бросила — деньги хорошие, но больно уж возни много.

Знаком велев Корделии оставаться с герцогом, Конан медленно зашагал вверх по тропе — туда, где между обломков скал открывалась небольшая ровная площадка.

Дорога, ведущая в Храм Оракула, осталась далеко внизу. Паломники, бредущие по ней, уже не могли видеть киммерийца. Люди здесь проходили редко. Лишь горные тролли иногда спускались в долину, чтобы продать на ярмарке собранные в рудниках самоцветы.

Над бесформенными камнями, высоко в воздухе, покачивалось гигантское существо, напоминавшее уродливую медузу.

Прозрачный голубой купол был столь велик, что шесть человек могли бы уместиться под ним, не задевая друг друга. Он вздрогивал и опадал, в такт дыханию твари, и тысячи крошечных пузырьков играли внутри него.

Под шапкой свисала плотная бахрома щупальц, каждое из которых оканчивалось длинной, зубастой головой крысы. Отростки, покрытые светящейся слизью, непрерывно шевелились, словно клубок червей.

Между ними и куполом, кольцом вокруг тела медузы, корчились человеческие лица.

— Мертвого младенца я должен принести своему господину, — прошелестела тварь. — Но с остальными могу делать все, что захочу.

Конан поднял меч — но с тем же успехом он мог взмахнуть страусовым пером.

Черные нити, родившиеся из ниоткуда, обвились вокруг его правой руки, сжимаясь все туже, разрывая кожу и вонзаясь в плоть. Тонкие и блестящие, они казались шелковыми, — но были остры, как бритва, и прочны, как кушитский корабельный канат.

— Тысячи моих деток погрузят зубы в твою плоть, Конан.

Чудовище медленно поворачивалось вокруг своей оси, являя варвару все новые и новые лица — одни, застывшие в мертвой безмятежности сна, другие, скомканные страданием.

— Ты силен телом, но твой дух еще сильнее. Прекрасная еда для подрастающих крошек...

Теперь уже обе руки Конана были стиснуты магическими путами. Северянин напрягал мускулы, но это приносило ему лишь новую боль. Он сделал шаг, и тут же черные нити обвили его сапоги, сдавливая и раздирая их.

Тварь замедлила свое вращение.

Каждое из лиц, даже спящих, наслаждалось мучениями пленника, и не желало уступать место другим.

— Когда мои детки вырастут, они отделятся от меня и пожрут заживо. Я жду этого дня с гордостью. Вечное торжество жизни над временем...

Возле левой ноги северянина лежал камень, размером с кулак хобгоблина. Киммериец пнул по нему, и валун с тяжелым свистом улетел в никуда.

Конану показалось, что его нога погрузилась в раскаленный металл. Он упал наземь, разбивая лицо в кровь, и смог лишь бессильно повернуть голову, чтобы не лишиться глаз.

— Корм для глистав, возомнивший себя героем, — промолвила тварь. — Топаешь ножкой, будто капризный мальчишка. Неужто и вправду верил, что эта пылинка могла причинить мне вред?

Серый булыжник с сухим стуком ударился о кучу камней, громоздившуюся на склоне скалы. Первый валун покачнулся, за ним другой, и через мгновение они посыпались вниз, погребая под собой монстра.

В то же мгновение черные нити распались, и киммериец почувствовал, как силы вновь возвращаются к нему.

* * *

— Зря ты оставил меня здесь, — сказала Корделия. — Возможно, на двоих у него не хватило бы колдовства.

— Пожалуй, — согласился Конан. — Но бросать их тоже нельзя. Это мог быть отвлекающий маневр.

Стефан застрял в расщелине. Герцог пытался пихнуть его сзади, но мешала корзина.

— Я должен знать, что сказал Оракул, — продолжал киммериец. — Герцог вряд ли ответит, значит, придется самому идти в Храм.

— Но разве провидец вправе открывать тайну предсказания другим людям?

— Наверное, нет. Но жрецы думают иначе. Чем громче огласка — тем больше идет паломников. Ты можешь сидеть в Святилище хоть месяц, выслушивая чужие пророчества. Вот почему эта тварь уже ждала нас на горной тропе...

— Голову вперед суй! — приказывал герцог.

Стефан послушно сунул ногами, обсыпая его гравием.

Конан обернулся к расщелине.

— Когда наши друзья освободятся, — произнес он, — скажи им, что я ушел на разведку. Уверен, Альдо будет рад любому предлогу, лишь бы дать отдых ногам.

* * *

Размытые отсветы витражей ложились на бедоснежный пол Храма. В этих неясных тенях можно было, хотя и с большим трудом, различить оставшиеся на стекле фигуры.

Но отчего-то казалось, что нет больше среди них ни победителей, ни низвергнутых в прах. Там, высоко на окне, они торжествовали и плакали; здесь, на холодном полу, им оставались лишь тоска и отчаяние.

Оракул сидел на верхней ступени лестницы, поднимавшейся к алтарю. Его голова была опущена, тонкий палец чертил неясные фигуры средь отблесков витражей.

Конан шагнул вперед.

— Стражники пропустили меня, — сказал он. — Ты знал, что я приду?

— Конечно, — ответил пророк. — Я же Оракул.

Он поднял глаза и посмотрел сквозь Конана.

— Впрочем, мой дар здесь ни при чем. Я сказал герцогу, что лишь ты один можешь спасти его сына. Естественно, тебе захотелось узнать, почему.

Пророк улыбнулся.

— Как видишь, это простая логика. Не обязательно быть провидцем, чтобы знать будущее.

Конан подошел ближе. Он не мог разговаривать с сидящим стоя, и потому опустился на ступеньку рядом с Оракулом.

— Десятки людей ждут у Храма, — произнес он. — Может быть, сотни. Я отнимаю их время.

— Нет, — отвечал провидец. — Мне нужен отважный, как и всем другим. Обычно я просто сижу здесь и смотрю на свет. Мне почти не с кем поговорить — кроме тех, кто пытается заглянуть сквозь меня в будущее, как через дверь. Я рад твоему приходу.

— Сын герцога обречен? — спросил Конан.

— Мир соткан из тысячи случайностей, варвар. Порой человек думает, что перед ним развалка — а на самом деле, это конец пути, и его могильная плита станет дорожным камнем для тех, кто пройдет следом...

Кончик пальца провел по неясным отблескам света.

— Сын герцога Альдо может стать великим воителем. В двадцать шесть лет, он встретится в бою с Багряным Молохом — и умрет. Или одержит верх. В сорок один год, бросит вызов Мертвому Единорогу — и проиграет. Впрочем...

— Даже тогда у него будет шанс победить, — продолжил за Оракула Конан. — Небольшой, но вполне реальный. Иначе опытный воин не выйдет на поле битвы.

— Вижу, ты понял главное, — кивнул предсказатель. — Наша судьба не записана где-то в небесной выси, на божественных скрижалях. Она заключена в нас самих — так же, как в крошечном зернышке таится прообраз большого, гордого дерева. Порою от нас зависит, сумеем ли мы вырасти. Порой — от других людей.

— Сегодня я могу спасти этого ребенка?

— Да.

— Объясни мне, как.
Провидец рассмеялся.

— У тебя чистое сердце, варвар. Может быть, слишком чистое для нашего мира. Ты согласился помочь герцогу — хотя, уверен, он уже походя нанес тебе множество оскорблений. А теперь ты даже не задал мне главного вопроса...

— Какого?

— Стоит ли спасать этого ребенка? Я ведь не сказал тебе, кем он станет. Возможно, сейчас ты приводишь в мир демона, который прольет кровь сотен тысяч невинных. А если вспомнить, каков его отец — вряд ли на яблоне вырастет слива, Конан.

— Я не могу бросить младенца на смерть.

— Браво! Сам я не в силах вмешиваться в судьбы других. Порой я проклинаю этот запрет, наложенный на меня богами. Но чаще всего, я рад, что груз ответственности не лежит на моих плечах.

Он поднялся, и киммериец последовал его примеру.

— Запомни, Конан. Прежде, чем зайдет солнце — сын герцога Альдо умрет, и смерть его будет столь ужасна, что небеса содрогнулись бы — будь в них хоть капля сострадания. Ты можешь спасти его. А как — ты узнаешь сам.

* * *

— Так и сказал? — серые глаза Корделии расширились. — Нет, Конан, лучше бы я пошла.

Этот Проракул станет гораздо любезнее, если увидит, как его кишки вываливаются изо рта.

Киммериец отвечал рассеянно, почти не слушая ее:

— Мне показалось, он хороший человек, Корди. Чем больше ты делаешь добра для других людей — тем яснее видишь свое бессилие помочь всем.

Девушка надулась. Она была уверена, что люди делятся не на хороших и плохих — а на живых и мертвых.

Альдо поднялся с большого серого камня. Герцог пошатнулся — ноги плохо слушались после целого дня, проведенного в пути. Стефан метнулся было к хозяину, чтобы поддержать его, но в последний момент так и не решился.

— Герой с печки бряк, — пробормотала Корделия. — Может, нам на носилках его нести?

— Рыцари Безансона живут в седле, — пояснил киммериец. — Идти пешком для них такой же позор, как для тебя — показаться голой на улице. Дворянская честь...

Корделия в ужасе стала ощупывать талию.

— Почему позор? — страшным шепотом спросила она. — Я что, потолстела?

— Варвар, — голос Альдо утратил самоуверенность, и более походил на кряканье престарелой утки. — Чем закончилась твоя разведка?

Конан не говорил герцогу, где был на самом деле. Краткая ложь лучше путаных объяснений.

— Мы можем продолжать путь, — сказал он. — Но вам лучше передать ребенка Корделии.

Альдо с некоторым сомнением глянул на аквилонку. Меч за спиной и два кинжала на поясе — заботливую няню обычно представляют не так. Пряжка в форме человеческого черепа доверия тоже не внушала.

Однако, подобно многим аристократам, герцог привык свысока относиться к женщинам. Он полагал, что их единственный удел — материнство и домашние хлопоты. Поэтому отдать ребенка на попечение девушки было для него так же естественно, как грубить слугам.

К тому же, он понимал, что скоро начнет спотыкаться, и тогда вряд ли удержит корзину.

— Кормить его нужно три раза в день, — важно сообщил он, передавая младенца — нимало не задумавшись, чем именно и как. Вряд ли он и сам знал.

— Грудью? — мрачно спросила девушка, и Конан понял, что в таком духе Альдо вряд сам ли доживет до вечера.

Брови герцога взметнулись, разве что не подпрыгнув над головой.

— Конечно, — ответил он с глубокой убежденностью человека, который даже отдалено не знает, о чем ведет речь. — Как я вижу, у тебя их целых две.

Сразив девушку столь веским аргументом, он затопал вперед, увязая в гравии.

* * *

Когда мир перестал сверкать и вращаться, Конан увидел вокруг себя просторную залу, наполовину утонувшую в сумраке. Пол был выложен разноцветными плитами. Белый мрамор перемежался здесь с драгоценными камнями, а порой и с костью, вырезанной из черепов великанов и черных драконов.

В мозаике отразилась летопись Ордена Багряного Молоха — его кровавых побед и жестоких преступлений. Среди воинов и чудовищ, боевых колесниц и пылающих замков, — были вплетены рунические символы, защищавшие цитадель и ее владельца.

Прямо напротив Конана стоял высокий трон, вырезанный из проклятого дерева гуатумби. На нем, расправив кожистые крылья, восседал Багряный Молох.

Длинная шипастая шея поднималась почти до самого потолка, и таяла в легком сумраке. У существа не было ни ног, ни рук — лишь тысячи крошечных лапок, словно у многоножки, в два ряда спускавшихся от шеи по брюху.

Крупная голова, едва видимая в полутьме, ощеривалась тремя парами челюстей, над которыми горели пять рубиновых глаз. Чешуйчатый хвост оканчивался венчиком щупалец, словно у актинии, и крошечные молнии искрились между ними.

— Конан из Киммерии, — произнес Молох. — Как же ты попал в мою цитадель? Прополз по

крысиной норе, или тараканы поделились с тобой своими секретами?

Отвечать на издевку — значит напроситься на новую, еще худшую, поэтому Конан благоразумно промолчал.

Багряный усмехнулся.

— Адно, я шучу, варвар. Мне прекрасно известно, как ты здесь появился. Да и тараканов в моем замке никогда не было. Возле Храма Оракула находится магический портал, не так ли? Люди, прошедшие долгий путь пешком и получившие предсказание, наверняка спешат вернуться домой. Одни — чтобы праздновать, другие — в отчаянной попытке обмануть судьбу. И жрецы открывают перед ними астральные врата — за дополнительную плату, конечно.

Он задумчиво покусал кончик крыла.

— Наверное, стоит наложить на замок новое заклинание. Иначе все, кому не лень, станут телепортироваться сюда из Храма или через какой-нибудь другой портал. Правда, пока ты единственный, кому такое пришло в голову. Других устраивают более простые, я бы сказал, обычные способы самоубийства. Веревка, яд, камень на шею — но если ты решил умереть от когтей Молоха, добро пожаловать.

— Ты послал медузу, чтобы убить сына герцога? — спросил Конан.

— Астарот сильно оскорбится, если узнает, как ты его назвал, — заметил Молох. — Впрочем, раз ты здесь, значит, у моего слуги возникли проблемы и посерезнее. Не знаю, может, я воскре-

шу его, — хотя не уверен, что он этого заслуживает... Многоликий хорошо сражался?

— Так себе.

— Тогда пусть гниет.

Багряный взмахнул крылом, отбрасывая в сторону одну тему и переходя к следующей.

— Итак, Конан, ты решил встать на пути судьбы и спасти младенца. Странные вы существа, герои... Помогаете слабым и беззащитным — а разве мы, сильные, не хотим жить так же горячо? Неужели мы меньше заслуживаем счастья, только потому, что способны сами позаботиться о себе, а не приклеиваемся пиявками к первому встречному?

— Ты тянешь время, — сказал Конан. — Думаешь, пока я здесь, твои миньоны успеют убить ребенка. Не надейся — младенец в надежных руках.

— В мире нет ничего надежного, — отмахнулся Багряный Молох. — Кроме смерти, конечно, да только кому она нужна.

* * *

— Почему вы несете сына в аббатство Монлюссон? — спросила Корделия.

— Возможно, герцог к этому моменту слишком устал, чтобы проявлять высокомерие. Или же ему было приятно поговорить о монастыре — мысленно вернувшись в привычный для себя мир, где нет ни злых предсказаний, ни непутевых варваров.

В любом случае, он ответил:

— Тамошние монахи служат богу Марманду, покровителю добра и света.

Корделия не умела слушать, и потому тут же встремляла:

— Я никогда о нем не слышала.

Герцог смерил ее взглядом — так гробовщик снимает мерку с покойника.

— Вряд ли ты вообще слышала о добре и свете. Впрочем, у Марманда немногого последователей. Послушником Монлюссона может стать лишь тот, кто ни разу не согрешил ни делом, ни словом, ни даже мыслью. Их бог улыбается всем, чья душа хрустально чиста.

— А какой прок в душе, если она хрустит? — удивилась Корделия.

Альдо покопался в своей кладези мудрости, но ответа на этот вопрос так и не нашел. Тогда он продолжил:

— Последователям Марманда ведома могущественная магия. Даже высшие демоны и некроманты не в силах победить их. К несчастью, они могут творить волшебство лишь в пределах обители. Поэтому я и несу своего сына к ним.

Корделия хмыкнула.

— Не посадишь же ты парнишку на цепь, чтобы он из аббатства не выходил. Ладно, герцог. Видишь мост? Прямо за ним владения монастыря. Надеюсь, у монахов нет всяких там глупых правил, запрещающих женщинам входить на их землю.

Альдо замер. Он был изумлен так, словно на

торжественном обеде у короля в лицо ему запустили творожный торт. Несколько минут герцог стоял, не двигаясь, потом с немым укором уставился на Корделию.

— Это подвесной мост, — выдавил он наконец.

— Конечно, — кивнула девушка. — Кто же будет строить в горах другой? Ущелье глубокое, прыгнешь вниз — до завтра не долетишь.

— Я не могу здесь перейти.

В голосе герцога было столько упрека, что любого человека загрызла бы совесть. К счастью, у Корделии ее не водилось.

— Не любишь высоту? — спросила она. — Бывает. Знала я одного принца, который боялся замкнутого пространства. Зря, наверное, я заперла его в сундуке — но он ведь сам хотел новых ощущений. Когда...

— Женщина!

Голос Альдо звенел, как цепь дворовой собаки.

— Рыцари Безансона не ходят по подвесным мостам. Если я хотя бы ступлю на него — честь моего рода будет запятнана навсегда. Мне останется лишь совершить ритуальное самоубийство, и завещать все мое имущество церкви.

Последняя мысль ужаснула его гораздо больше, чем первая.

— Чего? — спросила Корделия.

Несколько секунд она рассматривала герцога, ожидая — не вывалится ли у того из уха мозговой червяк, слопавший остатки извилиин. Потом в ее собственной голове что-то щелкнуло.

— Дело в лошадях, верно? — мрачно осведомилась Корделия.

милась аквилонка. — Конь не может идти по подвесному мосту, значит, этот путь только для плебеев.

Не держи девушка в руках корзину — непременно влепила бы Альдо затрещину.

— Так что ж ты не сказал раньше, кентавр недолепленный?

Герцог попробовал посмотреть на нее сверху вниз, поднялся на носки, но все равно не получилось.

— Я не допускал и мысли о том, что ты, женщина, поведешь меня к... к...

Корделия хмыкнула.

— Ладно, — сказала она. — Я отнесу ребенка в аббатство, за ним приглядят монахи. Потом мы с тобой отправимся кружным путем, чтобы обойти ущелье.

Альдо с печалью взглянула на девушку, тщетно пытаясь измерить глубину ее глупости.

— Мой сын — будущий рыцарь Бэзансона, — произнес он. — Пронести его по подвесному мосту? Да лучше бросить младенца сразу в ущелье.

Сказав это, герцог сразу же прикусил язык, — испугавшись, что Корделия вполне может так поступить.

— Ладно, — вновь произнесла девушка.

Она дунула через щеку, отбрасывая с лица прядь роскошных волос.

— Тогда пусть Стефан идет в аббатство и скажет, чтобы готовились к нашему приходу. Нет возражений?

Герцог покачал головой.

— Только я могу отдавать приказы своему оруженосцу.

— Держу пари, именно это ты сейчас и сделаешь, — ласково сказала Корделия.

Альдо не мог испугаться женщины, тем более, с ребенком на руках. По крайней мере, он так думал. Поэтому следующий его поступок был продиктован, без сомнения, великой мудростью рыцаря Бэзансона, а вовсе не страхом.

— Беги в монастырь, кретин, — милостиво разрешил он.

Стефан перелетел через мост, словно вообще его на касался. На другой стороне ущелья он отвесил хозяину низкий поклон — который показался герцогу уж слишком глумливым — и, уже не торопясь, зашагал по тропе к монастырю.

* * *

— Ты понимаешь, как долго нам придется идти? — мрачно спросила девушка. — В детстве я мечтала, что однажды встречу прекрасного принца и он на мне женится. Но после встречи с тобой я рада, что этого не произошло.

Герцог окрысился.

— Такую, как ты, даже водонос к алтарю не поведет, — отрезал он.

Корделия собралась сразить его, быстро сочинив длинный список королей и богов, предложивших ей руку, сердце и прочие части тела.

В ее голове даже забрезжил рассказ о том, как повелитель грома и некромант — имя которому

она еще не придумала — сражались из-за нее на дуэли.

Однако судьба хранила смелого и благородного герцога, избавив его от этой крайне занимательной саги.

На горной тропе показались пятеро воинов. На их доспехах сверкало изображение львиной головы, с бычьими рогами — герб Ордена Багряного Молоха.

Каждый из них держал в руках длинную булаву, с рукоятью из дерева гуатумби, и стальным наконечником с перьями — острыми ромбовидными выступами по бокам.

— Пришел просить помощи у монахов, герцог? — спросил один из ратников.

По всей видимости, он был среди них главным. На нем сверкал полный пластинчатый доспех, выкованный умелым кузнецом-гномом. Такие латы очень тяжелы, обычно их надевают лишь конники. Но черное колдовство делает стальной панцирь почти невесомым.

Его товарищи носили броню попроще. Впрочем, заметить разницу мог только взгляд опытного воина.

— Бог помогает лишь тем, у кого есть деньги, — продолжал командир. — А у тебя, я слышал, имение дважды перезаложено. Только и осталось, что рыцарская гордость.

Герцог постарался вернуть себе былую надменность. Но спесь потихоньку высыпалась из него во время долгого пути, подобно муке из разорванного мешка.

— Мой герб, — начал было он.

Корделия жестоко обругала себя за то, что не посмотрела в кошель. Тоже мне, купилась на звонкий титул! Небось, медяков напихал, впремешку с камнями.

— Честь не в честь, когда нечего есть, — усмехнулся воин. — А своего варвара что, потерял по дороге?

Альдо приосанился и вытянул шею, став при этом похож на ощипанную курицу.

Воин нахмурился, не дав ему ответить.

— Хватит болтать, старики. Отдай нам ребенка, или сам удави его подушкой, как там велят твои законы чести. Нам все равно. Сам можешь уходить, до тебя нам нет дела.

Герцогу выглядел где-то на сорок. Но в двадцать три тебе кажутся старики все, кто прожил больше тебя.

— Наглый юнец, — пробормотал Альдо, шагнул вперед и тут же споткнулся.

Девушка заставила его опуститься на камень, всунув в руки корзину.

— Расскажи-ка ему сказку, — посоветовала она.

— Люблю рыцарей Безансона, — сообщил воин. — Сбрось с коня, и они словно перевернутые жуки. Остается лишь давить сапогом. А ты-то, девка, куда, ну куда прешься? В сторонке пока постой — а потом, может быть, я покажу тебе, что такое настоящий мужчина.

Произнося эти слова, он не спеша подходил к Корделии — по всей видимости, намереваясь

просто отодвинуть девушку, словно свисающую на дорогу ветку.

Внезапно воин вскрикнул — кратко и жалобно, — и медленно рухнул на колени.

Гномий доспех почти полностью закрывал тело. Однако там, где сходились поножи и нагрудник, оставались щели — иначе латник не смог бы ходить.

Кинжал Корделии погрузился в одну из них по самую рукоять.

— Так что ты хотел мне показать? — спросила она.

Теперь человек стоял перед ней на коленях. Девушка резким движением подняла его забрало, и всадила второй кинжал в глаз.

Расправа была быстрой и безжалостной. Четверо служителей Молоха, оставшиеся у поворота тропы, могли лишь беспомощно смотреть, как умирает их командир.

Теперь они бросились в бой.

Аквилонка с презрением отбросила в сторону мертвое тело и, вытащив меч, встала на их пути, закрывая ребенку.

Она приняла боевую стойку — четко, не задумываясь, как их учили в школе для гладиаторов. Любой наставник мог быть доволен ею. Многие даже привели бы Корделию в пример своим ученикам.

Служители Молоха тоже хорошо знали эту тактику. Двое из них стали заходить с флангов, третий замедлил бег — давая возможность своим товарищам зажать девушку в клещи.

Корделия была лучшей в школе гладиаторов — до того, конечно, как ее оттуда не выгнали. После этого она бросила вызов всем наставникам, и убила их одного за другим, на городской арене.

— Молох гордится нами! — крикнул воин, замахнувшись булавой.

Девушка перехватила оружие, уходя от удара в сторону. Словно в танце, она развернула своего противника, закрывшись им, как щитом, от остальных нападавших.

Меч аквилонки вошел в нагрудный доспех, как в масло. Заговоренная сталь всегда берет верх над обычной. Клинок вышел из спины воина, высоко между лопаток. Горячая кровь струей текла по холодному металлу.

Второй служитель Багряного замер, подняв оружие. Он ждал, что девушка отбросит поверженного воина, и примет бой с остальными.

Корделия шагнула вперед, прикрываясь мертвым телом. Потом со всей силы надавила на меч. Двуручник вошел в тело по самую рукоятку. Кончик клинка, словно язык змеи, выстрелил из окровавленной спины латника и вонзился в шею его товарища.

Два мертвых тела рухнули на тропу, пронзенные одним мечом.

— Молох вас всех презирает, — бросила аквилонка.

Безумием было пытаться освободить оружие. Но в левой руке девушка по-прежнему сжимала булаву, отнятую у побежденного ратника.

Она со всей силы ударила ею ближайшего бойца в грудь.

Орудовать дубиной — искусство. Можно сломать человеку кости, раскрошить его внутренние органы, — и при этом даже не помять доспехи.

Корделия владела этим навыком в совершенстве.

Воин замер, почувствовав, как ад взорвался внутри него. Грудина треснула, осколок ребра насквозь пропорол сердце. Кровь заклубилась в легких, темной волной полилась из горла.

Он упал. Его тело вздрогивало еще несколько секунд.

Остался пятый. Но когда девушка взглянула в его сторону — то увидела герцога Альдо, стоявшего с обнаженным мечом над телом поверженного врага.

— Пешему несподручно, — пробормотал он смущенно, и в его тоне девушка услышала извинение.

Корзина с ребенком стояла на плоском валуне.

— Оракул не помогает чёрным магам и некромантам, — произнес Багряный Молох. — Поэтому путь в его Храм для меня закрыт. Я не могу спросить провидца о своем будущем.

— Но этот запрет не относится к твоим слугам, верно?

Голова монстра медленно опустилась в кивке.

— Мне рассказывают обо всех предсказаниях,

которые могут иметь для меня хоть какой-нибудь интерес. Небольшой слух, тонкий намек — и вот я уже одерживаю победу там, где все остальные давно сдались. Когда я узнал, что какой-то младенец собирается убить меня через двадцать шесть лет — конечно, я не мог оставаться в стороне.

— И ты знал, что только сегодня у тебя будет шанс расправиться с ним?

— Поэтому я спешу. Конечно, здравый смысл подсказывает, что это недопо. Отчего не прикончить ребенка завтра, через два месяца? Что изменится? Но я привык доверять Оракулу. Провидец сильно бы удивился, узнав, сколько неоценимых услуг уже оказал мне и моему Ордену. Впрочем, он должен это понимать — он же провидец. Или нет?

— Оставь ребенка в покое, — произнес Конан. — Я не хочу сражаться с тобой. Нам нечего делить.

— Нечего? — удивился Молох. — Речь идет о моей жизни — ты не находишь, что о такой малости все-таки стоит побеспокоиться? Ты не нападаешь, пытаешься договориться со мной — прекрасно, я могу понять твою осторожность. Впрочем, никакого сражения и не будет — я просто прикончу тебя, когда придет время.

— Чего же ты ждешь?

— Ответ тебе хорошо известен. Жрецы Оракула не просто открывают для паломников астральный портал. Каждый пилигрим — за дополнительную плату, конечно, — получает Орб Воз-

вращения. С его помощью можно вернуться в Храм, и получить новое предсказание — на сей раз, минуя долгий, утомительный путь. У тебя он с собою, варвар. Если я нападу на тебя — ты сбежишь. Не назову это трусостью — ибо у тебя нет шансов. Но я не хочу, чтобы ты вернулся на помочь герцогу раньше времени...

Конан слышал, как мерно тикают настенные часы. По всей видимости, они висели в дальней части залы, и глаза киммерийца не могли их рассмотреть. Зрение Молоха было во сто крат острее человеческих. Он хмыкнул и произнес:

— Думаю, уже достаточно. Младенец мертв. Герцог и твоя подружка, возможно, живы — если у них хватило ума вовремя сдаться. Коли нет — у горных троллей будет сегодня пир. Сами они не убивают людей, но не могут пройти мимо свежих трупов... Убегай, варвар. Возможно, ты еще успеешь похоронить своих друзей.

Конан обнажил меч.

— Один поступок стоит тысячи слов, — усмехнулся Молох. — Ну что же. В твоем выборе есть своя логика. Умирать все равно придется — так лучше погибнуть от моих когтей. Это почетней.

Он наклонил шею.

— Прежде, чем мы начнем, скажи мне — ты когда-нибудь слышал о Мертвом Единороге? Нет? Я тоже. Скорее всего, эта тварь еще не родилась на свет. Как знать, может, мне предстоит сразиться и с ним...

Длинное тело Молоха изогнулось, кожистые крылья, увенчанные когтями, пришли в движение.

Он легко взмыл в воздух, невесомый и грациозный, как бабочка.

Конан понял, что недооценил размеры замка.

Мало кто бывал в Багряной цитадели — и еще меньше нашлось бы тех, кто смог выйти из нее. Даже доверенные члены Ордена редко переступали ее порог.

Только теперь киммериец осознал, что потолок находится неизмеримо далеко. Он уже не мог рассмотреть Молоха, бесшумно скользившего где-то над головой.

— Прости, что не убью тебя сразу, — прозвучал голос, и казалось, будто с Конаном разговаривает не крылатая тварь, а один из небесных богов. — Я давно не убивал здесь людей. Мне надо пристреляться.

Конан стоял, широко расставив ноги, крепко сжав меч — но что он мог сделать против врага, которого даже не видел?

Огненный шар обрушился на мраморные плиты, вздымая осколки мрамора и драгоценных камней.

— Сколько хлопот с тобой, варвар, — произнес Молох. — Потом придется все ремонтировать. Кстати, я согнал...

Конан покатился по холодному полу. Острые осколки впивались в его тело, шипящие капли огня обжигали кожу. Второй шар начертил на мраморе черный уродливый круг.

— Когда ты попал сюда, я начал творить заклинание. На это потребовалось время, и мне пришлось занимать тебя светской болтовней. Тебя

перь ты не сможешь воспользоваться Орбом Возвращения.

Волна кипящего воздуха окатила Конана. Стало нечем дышать, он скрчился, хватаясь за горло.

— Я не хочу, чтобы все решили, будто мой дом — это проходной двор, — продолжал Молох. — Полагаю, ты поймешь. Впрочем, нет — у тебя же никогда не было своего дома...

Тот, кто вступает в бой, должен быть готов к поражению. Конан никогда не думал, будто он бессмертен или непобедим. Он не хотел умирать, но знал — однажды пробьет час и для него.

Может, сегодня?

Киммериец чувствовал — еще немного, и сознание покинет его, чтобы никогда не вернуться. Нужен последний, решающий рывок — но где взять на него сил?

И вдруг, в сознании Конана вновь прозвучали слова Оракула:

— Ты можешь спасти сына герцога.

Значит, шанс есть! Провидец ни разу не ошибался. И этой мысли, бодрящей, как глоток морозного воздуха — оказалось достаточно.

Конан перекатился по полу, оказавшись под резным троном. Сверху раздался голос:

— Спрятался? Я был прав, когда назвал тебя тараканом. Но ни одна щель не спасет от очищающего огня...

Серая тень легла на мрамор — Молох снижался. Пламенный шар пронесся по мозаичным плитам. В последний момент, Конану удалось выскочить из-под гигантского кресла.

Багряный Молох низко завис над каменным полом, изредка взмахивая крыльями. Высоко подняв меч, киммериец устремился к нему.

С торжествующим смехом, тварь вновь взмыла к полотку, прячась в неясных тенях. Но кончик ее хвоста, покрытый холодной чешуей, уже был зажат в руке Конана.

Ядовитые щупальца впились в кожу, но он лишил стискивал зубы. Монстр рванулся, пытаясь отряхнуть с себя человека — и варвар, покорный его движению, полетел вниз, а потом опять устремился вверх, превратившись в живой маятник.

На мгновение он оказался перед лицом чудовища. Северянин вонзил меч в шею твари, и тут же рухнул. Несколько долгих секунд он спрашивал себя — во что превратится его тело, ударившись о каменный пол. Но Молох еще не успел взлететь слишком высоко, и боль от падения возвестила Конану, что он еще жив.

Киммериец поднялся, и в этот момент силы оставили Багряного. Его тело бессильно изогнулось в воздухе, и устремилось вниз.

Теперь он был похож на мертвую бабочку.

Конан осторожно вынул Орб Возвращения, и, встряхнув его, убедился, что магический предмет снова работает. Киммериец встряхнул его и долго смотрел, как в глубине шара вспыхивают и гаснут далекие огоньки.

* * *

— Значит, Оракул ошибся?

Корделия заботливо покачивала ребенка в корзине. Герцог Альдо, опираясь на сучковатую палку, ковылял позади.

— Не знаю, — ответил Конан. — Людям нравится думать, будто в их несчастьях виновны боги, демоны или чудовища, вроде Багряного Молоха. Но войны начинаются из-за нас, а не по вине колдовства. Убей одного тирана — на его месте появится другой. Но научи людей быть свободными — и ни один деспот не сможет ими помыкать. Беда в том, что человек не хочет учиться этому...

— Значит, через двадцать шесть лет юный Альдо встретит другого монстра? Дракона, виверну или циклопа — а в остальном, пророчество сбудется?

— Думаю, так и произойдет. Предсказания редко сбываются так, как мы этого ждем.

Он бросил взгляд в сторону горизонта.

— Скоро закат, Корделия, и наша работа будет выполнена.

Эти слова напомнили девушке, что ей так и не представился случай проверить кошель. Однако сделать это, держа на руках корзину, было не просто, и аквилонка решила не торопиться.

Да и какой смысл торговаться о цене, когда услуга уже оказана?

Высокий старец с длинной белой бородой стоял у горного склона, окруженный тремя монахами.

— Послушники Монлюсона, — пояснила де-

вушка. — Конан. Почему у всех добрых мудрецов должна быть седая метелка на подбородке? Встретить бы хоть одного с длинными черными усами.

Киммериец ответил:

— Люди мыслят шаблонно, Корди. Они уверены, что именно так и должен выглядеть праведник. Иначе не примут его всерьез... Доброго вам вечера, святой отец.

Аббат принял из рук девушки корзину, и Конану показалось, что ребенок был весьма недоволен такой переменой. Впрочем, младенца никто не спрашивал.

— Добро пожаловать на землю обители! — сказал настоятель, когда знакомство было окончено.

Киммериец честно пытался запомнить имена всех монахов, но ему пришлось признать, что проще еще раз сразиться с Багряным Молохом.

— Теперь вашему сыну ничто не угрожает, герцог, — продолжал аббат. — Здесь вы в полной безопасности.

Крик ужаса вырвался из груди Альдо.

Воины, с гербом Багряного Молоха груди, появились на горной тропе. Их были сотни.

Впереди шествовал высокий шемит в леопардовой накидке поверх доспеха. Свой шлем он держал в руках.

Взгляд герцога устремился к далекому горизонту. Альдийский диск солнца купался в кровавых лучах.

— Мой сын умрет сегодня... — прошептал он.

— Прочь! — закричал аббат. — Не смейте осквернять землю Монлюссона.

Шемит бесцеремонно оттолкнул его.

— Мне нет дела до тебя, старик, — сказал он. — Я пришел за ним.

Рука в латной перчатке устремилась к Конану.

— Я должен отвести тебя в Багряную цитадель.

〔註〕此句引自《新約全書》：「我就是道路、真理、生命。」

— Зачем? — спросил Конан.

Шемит недоуменно поглядел на него.
— Ты побаща нашего господина... — прошептал

— Ты победил нашего господина, — произнес он. — И теперь займешь место Молоха.

В его голосе прозвучало сомнение.

— Конечно, прежний хозяин покрашь тебя был. Да и крыльев у тебя нет, летать не умеешь. Но ничего — выбирать не приходится. Пойдемте, господин, нам еще девственниц в жертву приносить.

Конан встряхнул головой, пытаясь прийти в себя.

— Значит, теперь я — глава Ордена? — спросил он.

— Еще и тупой, — пробормотал шемит. — Ох, и нахлебаемся мы с ним. Ну конечно — я же только что объяснил.

Киммериец помешкал.
— Тогда слушай. Отныне никаких жертв, войн и кровопролитий. С этого дня Орден творит только добро, под руководством монахов Монлюссона. Понятно?

Шемит почесал за ухом.

— Добрые дела? — спросил он. — Глупо как-то. Ну ладно — приказ есть приказ. А в Багряной цитадели что, приют для бедных устроить? Эх...

Конан и Корделия наблюдали за тем, как герцог, аббат и его спутники направляются к монастырю. Воины Молоха исчезли, только шемит сопровождал настоятеля, время от времени записывая указания в свиток.

— Теперь малышу нечего бояться, — сказал киммериец. — Монахи защитят его и помогут служителям Ордена начать новую жизнь. Все-таки приятно, что мы можем изменить свою судьбу, верно, Корди?

— Да, — согласилась девушка. — А ведь еще и солнце не зашло.

Отсюда, с вершины скалы, долина, простершаяся под ними, казалась бескрайней.

Серая башня

громный город тонул во мгле. Медная половинка луны то и дело скрывалась за облаками, и тусклый свет скользил по крышам, не достигая дна улиц. Кауфальные дворца претяжно выкрикивали ритуальные угрозы притаившимся во тьме злоумышленникам.

Глаза четырехликой богини Шеват, обращенной лицами на четыре стороны света, оставались мертвые и холодны. Только над колодцем преисподней, в стену которого упирался вершиной треугольник базарной площади, поднималось красноватое сияние.

Наступал час божественной прихоти. В такое время улицы обычно пустели, и никто из приличных, законопослушных горожан не осмеливался высунуть носа из дома.

Улицы отдавались во власть воров, убийц, низших, безумцев и глупцов. С этими отбросами че-

ловеческого общества за господство на улицах соревновались вечно голодные псы, крысы и существа неизвестной природы; никто не видел их во плоти, но все могли наблюдать оставленные ими следы — изуродованные трупы с глубокими ранами, высосанной кровью, переломанными костями. Иные мертвецы выглядели так, словно на них посидел сон.

Человек, выскользнувший во тьму из караван-сарай, что располагался у восточных ворот, был не похож ни на кого из обычных «ночных господ».

Платье его выглядело неброско, но добротно; чувствовалось, что оно не было украдено, куплено на воровском базаре или снято с мертвеца. Нет, портные шили эту одежду точно по мерке, снятой именно с этого человека.

Держался он уверенно и шел легкой походкой человека, знающего, как обращаться со своим телом. Он обогнул дворец повелительницы; не таясь и не обращая внимания на несколько пар глаз, глядевших на него, затем свернул на диагональную улицу, ведущую к северной части города, а потом сделал еще один поворот — и вскоре остановился возле массивных ворот.

Тьма не смущила его, и он легко обнаружил дверцу в воротах и потайное сигнальное устройство, скрытое в пасти сторожевого чудовища.

В дверце бесшумно открылось освещенное окошечко, и в него высунулось лицо привратника, не выражавшее ничего, кроме презрения. Он буравил глазами пришедшего довольно долго,

прежде чем сумел преодолеть отвращение и раскрыть рот.

— Чего нужно? — спросил он.

— Дело касается золота, — сказал пришедший. — Большой груды золота. — Он протянул к носу привратника руку и на несколько мгновений раскрыл ладонь — на ней лежали пятьдесят небольших самородков, похожих по форме на маленькие черепа.

Глаза привратника алчно загорелись. Скрипнули засовы, и привратник посторонился, пропуская человека.

— Простите, — сказал он: — Я принял вас за нищего или какого-нибудь бродячего безумца. В последнее время их, знаете ли, столько развелось... — Привратник осекся, заметив, что выражение лица незнакомца сильно изменилось, как только он вошел. И это изменение явно было не в пользу привратника. — Впрочем, — добавил привратник поспешно, — это все из-за темноты. Луна в ущербе, а небо в наших местах тусклое, звезды не пробиваются в воздухе.

— Я хотел бы видеть господина Валлара, — заявил пришедший. — Передайте ему, что его спрашивает Ривал из Саламина. Надеюсь, больше недоразумений не будет.

— Ну что вы, господин Ривал! — воскликнул привратник и усадил дорогого гостя на скамью в приемном зале. — Я тотчас вернусь с хозяином!

Он удалился с ревностью галопирующей лошади и поскакал на верхний этаж по широкой лестнице, огражденной резными парapетами.

Ривал принялся осматривать зал. В середине имелся бездействующий фонтан восьмиугольной формы. Вода должна была выливаться из ртов клубка змей в центре.

Над фонтаном висела тяжелая люстра на множество свечей, горели только несколько — хозяин не тратился понапрасну.

— Ривал! — послышался знакомый голос.

Ривал поднял голову и увидел тучного человека с желтым одутловатым лицом.

— Валлар, собственной персоной! На этот раз ты не заставил себя ждать, — сказал Ривал.

— Я так рад нашей встрече, дорогой Ривал! — кричал Валлар, спускаясь, — Я весь сгораю от нетерпения, желая поскорее услышать о твоих приключениях! И даже бросил на середине фразы свое послание к царю Гермотиму! Стило само выпало из моих рук, едва я услышал, что ты здесь! — Валлар шел, раскрыв объятия, как филин, пикирующий на мышь.

— В прошлый раз, когда ты тоже сочинял письмо, ты был менее любезен, — заметил Ривал.

— К чему вспоминать прошлое! — Валлар обнял гостя и прижался к его щеке. От Валлара несло дешевым вином, соленой рыбой и какими-то душными цветами. — Люди меняются! Ни один не способен вечно оставаться одним и тем же!

— Ты прав, Валлар. Полагаю, ты изменился.

— Ну вот видишь! Ты всегда понимал меня лучше меня самого!

— Да, ты изменился, — задумчиво повторил Ривал. — Но я не уверен, в какую сторону. Лю-

бой человек всегда имеет по крайней мере две возможности — и часто он выбирает худшую.

— О, Ривал! — Валлар отстранился, разглядывая лицо гостя и пытаясь уловить, куда он клонит и что хочет сказать на самом деле. — Я чувствую, ты обижен на меня. Твоими драгоценными устами говорит обида — боюсь, ты больше не любишь меня!

— Я устал и хочу есть, — сказал Ривал.

— Да, да, конечно! Арбихал! — Валлар хлопнул в ладоши.

Появился темнокожий повар с черными выющиеся волосами. Он выглядел как статуя из эбонита. Лицо его было благородным и вместе с тем диким.

Он приветствовал Валлара всего лишь кивком головы, тогда как господину полагался поясной поклон.

Ривал усмехнулся, зная характер Валлара и догадываясь, какие могут в действительности быть отношения между слугой и господином.

— Арбихал, я хотел бы вкусить того же, что было на ужин. Сделай немедленно! Этот гость — драгоценнейший гость! Я буду тебе очень признателен, если ты исполнишь мое повеление, не заставив долго ждать.

— Хорошо, господин, — сказал чернокожий, не отрывая взгляда от лица Ривала.

— Да, да, — подтвердил Ривал. — Не сомневайся. Я — самый драгоценнейший из гостей! Валлар любит меня, больше чем собственного брата!

— Но у него нет брата, — угрюмо заметил Арбихал.

— Именно это я и хочу сказать! — заявил Ривал.

— Я во всем доверяю своему повару, — молвил Валлар и взял Ривала за плечо. — Идем, для нас все приготовят. Не изволь беспокоиться. Все будет самое лучшее. Все, что ты любишь. Ты наверняка проголодался в дороге, и у тебя сейчас львиный аппетит!

— Ну, конечно, Валлар, я ведь уже говорил об этом.

Валлар развернул гостя лицом к лестнице и увлек его наверх.

На втором этаже было светлее. Курились благовония, горели масляные светильники. Лежали толстые ковры. Входы в комнаты завешивались тяжелой плотной тканью, несколько комнат имели двери — сейчас они были закрыты.

Одна из занавесей раздвинулась, когда Валлар с гостем проходили мимо, и оттуда высунулась девочка лет десяти. Одежды на девочке не было.

— Господин, вы вернетесь? — спросила она.

— Цыц! — прикрикнул Валлар, и девочка скрылась за занавесью. — Покоя не дают, — пояснил он, обернувшись к Ривалу, но в глазах его читалось совсем другое.

Гостиная была круглой, завершаясь куполом с отверстием, в которое проникал свет. Прозрачное стекло закрывало отверстие, и по комнате разливался мутный свет ночи, дополнявшийся лампами с ароматными свечами, закрытыми тонкими бамбуковыми листьями.

Хозяин и гость улеглись напротив друг друга. Слуги и служанки внесли блюда с яствами. В основном подавалось сладкое — конфеты, сладкие пирожки, засахаренные фрукты, орехи, халва пяти видов, гестяные трубочки с густым сиропом, но было и особого приготовления мясо, издававшее сильный запах, от которого разыгрывался аппетит.

— И вино ради гостя! — приказал Валлар.

Ривал начал с мяса, не в силах удержаться. Валлар с усмешкой смотрел на него, лениво обкусывая с кисти крупные белые виноградины. Сок стекал по его лоснящемуся подбородку.

Принесли вино в красных глиняных кувшинах с изображениями птиц. Поставили целый набор разного объема, формы и узора серебряных кубков.

Ривал пользоваться кубками не стал. Схватил кувшин и опрокинул в себя его содержимое, опустошив за один прием. Валлар жестом отоспал прислугу.

— Мне нравится твоя пища, Валлар, — сказал Ривал. — Ты щедр, как никогда раньше. Ты щедр, как отец наш Солнце, дарящее свой животворящий свет всем существам, которые могут его видеть!

— О да, с тех пор, как мы расстались, я стал гораздо умнее!

— Это хорошо. — Глаза Ривала сузились и стали колючими, как шипы черного дерева.

Валлар взглянул на Ривала и побледнел.

— О, брат мой, возлюбленный брат мой, неу-

жели в тебе все еще горит обида, которую я нанес тебе по неразумию своему? Неужели ты все еще не простил меня?

— Я рад, что ты, наконец, признал меня братом! — сказал Ривал. — Если ты действительно поумнел, то должен понимать, каково пришлось мне в эти двенадцать лет, которые, по твоей милости, я провел вдали от дома, кормя своим потом и кровью насекомых, сражаясь с гнусными тварями извне и внутри себя, стараясь поладить с рабами, большинство из которых уже не признавало меня за господина и не убивало меня только потому, что я знал дорогу обратно!

* * *

Звезды все еще мерцали в небосклоне, но луна уже спрятала за горизонтом свою наполовину закрытое вуалью лицо, предвещая скорый рассвет. Солнце показало над горами сияющую корону и бросило на ледники несколько ярких лучей. Белые головы гор вспыхнули, словно огонь в масляном светильнике.

Внизу, у подножия гор, в излучине реки, как раз на самом узком месте торгового пути с запада на восток, стоял город. Его каменная часть имела форму двух пересекающихся квадратов, повернутых относительно друг друга на четверть оборота. В самом центре находилось сердце города — храм четырехликой богини Щеват, которая смотрела во все стороны света.

Под боком каменного города, окружённого

полосой белого, ослепительно сияющего песка, лепились строения попроще. Через песчаную полосу в город вели три моста — северный, восточный и южный.

Ворота со стороны реки были открыты. Многочисленная толпа вливалась в город, сполна оплачивая пошлину. Среди пришедших находились и недовольные, но с ними успешно разбиралась стража. Вопли людей, вздумавших протестовать против поборов, захлебывались быстро — и в целом обстановка оставалась спокойной, как у хорошего пастыря на пастбище.

Толпа дружно двигалась. Неподвижен оставался только один человек. Словно остров посреди океана, возвышался он. Люди огибали его, как волны. Он был на голову выше всех. Грубый плащ из верблюжьей шерсти он держал на руке. Спутанные волосы бережно хранили следы ночевок под открытым воздухом: лепестки, травинки, мелкие листья и хвою. Плечи человек держал широко развернутыми — чувствовалось, что он не привык перед кем-либо сгибаться. Синие глаза его с любопытством смотрели на четырехгранную башню храма Шеват, торчавшую над городом. На южное лицо Шеват набегали быстрые тени облаков. Казалось, богиня улыбается. Молодой человек принял улыбаться ей в ответ..

Он стоял на мосту прочно и собирался улыбаться еще долго, но его грубо прервали. На мосту появился богато изукрашенный паланкин пурпурного цвета. Носильщики были одеты в черные набедренные повязки. Четыре телохрани-

теля в блестящем позолоченном вооружении, с плюмажами на шлемах, шагали рядом с паланкином, грозно покрививая на прохожих:

— Дорогу, вельможному господину! Освободите дорогу, дурачье!

Когда паланкин оказался возле черноволосого молодого человека, улыбавшегося богине, из-за занавески высунулась холеная, белая рука с перстнями на каждом пальце, кроме большого, и подала знак остановиться.

— Ты что здесь делаешь, собачья моча? — с нескрываемым презрением в голосе обратился к юноше вельможа, высунув свою лисью мордочку из паланкина.

— Не твое дело, блевотина осла, — в тон отозвался бродяга.

Вельможу от ужаса отшатнуло внутрь паланкина. Некоторое время понадобилось ему, чтобы понять как его называли, и тогда он разразился жутким воплем:

— Убейте скотину!

Из паланкина при этом он не высунулся и потому не увидел, что молодой человек сбросил с руки плащ. Открылся сверкающий меч, из драгоценной голубой стали, секрет изготовления которой был утрачен не меньше тысячи лет назад.

— Убейте скотину! — повторил вельможа, но телохранителей, однако, поразила временная тугоухость. Они ничего не услышали и уставились на бродягу с нескрываемым уважением. Особенное впечатлило их его оружие.

Лисья мордочка показалась вновь, интересу-

ясь, почему снаружи тихо и не слышно звона стали. Увидев мило и открыто улыбающегося юношу и его меч, вельможа преобразился. Рот благородного господина широко открылся, как будто он собрался заглотить всех мух в округе, а глаза округлились.

— Домой! — неожиданно приказал вельможа, и это предписание было выполнено с лихостью и достойным усердием. Носильщики рванули с места так быстро, что голова вельможи с пустым звуком ударила о заднюю стенку паланкина.

Стражники, собиравшие мостовую и въездную пошлину, видели, что произошло перед воротами. Они весело посмеялись и пропустили бесплатно несколько прошмыгнувших мимо бедно одетых людей.

Десятник остановил синеглазого молодого человека.

— Кто ты? — спросил десятник.

— Конан, — ответил молодой человек. Меч снова был накрыт верблюжьим плащом.

— Хочешь к нам на службу? Место доходное, а ты парень видный, не пожалеешь.

Парень окинул взглядом остальных стражников. Он и сам видел, что вряд ли кто из воинов сравнится с ним. В принципе Конан был не против, но соглашаться сразу — не в его правилах.

— Я подумаю, — сказал он, протягивая десятнику маленькую серебряную монету квадратной формы с дырой посередине.

— Проходи, проходи, парень, — добродушно улыбнулся десятник, отводя руку, и нарочито

отвернулся в другую сторону, к какому-то торговцу с навьюченным сверх меры ослом. — А ты зачем мучаешь животное, изверг?!

Другие стражи тоже демонстративно перестали обращать внимание на Конана. Он пожал плечами и убрал монету.

— Дело ваше, — молвил он и вошел в город.

Квартал, густо застроенный постоянными дворами, встретил Конана неприветливо. Гости в городе преимущественно были торговые, жизнь на постоянных дворах стоила дорого, и всякий сброд здесь не задерживался.

Заглянув в питейное заведение, где последних денег хватило только на небольшую кружку пива, не отличающегося особым качеством, Конан расспросил неприветливого слугу с рябым лицом о пути к базару. Слуга удивился, посмеялся, думая, что небогатый господин шутит, но Конану все же удалось показать искренность своего вопроса, и слуга, глупо прихмыкивая, подробно расписал дорогу.

Не удержавшись, он добавил, что базар нынче стал не тот. Люди не устраивают теперь грандиозных попоек, измельчал народ, да и товары в основном все больше мелочь, не стоящая того, что за нее просят.

Настоящие вещи давно осели в домах здешней знати, которая не вылезает из трех целебных источников и прожила уже намного дольше поло-

женного нормальным людям срока, а нормальные люди должны за это платить...

Конан захотел подробнее расспросить слугу, но тут прислужника окликнул другой посетитель... А потом пиво в кружке кончилось и киммериец вынужден был уйти.

Базарная площадь гудела, как улей. Люди копошились на ней разноцветной массой. Звучали тысячи разных голосов, поднимались тысячи разных запахов. Человеческое море бурлило, волновалось. В некоторых местах образовывались настоящие водовороты, которые постепенно рассасывались — но только для того, чтобы появиться в другом месте. Не было ни клочка спокойствия в этом безумном месте. Люди словно теряли здесь остатки разума и превращались в частички единого организма, бессмысленно двигающегося существа с тысячами ртов, которые пытались одновременно что-то сообщить друг другу.

Ослы и собаки не добавляли порядка в это столпотворение. Беловато-голубое небо стало казаться серым от поднимающейся с площади пыли. Рев торговцев смешивался с ревом выночных животных.

Конан остановился возле невольничьего рынка, где на помост вывели юную негритянку, закутанную в ветхий грубый плащ неопределенного цвета. Она держалась гордо, как благороднорожденная. Продавец подскочил к ней и сорвал с нее плащ, оставив обнаженной.

По рынку пролетел шепот восхищения. На лице девушки не дрогнул ни один мускул. Она

была так замечательно сложена, что нагота нисколько не унижает ее: Темная кожа ее будто бы мерцала.

— Сто сиклей! — начался торг.

Помощник продавца взмахнул в воздухе чем-то вроде деревянного цепа, бруски ударились друг о друга и раздался звонкий хлопок.

— Сто сиклей за эту прекрасную девушку, которая может послужить украшением любой спальни, которая уместна на любом пиру, которая восхитительна, как сама ночь, и страстна, как лунная дева! Сто сиклей за такое чудо — это же смешно! Я не буду ее продавать! О, неужели глаза меня не обманывают? Вы хотите умножить это число на два?! Я правильно вас понял, господин в одежде цвета горного ледника, устремленного ввысь? Это похвально с вашей стороны! Я восхищаюсь вами, вы — истинный ценитель красоты. Но что я вижу? Нашелся еще один ценитель, и он предлагает вдвое больше, чем вы! О, переменчивость судьбы!..

Конан хотел бы взять эту девушку себе. Она ему понравилась. Но денег у него не было. Да даже если бы они и были, он не стал бы тратить их на покупку рабыни, с которой потом неизвестно, что делать. Не станет же он тащить ее за собой на край света? А бросить такую дорогую покупку будет жалко.

Конан отвернулся и столкнулся взглядом с толпой нищих мальчишек, вооруженных палками и камнями, которые зачарованно смотрели на его руку под плащом.

— Дядька, покажи меч! — закричал один из мальчишек.

— Это оружие не для сорванцов! — отрезал Конан и двинулся дальше, не обращая на толпу юных любителей древностей никакого внимания.

Он пересек базарную площадь, направляясь к вонзающейся в небо четырехгранной башне Шеват. Площадь, имевшая треугольную форму, со всех сторон ограничивалась высокими стенами с полукруглыми проходами. Всего их было шесть, как успел заметить киммериец. Все в этом странном городе было построено по строгим законам геометрии, как будто для того, чтобы еще ярче подчеркнуть человеческое безумие и царящий среди толпы беспорядок.

Конан вошел в проход, который вел к храму. Проход упирался в угол, рассекающий дорогу на две улицы. Люди разделялись на два потока — приблизительно одинаковые по численности. Киммериец наугад выбрал северное направление и через несколько десятков шагов увидел, что люди входят в маленькие ворота.

За ними располагалась площадь, находящаяся непосредственно перед храмом. От храма по диагонали расходились двухэтажные пристройки. Сам храм был обернут к площади западной стороной, и суровый лик Шеват взирал на прихожан с бесстрастностью мертвого камня.

Люди в большинстве сидели. Вновь входившие расстилали циновки и усаживались на них, снимая обувь и ставя ее позади себя. Здесь находились мужчины и женщины, по одиночке и семья-

ми. Они переговаривались между собой возбужденными голосами. Богатые соседствовали с бедными, старые — с молодыми. Между молящимися бегали дети.

Конан остановился в воротах, и его несколько раз толкнули. Последний раз его толкнули весьма сильно. Он разозлился и ответил, не глядя, ткнув локтем.

— Полегче! — воскликнула какая-то женщина.

Конан повернулся на вопль голову и увидел дородную даму с внушительным выменем, лежавшую возле его ног в весьма непристойном виде. Вокруг никто не засмеялся и не стал ругаться.

Киммериец протянул женщине руку и помог ей встать.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал он.

Женщина и не подумала на него обижаться. Она только хмыкнула, масляными глазами оглядев северянина с головы до ног и направилась дальше, вся колыхаясь, словно бурдюк с вином.

— Что стоишь, дикарь? — осведомилась другая женщина, моложе первой и намного стройнее, которая пришла вроде бы одна и была достаточно богато одета. — Ты разве не знаешь, что в западном дворе дома милосердной и справедливой Шеват нельзя стоять?

— У меня нет циновки, — сказал Конан.

— О, — обрадовалась женщина. — А я как раз захватила лишнюю!

Конан вознамерился было достойно ответить ей, что это он выбирает женщин, а не они его, что он не сидет на ее циновку, тем самым вос-

пользовавшись женской милостью, что унициально для настоящего мужчины... но не успел даже открыть рта.

Зазвучали трубы и барабаны. Все люди на площади разом опустили головы. Конан предпочел подчиниться обычаяу, бросив на землю свой плащ и положив меч перед собой.

— Ого-го! — прошептала назойливая женщина, опустившаяся на циновку рядом с Конаном. — Ты — настоящий воин!

Сидевший впереди мужчина обернулся и смерил женщину и киммерийца недобрым взглядом.

— Молчу, — сказала женщина.

Трубы вопили все сильнее, барабаны стучали быстрее, и Конан решил, что сейчас у трубачей лопнут легкие, а у барабанщиков разорвутся мышцы рук, и все разом стихнет. Но музыка, если так можно было ее назвать, все длилась и длилась.

Конан не удержался и поднял взгляд.

Ворота храма медленно открывались. Там сперва стояла тьма, а потом появилось сверкание. Сверкали десятки зеркальных щитов, поднятых вверх. Наконец ворота открылись полностью, и музыка стихла. Над зеркальными щитами несли трон, на котором находилось что-то ослепительно белое.

— Повелительница любит вас! — закричали глашатаи.

По обе стороны от ворот оставалась свободная полоса. Люди с зеркальными щитами распределились по ней, выстроившись в стройную линию.

Носильщики поставили трон. Нечто белое, бывшее на нем, разделилось надвое, и Конан увидел, что это женщина и маленький человечек, облеченные в сверкающую одежду.

— Повелительница рада видеть вас! — снова закричали глашатаи.

Народ на площади вдруг разом встал, издал дружный вопль и опустился на место. Конан вставать не стал.

Женщина на троне подняла вверх руку.

— Повелительница будет говорить! — сообщили глашатаи.

Воцарилась полная тишина. Люди затаили дыхание.

* * *

Повелительница встала и сошла с трона. Маленький человечек устремился за ней. Из ворот выбежали еще стражники. Эти были без зеркальных щитов, зато в железных доспехах. Шлемы у них были остроконечными, набедренники доходили до колен, лодыжки перевиты кожаными ремнями сандалий. Воины держали квадратные щиты и короткие мечи. Их длинные завитые бороды спускались на грудь.

Человечек, путавшийся у повелительницы в ногах, вдруг заметил любопытный взгляд Конана и показал на него пальцем. Бородатые воины тотчас бросились вперед.

Конан вскочил.

— Стойте! — сказала повелительница.

Ее первые слова показались всем присутствующим полными глубокого значения. По площади пронесся вздох, словно порыв ветра.

— Так говорит Аринна, царица этого города, дочь этого города. Я обращаюсь к гостю, взглянувшему на меня. Пусть его взгляд будет моим, если он этого захочет. Я вижу в этом чужеземце блуждающую мысль, которую нужно остановить. Пусть он начнет жертвоприношение!

Четверо бородатых воинов устремились к Конану. Лица у них были безучастные, глаза смотрели на чужеземца так, словно он был пустотой.

Конан схватился за рукоять меча.

Женщина, предлагавшая ему циновку, прошептала:

— Не берись за меч. Тебя не убьют.

Варвар внял ее совету. Воины встали с четырех сторон. Подоспел и карлик. Выражение лица у него было, как у трехнедельного трупа. Он пугался в своей белой одежде и длинными полами подметал мостовую, вздымая пыль.

— Аринна явила тебе свое повеление, чужеземец, — проговорил он. — Встань, оставь свой меч и иди за мной.

Конан подчинился. Его глаза смотрели только на царицу — и она улыбалась ему. Он подумал, что она очень привлекательна.

Служанки с покрытыми головами и закрытыми лицами поднесли и сложили у ног царицы множество предметов. Среди них были золотая клетка с белой мышью, различные сосуды, мотки красной, голубой и белой шерсти, хлеба разного

цвета и формы на серебряных подносах, монеты — круглые, квадратные, пятигранные и шестигранные.

Царица наклонилась, взяла коричневый сосуд из глины с белым рисунком в виде цветов и птиц и протянула его Конану.

— Пей! — приказала она.

Конан с опаской приставил сосуд ко рту, наклонил его, гадая, что же в нем, но там оказалось всего лишь превосходное вино. Варвар сделал приличный глоток.

Аринна с улыбкой забрала у него сосуд и перевернула его. С ужасом Конан увидел, что оттуда выпал красный червяк длиною в человеческую руку. Торопясь, червяк пополз прочь. Карлик в белых одеждах схватил червя и со смехом подбросил его вверх. Толпа дружно завопила, и все, кто находился поблизости, вскочили с циновок и принялись рвать червя на части.

Конан с трудом удержал приступ тошноты.

— Ты начал жертвоприношение! — сказала Аринна. — Ты — человек богини, и она доказала свою любовь к тебе. Теперь ты можешь получить подлинную радость. Больше испытаний не будет!

Она взяла тонкий сосуд и наполнила вином из него маленький кубок. Вино было совершенно прозрачное — как вода, но от него исходил сильный аромат, словно от тропического цветка или от лавки торговца стигийскими благовониями.

— Пей, чужеземец! Это вино страсти, — сказала царица. — Оно наполнит твои члены желанием, и ты увидишь золотой свод неба, под кото-

рым только для тебя будет плясать женщина-бабочка.

По площади прошелестел вздох.

— Пей! — повторила Аринна.

Конан принял сосуд из ее рук и приложился к нему. Он почувствовал, как холодный огонь струится по языку, и язык немеет. Мир вокруг неожиданно стронулся с места и поплыл.

Смотреть было невыносимо, и Конан закрыл глаза. Он продолжал пить, и слух его становился все обостреннее. Он слышал шуршание множества ног, смех и негромкие разговоры, сливающиеся в неясный шум, словно шум моря. Он слышал стук множества сердец и сопение множества носов. Он слышал щелчки моргающих глаз и скрип суставов.

Конан очнулся ночью. Все болело и ныло. Он лежал в очень неудобном положении, придавив себе правую руку, щекой на каком-то мягким комке.

Над ним смеялась луна. Конан со стоном и ругательствами поднялся и попробовал двинуть правой рукой. Рука двигалась, но он ее не чувствовал. Комок, который служил ему подушкой, оказался полураздавленной мышью.

Конан встал. Он по-прежнему находился на площади западного лица Шеват. Вершина башни терялась в темноте. Ворота на улицу были открыты.

Мучительно пытаясь вспомнить, что же произошло, Конан покинул храмовый двор и направился в северо-западный угол города, где, как он слышал, имелся постоянный двор, очень большой, способный вместить всех желающих, а главное — недорогой.

Он не придавал особого значения теням, которые следовали за ним вдоль стен и шмыгали через улицы, но и не упускал их из внимания. Когда он остановился на перекрестке, пытаясь определить, в какую сторону следует двигаться дальше, одна из этих теней отделилась от стены и шагнула под лунный свет, выпрямившись в полный рост.

Никогда прежде не видел Конан демона отвратительнее. Громадная голова сидела на узких плечах, длинные руки, поросшие шерстью, свисали почти до земли, спина была согнута в три погибели и скручена так, что плечи находились под прямым углом к чреслам. Рот, растянутый до ушей, походил на рваную рану, слюна тянулась на грудь, как у старого больного пса. Он ковылял, но двигался быстро. Глаза его горели, словно угли.

Конан ткнул ему в лицо острием меча. Меч вошел точно в переносицу. Демон заорал, как поросенок, которого женщина режет тупым ножом, и дернулся назад. Конан решил не давать ему шансов и с размаху срубил чудовищу полчерепа. Мозга внутри не было. Череп был девственно пуст, как чашка для подаяний в квартале воров. Демон продолжал орать.

— Кром великий! — воскликнул Конан, поразившись живучести твари, и рубанул пониже, отрезав голову. Она шлепнулась на булыжник мостовой и что-то пыталась еще промычать, пока киммериец не наступил на нее.

Тяжелая нога варвара-северянина, обутая в сапог из кожи носорога, раздавила демонский череп с хрустом, как будто тот был сделан из хрупкой необожженной глины.

— Браво! — произнес женский голос, и вслед за тем раздались хлопки в ладоши.

Конан крутанулся на месте.

Он ожидал увидеть прелестную незнакомку в легкой, соответствующей этому месту одежде, а увидел повелительницу Аринну, которая опиралась о лысую голову придворного карлика, улыбающегося, как лопнувшая тыква. На повелительнице было роскошное красное платье, расшитое зелеными узорами и жемчугом. Волосы скреплялись диадемой из витой серебряной проволоки.

— Браво! Ты великолепен в гневе, мой прекрасный воитель! — Аринна прекратила хлопать и оставила голову карлика в покое. Тот перестал натужно улыбаться и обрел свое обычное выражение трехнедельного трупа.

Аринна шагнула к Конану и дотронулась до его груди.

— Я бы хотела стать твоей, воин, — сказала Аринна. — Но я не вольна над собой. Обязательства гнетут меня — и ни на миг я не могу стать свободной. Я — плоть от плоти этого города. Лю-

ди этого города — мои доверчивые дети, и они не переживут, если я хотя бы на день брошу их. Я бы хотела раскрыться навстречу тебе и принять тебя, но мне не дано повторствовать своим желаниям.

— Зато дано мне! — заявил Конан и схватил красавицу за талию.

Талия оказалась необычайно тонкой и хрупкой.

Аринна улыбнулась киммерийцу. Конан почувствовал себя беспомощным, и жгучее желание, мгновение назад охватившее все его существо, вдруг пропало.

— Ты прекрасен, — повторила Аринна.

Конан отпустил ее.

— Слуги! — воскликнула повелительница.

Улица вдруг ожила. Задвигались многочисленные тени. Конана, повелительницу и карлика окружили рослые люди в черных одеждах с выкрашенными черной краской лицами. Они хранили безмолвие. Если у них и имелось оружие, оно было надежно убрано.

— Я хочу дать этому незнакомцу то единственное, что могу дать, — заявила Аринна, и Конан увидел, что один из слуг вложил в руку повелительницы кожаный кошелек. — Бери от меня, варвар! Надеюсь, ты останешься доволен.

Кошелек перекочевал в руку Конана. Он был ошеломлен и разочарован. Но отказываться от денег ему не пришло в голову.

Аринна развернулась и скрылась за спинами телохранителей. Несколько мгновений спустя Ко-

нан остался в гордом одиночестве и с увесистым кошельком в руке. Он заглянул в кошелек и увидел там серебряные монеты.

Человека, сидящего в тени на kortochkaх в двадцати шагах от него, он не заметил.

* * *

Монеты, брошенные Конаном на засаленный стол, вызвали немалый интерес хозяина питейного заведения. Он с озабоченной миной повертел в пальцах три из них, посмотрел на свет, попробовал на язык и на зуб и удалился, чтобы вскоре вернуться в сопровождении двух слуг, тащивших на носилках большой кувшин.

— Лучшее вино, господин! — объявил хозяин. — И ровно столько, сколько вы хотели! Еще что-нибудь?

— Нет, — отрезал Конан.

Кувшин поставили возле его стола. Хорошенькая служаночка лет четырнадцати принесла кружки и черпак. Она улыбнулась гостю, развернулась и собралась убегать, как вдруг обнаружила, что ноги ее больше не касаются пола.

Конан усадил девушку себе на колени, не обращая внимание на ее шутливое сопротивление, и поцеловал под одобрительный гогот окружающих.

— Она у нас первый день, — любезнейшим тоном сказал хозяин. — Ей только-только пришла пора принимать гостей, и она имеет право сама выбрать первого.

— Да? — удивился Конан. — Странные у вас обычаи... — Он отпустил девушку, и она убежала.

— Но, если хотите, я сумею ее уговорить, — сообщил хозяин. — Вы человек состоятельный, и ради вас я готов сделать все, что угодно!

— Повернись! — приказал Конан. И, когда хозяин, с лица которого так и не сходила подобострастная улыбка, послушно повернулся, дал ему хорошего пинка под зад.

Питейщика в его полете остановил только стол, оказавшийся на его пути, в который он врезался животом, смахнув глиняную бутыль, четыре фаянсовые кружки и блюдо с жирным пловом. Заботливые руки подняли хозяина и освободили его лицо от налипшего риса с изюминками и мелкими кусочками баранины. Лицо это, как обнаружилось, теперь перестало источать подобострастие.

— Не беспокойтесь, я заплачу! — пообещал Конан.

— Ты заплатишь, — тихо прошипел хозяин и удалился из питейного зала.

— Друзья! — воскликнул Конан. — Сегодня меня посетила удача, и я готов поделиться со всеми своей радостью! Подходите, пейте за меня, и да посетит вас благо!

На Конана обрушилась волна дружелюбия и благодарности. Он знал, что любой из этих людей при удобном случае прирежет его, не задумываясь, за пару монет даже меньшего достоинства, чем те, что сейчас приятно терлись о его живот, но был искренен в своем веселье. «Лови мо-

мент!», как сказал кто-то из древних мудрецов, и Конан неукоснительно следовал этому совету, словно священной заповеди, начертанной на каменных скрижалях.

За первым кувшином последовал второй. Конан не любил останавливаться по собственной воле. Он предпочитал выжидать, когда сам бог вина, умилившись его веселью, решит, что с него довольно, толкнет варвара в грудь и накроет черным колпаком божественного забытья.

Новые знакомые уважали Конана все сильнее и сильнее. И никто не обращал внимания на человека, который лишь прикладывался к краю фаянсовой кружки — вина в кружке от этого не убавлялось, если не считать того, что было разлито под дружеские толчки.

Этот человек познакомился с Конаном чуть раньше остальных. Конан вполне мог бы узнать его, особенно если бы на нем были позолоченные доспехи и шлем с плюмажем.

О, этот человек знал Конана еще с прошлого рассвета, когда его хозяин, досточтимый министр Линфань, возымел желание прогнать дикаря с дороги и потерпел сокрушительное поражение. Линфань не мог смириться с этим, поэтому непьющий человек и находился сейчас здесь. Он с радостью очутился бы нынче вечером в другом месте, но Линфань был непреклонен и жаждал мести.

Ночь прошла нескучно. Все напились до состояния глины, из которой господь, имеющий в разных местах тысячи имен, но всюду одинаково

завистливый и ревнивый, изготовил первую пару человек.

Ноги не держали никого, кроме, как выяснилось, Конана и еще одного человека.

— Ты кто? — осведомился Конан, когда других собеседников поблизости не осталось. — Ты мне кого-то напоминаешь... Мы раньше пили вместе?

— Нет, — ответил телохранитель Линфана. — Это впервые.

— Ты мне чем-то нравишься, — заявил Конан и устало прилег на собственный локоть.

Телохранитель Линфана влил в кружку киммерийца, где на дне еще оставалось вино, какую-то темную жидкость из пузырька, который вытащил из рукава и потом туда же спрятал.

Затем он постучал своей кружкой об стол.

— Эй! Уважаемый, мы с тобой не договорили! — провозгласил он.

Конан поднял голову, узрел непустую кружку, поднес ее ко рту и одним глотком опустошил.

— Договорим позже! — пробормотал варвар, и бог вина наконец решил, что с него хватит.

Конан очнулся, чувствуя неприятную скованность в движениях. Он попытался почесать живот, заодно проверив наличие на нем кошелька с серебряными монетами, но своей руки не обнаружил.

Открыв глаза, он увидел над собой лицо с явно выраженным признаками слабоумия — узким лбом, нависшими бровями и общим выражением дурашливой веселости. На лице повсюду

имелись следы давних ожогов. Свет падал на него узкими полосами из маленького окошка под потолком.

— У-у, — сказало лицо, и слюна потекла по голому, изуродованному огнем подбородку.

— Очнулся, красавчик, — послышался другой голос.

Конан повернул голову на звук. Совсем чуть-чуть. Большего у него и не могло получиться. Но это обрадовало его — значит, не все потеряно: шея, по крайней мере, у него осталась.

Над ним на корточках сидел знакомый из таверны.

— Хочешь договорить? — спросил Конан.

Знакомый расхохотался.

— Ты мне нравишься, парень, — заявил он, когда приступы хохота перестали сотрясать его тело. — Ты мне понравился сразу, еще там, на мосту, когда ты достойно ответил хозяину. Достойно, но, к сожалению, слишком резко. Не знаю, имел ли ты на это право. Но будь ты даже самим фараоном, тебе все равно бы пришлось отвечать. Хозяин не терпит оскорблений.

Ум Конана выбрался на более-менее освещенный участок — и все стало проясняться. Он понял, кто перед ним. Этот первое обстоятельство повергло его в уныние, особенно в сочетании со вторым — Конан был прочно связан и почти лишен возможности двигаться.

— Тебе повезло только в одном, — продолжал новый знакомый. — Хозяин занимает в правительстве высокую должность и любит, чтобы бы-

ли соблюдены все формальности. Так что тебя не просто покалечат. Тебя сначала будут судить.

Конан слушал, продолжая мысленно обследовать свое тело и уточняя подробности случившегося накануне.

То, что он выяснил, не прибавило ему удовольствия. Тело болело так, будто на нем попрыгала целая толпа демонов. Живот пострадал особенно, кошелек, естественно, отсутствовал.

— Кажется, меня уже начали калечить, — заявил киммериец. — Еще до суда.

Знакомец усмехнулся.

— Ну, это не мы виноваты. Это ты ответил совсем за другие оскорблении. И ответил человеку намного менее благородному, чем мой господин. Поэтому он решил воздать тебе должное сразу, не откладывая дело на верхнюю полку.

— И кто же это был?

— Хозяин питейного заведения со своими служителями. Когда я оставил тебя в таверне, направившись за помощью, чтобы доставить тебя сюда, они воспользовались твоей беспомощностью и всласть повеселились.

Конан с тревогой еще внимательнее прислушался к своим ощущениям. Хвала Крому, мстители не дошли до непоправимых грубостей. Следует быть осторожнее с простолюдинами.

— Суд состоится завтра утром, — сообщил знакомый и скрылся из поля зрения.

Лязгнула дверь.

— У-у, — снова подал признаки жизни слабоумный.

— Если хочешь что-то сказать, говори яснее! — раздраженно отозвался Конан.

Человек приблизил свое лицо к лицу киммерийца и открыл рот, показав туда пальцем. Ворту было пусто как в кошельке нищего. Главное сокровище — язык — отсутствовало.

Утро ознаменовалось тем, что безъязыкий страж Конана погасил масляную лампаду, накрыв ее медным колпаком. Рассвет был тусклым. Освещение стало гораздо хуже, чем при горящей лампаде.

Зато Конан чувствовал себя куда лучше, чем накануне. Страж ослабил путы, и к Конану вернулось ощущение конечностей — он мог слегка двигать ими, разминая их и не давая застыть крови. Он занимался этим целый день и всю ночь.

Лязгнула дверь.

— Ты готов? — осведомился телохранитель Линфаня.

За ним стояли его соратники с суровыми, угрюмыми лицами.

— Если я скажу «нет», меня, что, отпустят? — поинтересовался Конан.

— Нет, — сказал телохранитель.

Конан, как мог, пожал плечами. Его принялись вязать. К уже имеющимся путам прикрепили веревки. За четыре свободных конца ухватились телохранители Линфаня. Конан быстро был поставлен на ноги и принужден идти.

Он внимательно запоминал путь. Коридоры, повороты, лестницы, звуки и запахи, доносившиеся из-за приоткрытых дверей. Это жилой дом. Значит, Линфанд поместил его в темницу в собственном доме.

Сам хозяин уже ожидал пленника во дворе, сидя в паланкине. Занавески были отодвинуты, и Конан смог в полной мере полюбоваться на проявление радости при своем выходе. Лисья мордочка Линфанд излучала довольство.

— Твой язык — враг твой! — заявил Линфанд, ожидая, что пленник ужаснется смыслу сказанных слов. По мнению Линфандя, он был неглуп и понял намек в виде его ночного стража.

На лице Конана не дрогнул ни один мускул.

— Ты, я вижу, подрастиерял свое красноречие, варвар! Но ничего, больше оно тебе не понадобится! — Линфанд расхохотался.

На базарную площадь вышли сотни рабов, принявшихся собирать мусор, чинить опрокинутые навесы, шатры и помосты. Они быстро справились со своим делом. Еще до того, как солнце нагрело крыши домов города Шеват и разбудило господ, отправившихся торговать на рынок.

Конана провели по базару. Мальчишки были уже тут как тут и восприняли появление узника, как повод от души повеселиться. Они прыгали вокруг него, как бесноватые, и пытались ударить его палкой.

Камнями кидаться не пробовали. Никто не хотел получить от стражей такой подзатыльник, от которого сознание приходит в упадок, и мозги

через нос проливаются на мостовую. А все знали, что стражи не преминут ответить подобным образом, если какой-нибудь из камней заденет их.

Палка в этом отношении была гораздо более безопасным инструментом. Ею можно нанести удар с близкого расстояния. Главное — не попасть под путы и избежать встречи с ногой узника.

Рабы смотрели на Конана сочувственно. Торговцы плевались в его сторону, но достаточно равнодушно — просто так полагалось по ритуалу. Если бы они вели пленника, то другие тоже бы стали плеваться в знак солидарности.

Линфань высывался из паланкина и кивками благодарил самых влиятельных людей. Линфаня знали все, и он знал всех.

От угла храмовой стены прошли по северной улице и двинулись напрямую ко дворцу. Дворец был окружен стеной, внутри которой располагались ходы для военных нужд и на город смотрели узкие бойницы.

Широкие западные врата были открыты, и люди непрерывным потоком входили во дворец и выходили из него.

Возле западной башни находилась площадь суда, выложенная коврами и уставленная сосудами с благовониями. По углам ее были воздвигнуты рамы, обернутые шелком с надписями старинным письмом. От вершины северной башни спускался канат, увешанный разноцветными флагами.

Площадь суда была заполнена самым разным народом. Были здесь и вендийцы в белых одеждах и с темной кожей, и кхитайцы в жёлтых и

черных одеждах, и какие-то мрачные люди в грубо сшитых шкурах, и даже соплеменники Конана с одухотворенными лицами и тяжелыми посохами, которые обычно использовались для защиты, а не для того, чтобы опираться на них при ходьбе. Сейчас они праздно лежали у ног своих владельцев. Находилось здесь также несколько женщин и рабов.

Царица появилась на троне под полупрозрачным покрывалом. Трон несли двенадцать телохранителей. Они поставили трон на возвышение и уселись вокруг, поджав под себя ноги.

К трону приблизился человек с лысой головой, на которой выделялись непомерно большие уши. Он встал на колени и наклонил голову к царице.

— Я — речь царицы Аринны, дочери этого города, — объявил он.

Тень на троне под покрывалом пошевелилась.

— Я знаю, — сказал человек, объявивший себя «речью царицы», — что первым делом на сегодня назначено важнейшее дело министра Линфаня, хранителя тайных покоев. Я знаю, что он считает себя оскорблённым чужеземцем, которого повстречал у ворот города. Так ли это, Линфань?

Линфань вышел вперед, поклонился и ответил:

— Да так, ваша мудрость!

— Скажи, Линфань, опора нашего города, любезный нашему сердцу человек, какие именно слова сказал чужеземец, осмелившийся оскорбить тебя?

— О, царица, я не могу произнести их, ибо они позорят трон!

— Разве наш трон столь слаб, что его могут опозорить слова какого-то чужеземца? Неужели его жалкие слова сильнее нашего трона?

— Но царица... — Линфань покраснел и обвел глазами присутствующих.

Улыбнулись только киммерийцы и две женщины с непокрытыми головами, в зеленых одеждах с блестками. Остальные смотрели на Линфанию с вниманием охотника, выглядывающего из засады.

— Царица... — повторил Линфань. — Уста мои не в силах сказать правду. Но солгать я не могу и поэтому отвечу правдой, облеченной в слова, которые, может быть, не столь сильно и опасно ранят слух присутствующих здесь граждан. Этот чужеземец, которого вы видите в путах, назвал меня, министра Линфания, хранителя тайных по-коев, тем словом, что обычно обозначает то, что выходит у человека через рот, но не является словом, добавив к этому слову эпитет, относящий его к тому разряду животных, на которых возят тяжести крестьяне.

Тень на троне под покрывалом вздрогнула, и до присутствующих донесся смех царицы. Из вежливости все стали смеяться, хотя и не понимали, над чем.

— Что, что? — сказал человек, исполнявший роль «речи царицы». — Что ты сказал? Мы совершенно не поняли! Мог бы ты изъясняться попроще? Мы совершенно не понимаем, как такое ви-

тиеватое выражение вообще может кого-нибудь оскорбить!

Линфань стал красным, как заходящее солнце.

— Не могу не объявить правды, — произнес он. — Чужеземец назвал меня блевотиной осла.

Аринна снова засмеялась.

— И с этим ты пришел сюда, мой министр? — спросила она, с трудом подавив хохот. — Я не вижу в сказанном преступления. Чужеземец, возможно, ошибся, но когда он говорил это, он всего лишь говорил то, что думал в тот момент... Он свободно высказал свое мнение... Освободите чужеземца!

Телохранители Линфания сняли с Конана путы.

— Мы доказали несправедливость твоего обвинения, уважаемый Линфань, — заявила царица. — Ты теперь должен возместить убытки, которые причинил обвиняемому. Он причинил тебе какие-нибудь убытки, Конан?

— Верните ему меч, — приказал Линфань.

Один из телохранителей отправился к министру домой за мечом. Ему вручили флаг царского гонца, и он, выкрикивая «Дорогу! Дорогу!», понесся по улицам. За ним с гиканьем устремились мальчишки.

— Что касается моральных убыток... — заговорил человек-речь Аринны. — Какого возмещения, Конан, ты потребуешь?

Конан не ощущал особых моральных убыток, причиненных его достоинству. Он посмотрел на Линфанию и подумал, что не стоит требовать с него никакого возмещения. Министр был красен

лицом и зол. Лучше уж лишний раз не дразнить тигра.

— Я полностью удовлетворен, — сказал Конан. Линфанд его великодушие разозлило еще пуще.

Линфанд вернулся домой в жутком настроении. Ему хотелось немедленно содрать с кого-нибудь одежду и подвергнуть несчастного суровому наказанию. Едва министр успел войти к себе во двор, как на глаза ему попался старый раб о чем-то с улыбкой беседующий с наложницей. Линфанд тотчас рассвирепел.

— Ты, червь, смеешь разговаривать с моей женщиной! — завопил он.

Телохранители немедленно бросились вперед и схватили обоих.

Линфанд приказал носильщикам опустить паланкин и составить живую дорогу. Это было исполнено. Пока Лифанд стоял на одном теле и делал шаг на следующее, тот человек, с которого он сошел, бросался вперед и вновь ложился под его стопу. Идти было не очень удобно. Тела колыхались, и через десяток шагов Линфанд охватило неприятное головокружение, но перед ним уже стояли пойманные преступники.

— Червь! — повторил Линфанд. — Я прикажу содрать с вас обоих кожу.

Наложница побледнела, ноги старика подкосились, и девушка была вынуждена поддержать его. Линфанд почувствовал облегчение.

— Отец! — со стоном в голосе проговорила девушка, обращаясь к старику и не глядя на господина.

Она не смогла удержать старика, и он осел на землю, а потом и повалился наземь, словно бурдюк с водой.

— О, господин! — опомнилась девушка, оставив старика и обратившись к Линфанду. В глазах ее стояли слезы. Она обняла обувь господина и принялась покрывать ее поцелуями. — О, господин!

Линфанд сошел со спины носильщика, вырывая свою ногу у наложницы, которая потащилась за ней, не в силах отпустить.

— На этот раз я не буду приказывать содрать с вас кожу. Богиня милостива к слугам своих возлюбленных чад, но учтите, что все ваши прегрешения записываются в небесную книгу, и вам обязательно будет воздано по заслугам.

— О, благодарю, господин! — возопила наложница.

— Снимите с нее одежды и дайте ей десять ударов мягкой плетью по бедрам, — распорядился Линфанд.

Ярость и гнев сменились желанием плотно победать. Линфанд прошел в любимую из своих комнат, из окон которой можно было видеть снежную вершину горы Тасса.

Крики наложницы, доносившиеся со двора, ублажали его слух. Запахи, доносившиеся из кухни, возбуждали его аппетит. Он приказал своему флейтисту сыграть что-нибудь нежно-грустное, и велел принести сладкого вина.

Не успел он сделать, как следует, первого глотка — густое вино только начало течь по языку — как вбежал привратник и, бросившись на колени, доложил:

— К вам посетитель. Требует встречи с вами! — с этими словами привратник положил к ногам господина золотой брусков в мину весом.

— Хм, — вымолвил Линфань. — Пусть войдет.

Перед Линфанем предстал высокий человек в богатой одежде. Лицо его чуть не лопалось от гордости и непомерной спеси. Он равнодушно скользнул взглядом по роскошной обстановке и прелестному виду из окна, но с почтением остановился на хозяине.

— Я — Ривал, брат Валлара, — сказал посетитель.

— Садись, я готов разделить с тобой свои мысли, вино и пищу! — ответил Линфань.

Ривал коротко поклонился и сел.

— Не буду скрывать своих намерений, — сказал он. — Лучшего момента не сыскать. Я пришел издалека. Много лет не было меня в нашем благословенном городе, и маленькая принцесса, которой я втайне восхищался, будучи несмышленым юношем, выросла за это время и стала царицей. О, да! Мои юношеские грэзы словно сбылись. Я столько раз представлял ее...

Линфань будто невзначай уронил золотой кубок, и вино выплеснулось на пушистый ковер из шкуры единорога.

— О, я вижу, теперь я вижу, что слишком далеко зашел! — воскликнул гость. — Не буду, не

буду... Я лишь в восхищении закрываю свой рот, не способный вымолвить о царице и слова правды, но и мое молчание достаточно красноречиво... — Гость замолк.

Служанки заменили приборы и шкуру. На этот раз единорог был сероватый с изысканными разводами.

— Я бы больше хотел услышать о ваших намерениях, чем о красоте царицы, — заговорил Линфань.

Ривал всплеснул руками.

— Что я слышу? Неужели газелеокая чем-нибудь прогневила вас?

— Ничуть, — ответил Линфань, но в его голосе не было искренности.

— Она заставила вас вновь пережить мучительный стыд? Она предпочла грязного молодого варвара своему учителю и наставнику? Она посмеялась над вами?

Линфань спрятал глаза за большим золотым кубком в форме льва.

— Я знаю, что, может быть, огорчу вас, снова напомнив об этом, но она начала свой путь вниз с сегодняшнего суда. Такого позора не вытерпел бы старый царь, — сказал Ривал.

Линфань поставил кубок и внимательно посмотрел Ривалу в глаза.

— Да, — объявил Линфань. — Это правда. Суд был ужасен.

— Следовало бы прервать ее падение. Остановить в самом начале. Чтобы она не сломала себе кости, не порушила то, что творилось многими

поколениями. Ей требуется хороший муж. Тот, кто сумеет обуздить ее страсти. И, боюсь, что супруг нужен царице немедленно. Иначе она может объявить своим мужем этого чужеземца.

— Она не посмеет...

— Посмеет. И вы, господин министр, знаете это не хуже меня.

— Кого же вы предлагаете?

Ривал взял кубок и пригубил вино. Взгляд его остановился на вершине горы Тасса.

— Себя, — объявил он. — Я — единственный, кто по-настоящему пригоден к этому делу. Я сумею обуздить царицу.

* * *

Аринна быстрой летящей походкой прошла по коридору к тайным покоям, где под надежной охраной обрел предпоследнее пристанище ее отец. Остановившись перед тяжелой окованной дверью, царица отослала телохранителей и служанок. Они удалились лицами к ней и непрерывно кланяясь.

Аринна осталась одна — и внезапно с ней произошла разительная перемена, словно из нее вынули внутренний стержень. Царица опустила плечи, голову, уголки губ. Вся она представляла теперь воплощенную скорбь — и неизвестно было, какой из образов был настоящим: тот, в каком она представляла на людях, или тот, в каком она собиралась явиться перед отцом.

Она приблизила губы к отверстию в ухе демо-

на-стража и прошептала тайные слова. В двери глохнуло стукнуло, раздался возглас приказа, слов которого невозможно было разобрать, и заработал механизм отпирания двери.

Царица отступила на шаг. Дверь дернулась, и створки распахнулись внутрь тайных покоев.

Аринна вздрогнула, когда огромный лохматый пес с лаем и горящими глазами бросился к ней. Она никак не могла привыкнуть к нему, хотя он приветствовал ее на входе в тайные покои, сколько она себя помнила.

Пес остановился в нескольких шагах от порога, поднял голову и завыл. Аринна прошла внутрь и потрепала пса между ушами. Он продолжал выть, потом в нем что-то щелкнуло, он опустил голову и начал с еле слышным жужжанием двигаться назад вдоль щели в полу, не поворачиваясь и не сгибая ног.

Призрачный свет струился с ажурного потолка, закрытого желтоватыми стеклами. Он падал на десятки тысяч серебряных листьев, дробился и распадался на мелкие пятна, медленно вслед за солнцем ползущие по саду. Медные стволы и медные ветви не могли шевелиться.

В этом саду не было ветра, который мог бы играть с ними. Птицы, сидевшие на ветвях, умели двигать только головами и открывать клюв, когда наступал определенный час. Четыре раза в день они начинали свое движение — и тогда сад наполнялся чириканьем, свистом, щелканьем. Но проходило несколько мгновений, и все замолкало — до следующего обозначенного часа.

Говорили, что можно обозначить другие часы, повернув что-то в главном механизме, но никто — ни царь, ни нынешняя царица — этого пока ни разу не сделали.

Кроме деревьев и птиц, в саду были маленькие пруды, в них плавали рыбы, которые непрерывно шевелили плавниками и двигались. Рыб не нужно было ни кормить, ни заводить — они плавали сами по себе. Садовник объяснял, что двигается вода, подчиняясь скрытым среди кораллов и камней лопастям, а рыбы устроены так, что плавники у них шевелятся от течения воды.

Отец сидел в кресле из витого дерева. Его тонкие пальцы свисали с подлокотников, кожа была серой, словно пергамент. Он безучастно смотрел вниз. Губы застыли в гримасе улыбки. Двигались только глаза. Нижняя половина его лица была парализована — он не мог ни говорить, ни есть. Его кормили через трубку, вводя в пищевод жидкую кашицу.

— Я рада вас видеть, отец! — воскликнула Аринна, опускаясь перед ним на левое колено и целуя руку. Пальцы его чуть заметно шевельнулись.

— О, отец! Сегодня я видела странный сон, пересказывать который не решаюсь. У меня было такое чувство, что кто-то близкий обманывает меня, и что я тоже лгу. Ложь опутала меня в этом сне, отец. Я боюсь. Неужели это правда? И неужели мне предстоит что-то неприятное, ужасное?

Отец запрокинул голову и закрыл глаза.

— Ты не хочешь слушать, отец? Ты осуждаешь

меня? Я не должна была тебе ничего говорить? Если это так, кивни, если я ошиблась, качни головой. Сделай, как было прежде между нами условлено! Отец, ответь мне хоть чем-нибудь!

Аринна почувствовала раздражение и на мгновение закрыла глаза, чтобы мысленно сказать себе, что нужно быть спокойной — отец не обязан понимать ее с полуслова. Она несколько раз вздохнула, прежде чем открыть глаза.

Что-то в окружающем было не так. Аринна вскочила и собираясь крикнуть стражей тайных покоев, но слова застрияли у нее в горле. То, что она увидела, было настолько невозможным, что она отнюдь не сразу приняла это за реальность.

— Да кто вы такие? — грозно спросила она.

Голова механического пса валялась возле ног человека в зеленой одежде. За ним стояли мрачные личности, одна другой отвратительнее. Они разглядывали царицу с нескрываемой похотью, они буквально раздевали ее глазами. Так на нее еще никто не смотрел.

— Убирайтесь! — крикнула царица.

Они захотели.

Человек в зеленой одежде медленно подошел к ней и дотронулся до ее плеча. Аринна, возмущенно отдернула руку.

— Да что вы себе позволяете! Стража! — вскрикнула царица.

— Я рад, что вы так бурно воспринимаете мое появление, — сказал человек. — Меня зовут Ривал, и я думаю, мы теперь долго, очень долго будем вместе...

— Стража! — повторила Аринна, но никто не отозвался.

— Я буду вашей стражей, — заявил Ривал. — Я буду охранять ваши сны и ваше земное тело. Я буду вам опорой в пути и повозкой, которая доставит вас туда, куда вы захотите. Разумеется, при одном-единственном условии — вы станете моей супругой...

Аринна едва не задохнулась от возмущения. Лицо ее покраснело, как закатное солнце.

— О, нет! Я не тороплю вас с ответом. Недельку я подожду. Может быть... — сказал Ривал. — Унесите старика.

Двое воинов взяли кресло с отцом Аринны и потащили его. Он сидел безучастно. Руки его безвольно лежали на подлокотниках.

— Отец! — вскрикнула Аринна. — Вы не посмеете! — Она сделала шаг за отцом, но Ривал встал на ее пути и покачал головой.

— Посмеем, — молвил он. — Вы теперь в моей власти. Вы будете жить здесь, пока не станете более благоразумной. Вам будет приносить лучшую пищу, лучшие напитки, но вы ни с кем не сможете общаться. Любой, с кем вы заговорите, кроме моих людей, будет немедленно убит. Вы также не сможете покинуть сад. И изо дня в день вы будете слушать пение этих мертвых птиц и видеть свет, отражающийся от серебряных листьев.

— Мой народ не потерпит!.. — начала было Аринна.

— Он потерпит. Мы объявили ему о днях уда-

ления. Никто ничего не заподозрит. По крайней мере, некоторое время.

* * *

Дворец тайных покоев стал темницей для единственной узницы — царицы Аринны. Она не понимала, почему бездействует страж Тайных покоев, куда смотрит министр. Она ждала, что затянувшееся безумие обернется шуткой, что вот-вот войдет министр Линфань и скажет, что виновники наказаны и определены в сумасшедший дом пожизненно.

Она ждала, что проснется и обнаружит, что все это было сном. Но проходили часы, утром смешилось вечером, ночью... и снова настало утро. Аринна проводила время между сном и явью, то засыпая, то просыпаясь. Яства остались нетронутыми.

Солнце совершило полный круг. Аринна встала у окна и увидела среди деревьев тень идущего человека.

— Линфань! — позвала она.

Но она обозналась.

Это был Ривал. Он поднялся по ступенькам дворца и вошел в покой царицы. Взглянув на нетронутые яства, он с неудовольствием покачал головой.

— Где мой отец? — спросила Аринна. — Я хочу видеть его.

— Зачем? Разве он что-нибудь может решить? Он же парализован, и речь позабыла его. Он не

поможет тебе ни в каких решениях. Благословения на наш брак он тоже вряд ли даст, так же как и запретить этот союз он не сможет. Он — ничто.

— Нет! — возразила Аринна. — Для меня он не ничто!

Ривал усмехнулся.

— Ничто и не ничто слишком близко стоят друг к другу. Тебе это известно. Не обманывай себя. Обещаю, что и я буду говорить тебе только правду.

Аринна уткнула лицо в ладони. Она чувствовала, как в горле образовался тугой комок, словно она проглотила мышь. Она не могла ничего больше сказать.

— Я жду, — заявил Ривал. — И я не намерен ждать слишком долго. Учти, что я привык добиваться своего. Я не остановлюсь даже перед тем, чтобы убить твоего отца.

Ривал взял персик и откусил от него. Сок потек по его завитой бороде.

— Зря вы отказываетесь... — заметил он. — Я ведь для вас старался. Для своей единственной возлюбленной, которую ценю не меньше собственной жизни.

— А как вы цените собственную жизнь? — спросила Аринна, с отвращением глядя на Ривала.

— Достаточно высоко. Но ты, как и моя жизнь, — в полной моей власти. Я могу поступить с тобой как с рабыней, я могу засечь тебя до смерти, могу снять с тебя кожу и натянуть на свой боевой барабан, могу отдать тебя солдатам,

чтобы они пользовались тобой, пока ты дышишь, могу заживо зарыть тебя в землю или сжечь. Так что выбор у тебя невелик — либо позорно умереть, либо законно разделить со мной ложе!

— Нет, — сказала Аринна. — Я лучше выйду замуж за паука.

Она произнесла эти слова мягким, нежным голосом, которым разговаривают с непослушным ребенком, увещевая его. Глаза Ривала сузились и стали колючими, как шипы черного дерева. Он резко повернулся и порывисто вышел, хлопнув дверью. Золотая статуэтка бога грозы, стоявшая на столике рядом с дверью, упала и покатилась по полу.

Силы оставили Аринну. Она опустилась на ложе, вытянулась на спине и закрыла лицо руками, беззвучно зарыдав.

* * *

Наступил день жертвоприношения северному лицу Шеват. Народ собрался на площади северного лица. Тревожные разговоры звучали повсюду. Говорили, что царица все еще не окончила дней уединения, что она забыла о своем народе, что она предпочла собственные интересы интересам народа, что ей вообще до людей нет никакого дела.

Другие возражали: наверняка случилось что-то необычное, иначе царица бы не удалилась в Тайные покои. Она всегда любила свой народ — и жертвоприношения всегда совершались в срок

и как положено. Ни разу еще за три года после смерти старого царя, его дочь не нарушила установленного порядка.

Конан пришел вместе с остальными. Ему хотелось еще раз увидеть Аринну. Надменная дочь своего города, она заронила в сердце варвара какую-то странную страсть. Он желал ее не только обычным образом, как желал всех женщин до этого, и это была не просто тяжесть в груди, какую он чувствовал однажды. Аринна вызывала в нем противоречивые чувства. Ее властность и раздражала, и завораживала его.

— Министр Тайных покоев лично объявит волю царицы Аринны! — закричал глашатай, прервав мысли варвара.

Линфань вышел из ворот храма в сопровождении своих телохранителей. На нем была торжественная одежда министра — со всеми знаками отличия.

— Я объявляю волю царицы Аринны! — сказал Линфань. — Она углубилась в уединение и лишь на несколько мгновений прервала его, чтобы написать своему народу! Она любит вас! — Линфань прервался, ожидая, что народ воздаст царице хвалу громкими криками, но никто не проронил ни звука.

Линфань пожал плечами и достал из рукава свернутый трубкой пергамент, скрепленной тесемкой с печатью из хрупкой глины. Он разломал печать надвое, развернул свиток и прочел:

— «Царица Аринна сообщает своему народу, что начала дни удаления от скверны, что начала

очищаться от суеты, от безумных человеческих слов, от всякой нечистоты и смуты. Она сообщает, что найдет в себе силы полностью избавиться от миазмов и стать готовой для защиты города».

Линфань кончил читать и отдал свиток служителю храма.

Народ по-прежнему безмолвствовал, но таялась теперь в его безмолвии скрытая угроза. Линфаню стало не по себе.

— Такова воля царицы Аринны, да будет она защитой городу! — выкрикнул он и удалился.

* * *

Конан вышел с площади северного лица вслед за Линфанем и направился ко дворцу. Судейский двор был заполнен галдящей толпой. Он сейчас представлял собой нечто вроде второго рынка. Только здесь предлагали в основном развлечения и товары, сопутствующие развлечениям.

Вокруг звучали призывы приобретать препараты, возбуждающие влечение к женщине, аппетит и память. Продавцы шербета и сладостей выделялись из толпы шестами, прикрепленными к спинам, на которых развевались узкие длинные флаги. Имелось несколько балаганов и шатер, где, судя по надписи, демонстрировали двухголовую бородатую женщину — «признаки пола выставлены для полного осмотра». Возле этого шатра толпились робкие юноши из богатых семей.

Конан поднялся по крыльцу и увидел стражей в полном облачении. Они смотрели строго

перед собой, словно зрачки их были намертво прикованы к единственной точке в мире.

— Я хочу поговорить со слугой царицы, — сказал Конан.

Он не надеялся на немедленный ответ — и когда солдаты, по-прежнему не обращая на него внимания, повернулись и толкнули каждый свою створку двери, открывая вход во дворец, Конан на мгновение растерялся.

За дверьми стоял человек в белых одеждах. Он словно бы ждал Конана. Он поклонился варвару, как будто перед ним был уважаемый посол из другой державы.

— Господин Конан, — сказал он. — Вас ждут. Вас велено проводить.

Киммериец был удивлен. Такая любезность заставляла подозревать дурное. Хотя, сказал себе Конан, царица ведь и прежде проявляла к нему немалую благосклонность.

Человек в белых одеждах повернулся к северянину спиной и направился направо, к западной башне.

— Ты не сказал, кто меня ждет, — произнес Конан.

Человек не ответил. Он вел киммерийца по бесконечным коридорам, лестницам, залам. Они поднялись на четвертый этаж. Только тогда этот человек остановился, обернулся и сказал:

— Будь здесь.

И быстро вышел. Конан приблизился к окну и взглянул вниз. До слуха Конана долетали призывы покупать замороженный сок, ароматные па-

лочки, шелковые платки и средства для женского и мужского удовлетворения. Возле шатра с бородатой женщиной никого не было, зато изнутри раздавался нудный, надсадный стук мелких барабанов и вой кифары — представление началось.

— Вот он! — раздался голос.

Конан обернулся и увидел толпу воинов в боевом облачении. Понятно, что они явились не прислуживать за обедом. Воины издали боевой клич и кинулись к киммерийцу, потрясая оружием.

* * *

Конан бросился назад, но дверь на лестницу не отозвалась на его усилия. Он рванулся к другой двери — и на этот раз его ждала удача.

Он очутился в длинном коридоре с множеством маленьких статуэток, курильницами благовоний, гобеленами и фривольной росписью на потолке. Пахло одуряющее. Конан попробовал взять статуэтку, но это ему не удалось, зато удалось опрокинуть курильницу. Он обернулся и толкнул ее под ноги преследователям.

Первый из них споткнулся и упал. Следовавшие за ним споткнулись об него. Конан опрокинул еще несколько курильниц. Запах стал более сильным.

Конан добрался до двери в конце коридора, затворил ее за собой и задвинул засов, но счастья это ему не прибавило — сквозь древесину сразу же пробились несколько клинов, полетели щепки.

— Хлипкие здесь двери! — пробормотал северянин, оглядываясь в поисках выхода.

Он очутился в купальне. Все здесь сверкало серебром — стены бассейна, решетчатые окна, треножники с масляными светильниками.

Конана особенно заинтересовали окна. Он подошел к одному из них и попробовал отогнуть решетку. Мягкий металл легко поддался натиску киммерийца, и через мгновение он уже стоял на карнизе, опоясывающем здание. Внизу передвигались тюрбаны, тюбетейки и фески. Колыхались цветные крыши паланкинов.

Дверь за спиной Конана рухнула, и он был вынужден сместиться по карнизу дальше. В пролом высунулась кудлатая голова и, словно по наитию, сразу же повернулась в сторону киммерийца.

— Вот он! — закричала голова, и немедленно поплатилась за это.

Конан вытянул ее вместе с телом сквозь пролом и не удержал. Кудлатый стражник с криком полетел на площадь, посевя панику и расплескав свои мозги по мостовой.

— Эй! — заорал другой стражник, тоже высовываясь и глядя на разбившегося соратника.

Голова его повернулась, и глаза наполнились страхом. Вытаскивать этого оказалось труднее. Он был больше предыдущего и к тому же упирался изо всех сил.

Но это ему не помогло. Полное тело ударились о камни мостовой со звуком дыни, рассекаемой тесаком.

Конан слышал возню в купальне. Время от времени доносились выкрики:

— Убьем его!

Но в пролом больше никто не высовывался.

Киммериец переместился по карнизу и перебрался на стену северной башни. От вершины башни вниз на площадь спускался канат с разноцветными флагами. Конан перекинул плащ через канат и, закрыв глаза, поехал вниз. Флаги били его по лицу все сильнее. Когда, по его расчетам, он должен был достигнуть площади, варвар открыл глаза. Зеленый флаг с изображением окровавленной морды обезьяны хватил его по лицу с силой пощечины разъяренной любовницы. Конан едва не лишился глаза.

Следом за этим ударом последовал другой. На этот раз «отличилась» мостовая. Но Конан был готов к этому и приземлился по всем правилам, успев сорвать с каната плащ и упасть на него боком.

Правда, он не избежал столкновения с дородной женщиной, на встречу с которой не рассчитывал. Она обладала огромной грудью и была как будто знакома Конану.

— Снова ты! — завопила она и попыталась встать.

Конан вспомнил, где ее встретил впервые. Но на этот раз подавать ей руку не стал. Со стороны дворца слышались дикие крики и призывы поймать беглеца. Все оглядывались, но, похоже, никто, кроме матроны, не мог и догадаться, о каком беглеце идет речь. Люди привыкли смотреть

прямо перед собой или вниз, под ноги, а задирать голову и таращиться в небо привычки у них не было — и поэтому никто не заметил спуска Конана по канату.

Дородная особа встала и только теперь услышала, что именно кричат стражники с дворца. Ее лицо преобразилось и озарилось злобной радостью, от чего стало еще более безобразным.

— Это он! — завопила она. — Беглец!

Она показывала на Конана пальцем и в возбуждении тяжело притопывала.

Киммериец даром времени не терял. Он уже находился далеко от своей разоблачительницы, и ее палец указывал на него не точно.

Кроме того, он снял с плеча перевязь и вытащил меч. Быстро бегущего человека с мечом, на лице которого читалась решимость, а в плечах и руках явно имелась сила, никто из горожан не посмел остановить и осведомиться, за каким демоном он гонится или от кого убегает.

Но возле выхода с дворцовой площади все же произошла небольшая заминка. Стражники у ворот захотели убедиться, что Конан — не тот, о ком кричат стражи дворца. В грудь Конана уперлось острие копья с широким лезвием.

Конан отпрянул.

— Стой! — приказал стражник.

Конан узнал его — это был тот самый воин, что у ворот города предлагал ему службу.

— Не сейчас, — заявил киммериец и свободной рукой дернул копье на себя и в сторону, подставляя подножку воину.

Десятник с удивленным выражением на суровом лице пролетел не меньше пяти шагов, прежде чем врезался в толпу. Его соратники бросились ему на помощь. Но к настоящей битве они не были готовы. Всю службу они только тем и занимались, что устрашали обывателей и возможных преступников. В худшем случае им приходилось вязать воров, но те не оказывали вооруженного сопротивления.

В пылу схватки зарубив одного из нападавших, совсем еще мальчика, который принял звать мать, пытаясь удержать вылезающие из живота внутренности, Конан проникся к этим мирным солдатам жалостью и с остальными поступил милосерднее, нанося им только неглубокие раны.

Из дворца выскочили воины.

— Вор! Вор! — кричали они. — Он украл амулет повелительницы!

Но даже это не сподвигло простых горожан броситься хватать Конана. Большинство из них слишком дорожило собственными долгими жизнями, чтобы отдавать их ради сомнительной идеи. Если бы они набросились все разом, тогда бы другое дело — у них был бы шанс, но по одиночке никто из них не смог бы выстоять против человека войны, охваченного дикой яростью.

Конан скрылся за воротами и устремился на юг. Добежав до угла дворцовой стены, он повернулся на восток, достиг южной улицы и направился к юго-восточному кварталу, где находились постоянные дворы для чужаков. Прохожие огля-

дывались на него и с любопытством провожали взглядами.

— Вор! — снова донеслось до Конана.

Он заметил слева от себя не слишком высокую стену, запрыгнул на нее, подтянулся и перевалился во двор, рухнув прямиком на куст с остро пахнущими крупными цветами.

— Взять его! — завопила женщина, смутно видневшаяся в дверях дома.

Конан заметил небольшого, но сильного пса с уродливой мордой. Пес был похож на бритого льва, только раз десять меньше. Желтая слюна волочилась за ним по земле. Он утробно рычал, глаза его сверкали злобой.

Конан скатился с клумбы, вскочил на ноги и ткнул пса мечом. Тварь очень хотела жить — и умудрилась каким-то образом избежать встречи с острием.

Пес повернулся вбок и свалился на землю, пытаясь зацепиться за землю, чтобы не попасть под следующий удар, приготовленный человеком.

Сильный пинок вернул пса на позицию, которую он занимал перед началом атаки.

Женщина вышла из дверей.

— Сидеть, Кесси! — приказала она.

Она шла к Конану и улыбалась.

Киммериец растерялся от такой встречи. Он ожидал страха, паники, а вместо этого наткнулся на любезность. Незнакомая женщина встречала его как дорогого, долгожданного гостя.

— Я знала, что богиня внемлет моим молитвам! — воскликнула женщина.

Она подошла ближе, и Конан узнал ее. На площади западного лица Шеват именно эта женщина предложила ему лишнюю циновку, которую «случайно» прихватила с собой.

* * *

На следующее утро Конан отправился восполнить силы в кабак. Не то, чтобы он очень устал в объятиях женщины — физическая близость не была ему в тягость, он умел экономно расходовать силы, но ее настырность и липкость замучили его душу. А Конан знал только один способ исцеления души.

Он выбрал ближайший к дому женщины кабак, испускавший ароматы съестного на расстояние не меньше полета стрелы. Возле входа в качестве рекламы валялся пьяный в луже, растекавшейся из-под него.

Конан задержал дыхание и позволил себе вдохнуть только у стойки. Дыхание, как выяснилось, можно было и не задерживать. Запахи возле стойки все равно напоминали именно то, чего опасался Конан.

— Пиво крепкое, черное. Пиво легкое, светлое. Сухари, — без выражения сказал кабатчик с лицом скучающей лошади.

— Крепкое, — ответил Конан. Перед ним появилась деревянная кружка с обкусанными краями. Варвар облокотился о стойку и, наблюдая за действиями кабатчика, который усердно возил по стойке тряпкой, принялся потягивать пиво.

Дурной это был напиток, с привкусом гнили, с горечью, но искать сейчас лучший в другом кабаке не было никакого желания.

За спиной Конана вдруг раздался отвратительный, громкий хохот и удар по столу.

— А я тебе говорю, что это я прикончил его! — орал мужчина в одежде наемника, перегнувшись через стол и давя животом кружку. — Я, я — и никто иной, как я! — Кулак мужчины поднялся и опустился на стол.

— Ты был пьян! — заявил его собеседник.

— Ничуть! — Мужчина подался назад и грохнулся на табурет.

— Но как же ты мог убить его, когда он уже год как мертв!

Наемник сграбастал со стола кружку, которую только что пытался раздавить и удивленно заглянул в нее. Взгляд его перекочевал в сторону кабатчика и на мгновение задержался на Конане.

Кабатчик нагнулся и вдруг легко перепрыгнул через стойку, неся кувшин с пивом. Лицо его при этом лихом прыжке осталось все таким же скучающим и равнодушным.

Кувшин остановился на столе, а кабатчик, получив мзду, вернулся на место тем же образом. Конан был единственным, кто с любопытством наблюдал за перемещениями кабатчика. Другие посетители не обратили на его кульбиты никакого внимания.

— Нет, — повторил наемник, отхлебнув прямо из кувшина, пена струилась по его подбород-

ку. — Ничего подобного. Старый царь был жив. Он был жив, когда я его убивал!

— Вечно ты придумываешь что-нибудь несусветное, Макробий! И как тебе только такая чушь в голову приходит!

Макробий подпрыгнул на своем сиденье и зарычал. Кувшин опустился на голову собеседника, который на сей раз внял аргументу Макробия и стукнулся лбом о стол, а затем повернулся на щеку. Осколки соскользнули с мокрого темени.

— Ничего я не придумал! — сказал Макробий и огляделся. — Что, кто-нибудь еще тоже считает, что я это придумал?

Посетителей в кабаке было не очень много — и самым заметным среди них был Конан. Макробий, похоже, предназначал свой вопрос именно для него.

Конан молча пил пиво, но глаза его не отрывались от разъяренного лица наемника.

Макробий поднялся и, сжимая в руке то, что осталось от кувшина, направился прямо к Конану.

Кабатчик опять перемахнул через стойку и покачал головой.

— Не люблю, когда в моем приличном заведении выясняют отношения подобным варварским способом, — произнес он.

— А кто тебя спрашивает, червяк? — поинтересовался Макробий. — Я обращаюсь не к тебе, а вон к тому типу, что прячется за твою спину.

Он преувеличил. Конан никак не мог спрятаться за спину кабатчика, поскольку тот был раза в полтора меньше его.

— Я поговорю с ним, — сказал Конан.

— Не вмешивайтесь, — заявил кабатчик, не оборачиваясь. — Это мое дело. Он снижает престиж моего честного заведения.

Конан не считал, что можно каким-либо образом снизить престиж этого кабака, у которого, по его мнению, вовсе не было никакого престижа, но спорить с хозяином не стал. В конце концов, должны быть у человека какие-нибудь иллюзии, иначе ему трудно жить.

— Вы еще разговариваете, слизняки? — спросил Макробий. — Ну, теперь я с вами поговорю.

Он бросился вперед, но кабатчик шагнул в сторону и, воспользовавшись инерцией его тела, послал его головой в стену стойки. Доски были прочные — они выдержали удар. Послышались громкий стук и жуткие ругательства. Голова Макробия тоже оказалась прочной.

Он попытался встать, но кабатчик решил не давать ему шанса. Он прыгнул ему на спину и ударил ногой по затылку. Макробий ткнулся лицом в пол.

Совершив все это, хозяин заведения невозмутимо вернулся на место.

— Вы, кажется, хотели поговорить с ним? — спросил он, обращаясь к Конану.

— Да, пожалуй, — ответил Конан.

Он оценил благородство кабатчика. Иногда и в людях низких профессий скрывается высокая душа. Макробий поднял окровавленное лицо и потрогал свой нос, который от грубого прикосновения хрустнул. Макробий взмыл.

Конан наклонился к нему.

— Я бы хотел уточнить: при каких обстоятельствах ты убил старого царя? — спросил он. — Если ты мне все скажешь, то я оставлю тебе жизнь.

Макробий все еще не верил, что повержен, и пытался сопротивляться. Несколько легких ударов ногой в челюсть вернули ему чувство реальности.

— Я скажу, — заявил он, выплюнув крошки зубов.

Кабатчик принял участие в судьбе разоблаченного наемника и убийцы. Он помог отвести его в отдельную комнату. На лестнице выяснилось, что кабатчика зовут Кулем. Он происходил из семьи благородной, но бедной. Все его предки занимались воинским ремеслом и вынужденно скитались по миру. Кулему это показалось неудобным, и он попытался осесть, заработав немного денег. На паях с неким Мааром он купил этот кабак.

В комнате Кулем с помощью нескольких действенных приемов, от которых даже Конана пепередернуло, напомнил Макробию, что у человека имеются веские причины, чтобы изъясняться правдиво и членораздельно. Макробий оказался понятливым, и напоминание не пришлось повторять дважды.

— Как я убил старого царя? Изволь. Мы прошли через подземный ход, — принял рассказывать он. — Нас провел сам министр Тайных покровителей, Линфань. Он открыл ход и запер его за нами. Никто не знает, что этот ход существует. Мы

прошли в сад Тайных покоев и взяли старого царя, а царицу заключили под стражу. Во дворце Тайных покоев — вот где это было. Там она и сидит, царица.

— Кто ваш предводитель? — спросил Конан. — Кто все это затеял и для чего?

— Ривал. Он хочет сам стать царем. Он хочет, чтобы Аринна добровольно согласилась стать его женой — тогда он станет царем. Мы взяли старого царя, вывели его из сада и убили в одной из комнат для гостей. Так приказал Ривал. Он не хотел, чтобы старик жил. Он почему-то боялся старика. Но старик был очень плох. Он ничего не говорил и вообще находился при смерти. Убить его было просто. Я перерезал ему горло, и он даже улыбнулся после смерти.

Кулем не удержался и пнул Макробия в живот.

— Убирайся, ты свободен, — сказал Конан.

Макробий попытался встать. Но Кулем не позволил ему сделать это. Неуловимое движение рукой — и лицо Макробия, на котором начала появляться робкая улыбка, вдруг потеряло выражение. Наемник повалился на пол, ударившись головой о табурет и опрокинув его.

— Так лучше, — пояснил Кулем. — На пару часов он забудет о своей судьбе. Я заплачу парням, чтобы они вытащили его за город и оставили. Думаю, ему не захочется возвращаться. Он совершенно не опасен.

Конан сидел на каменном сиденье, смотрел в окно и ждал. Вокруг было тихо, и он слышал, как ветер шуршит в ветвях деревьев.

* * *

Конан хорошо запомнил, где находится дом Линфания, и ему не составило особого труда влезть на стену. Двор был темен, окна все были закрыты ставнями. Откуда-то доносились приглушенная визгливая музыка.

Конан мягко спрыгнул на землю и услышал тихий стон. Сделав несколько шагов он наткнулся на что-то теплое и мягкое. Луна выглянула из облаков и пролила на землю свой скромой, прозрачный свет. Во дворе стоял столб, к которому была привязана девушка. Голова ее склонилась на грудь, глаза были закрыты. Она снова простонала.

Наверху хлопнула ставень. Конан прыгнул под дом, в тень. Свет из открытого окна упал на девушку.

— Заткнись, дрянь! — произнес смутно знакомый голос. — Ты мешаешь нашему господину наслаждаться музыкой! — И на девушку выплеснули воду.

Она подняла голову и открыла глаза. Взгляд ее уперся в Конана.

Он улыбнулся ей и приложил палец к губам. Девушка снова закрыла глаза. Свет, падавший сверху, сузился и исчез.

Конан пошел вдоль стены, прислушиваясь.

Он нашел окно, из-за ставней которого не доносилось ни звука. Подпрыгнув, варвар ухватился за карниз, подтянулся и лег на карниз животом. За ставнями по-прежнему было тихо. Лезви-

ем ножа Конан открыл ставни и впрыгнул в комнату. Пол был покрыт мягким ковром. На ковре темнело несколько предметов.

Конан закрыл окно и очутился в полной темноте. Он опустился на корточки и двинулся вдоль стены к выходу из комнаты.

Не успел он пройти и половину пути, как дверь неожиданно открылась, и в комнату вошел человек с фонарем и мечом. Волосы человека торчали хвостом над теменем. Лицо его было круглым, а глаза выпученными. Он поднял фонарь и огляделся.

Увидев Конана, пучеглазый бросил фонарь и перехватил меч обеими руками, приняв боевую стойку.

Конан оружие вынимать не стал. Он наклонился, поднял с пола тяжелую глиняную чашу и кинул ее в голову пучеглазому.

Человек уклонился, при этом на мгновение потеряв Конана из виду и тем самым предоставив варвару достаточно времени, чтобы сорвать со стены гобелен с изображением трех львов, нападающих на слона. Пучеглазый вскрикнул и снова бросился на северянина, но кинутый в него гобелен, заставил его сражаться с тьмой. Конан шагнул к пучеглазому и попросту свернул ему шею.

На убитом были плащ и высокая шапка. Конан надел плащ и шапку, поднял фонарь и меч. Визгливая музыка доносилась откуда-то сверху. Конан быстро сориентировался. В прошлый раз, когда он находился здесь в путах, он был доста-

точно внимателен к деталям и запомнил расположение комнат.

Одна из дверей у лестницы вдруг открылась, и в проем выглянула лохматая голова. Узкие глаза поморгали.

— Это ты, что ли? — спросила голова.

— Я, — сказал Конан.

— Эй, — не поверила голова, — ты кто?

Конан прыгнул вперед и отрубил голову. Из-за двери выпало остальное. С сожалением Конан увидел, что это была раздетая женщина.

За другими дверьми раздались покашливания, поскрипывания, неопределенные возгласы. Конан не стал дожидаться, когда появиться много голов. Ему вовсе не улыбалось стать кровавым жнецом.

Он взбежал по лестнице и вышиб дверь ногой. Открылась спальня. На огромной кровати барахтались двое: нагая женщина и полуодетый, в широко распахнутом халате, мужчина. Женщина сидела над мужчиной и играла на инструменте, состоявшем из бурдюка и нескольких флейт, прикрепленных к нему. Мужчиной был Линфань.

Он вскрикнул, увидев Конана, и мгновенно покрылся потом. Кожа его заблестела в свете нескольких красных фонарей.

Женщина оставила свой инструмент, соскочила с кровати и направилась навстречу непрощенному гостю.

Женщина была необычно сложена. Широкие плечи, крепкие мускулистые руки, чересчур твердые бедра. Плоский живот был заметно напря-

жен. Все мышцы выступали рельефно, как у борца-мужчины. Конан смущенно опустил взгляд. Ему казалось неприличным такое тело. Слишком грубым и несовместимым с женским естеством.

Женщина не обратила на мнение Конана никакого внимания. Она не думала об этом. Она вообще ни о чем не думала. Ее ноздри раздулись, она закричала и бросилась вперед.

— Убей его! — завопил толстяк, и маленькие ручки его взметнулись к потолку, словно он был убежденным солнцепоклонником.

Конан отступил к двери, но женщина оказалась чересчур настойчива. Она прыгнула и ударила его обеими ногами. Меч полетел в одну сторону, Конан — в другую, на стену с шелковой драпировкой.

За драпировкой оказался камень. Конан почувствовал его лопатками, когда сползл вниз. Женщина склонилась над ним с жестким лицом и осколенными зубами.

Таким образом бить женщин вообще-то не следует, но другого выхода попросту не оставалось. Мускулистая красавица протянула руки, явно намереваясь свернуть Конану шею. Киммериец был решительно против этого. Он ударил женщину ногой в низ живота. Лицо красавицы стало гораздо мягче. Еще мягче оно стало, когда Конан направил кулак женщине под грудь.

— Убей его! — все еще орал Линфань, прыгая на кровати.

— Он не понимает, — сообщил красавице Конан, прежде чем сделать с ней то, что она сама

хотела сделать с ним. Позвоночник красавицы хрустнул.

Линфань сел на подушки и тоненько заверещал, закрыв лицо руками.

— Ты нужен мне живым, — сказал Конан, подхватывая его за воротник халата.

— Да, да! — радостно согласился министр.

Они спустились по лестнице.

Внизу стоял великан в одной набедренной повязке, держа в руках лохматую голову женщины. Ту самую, которую отрубил Конан. Лицо великаны выражало горе.

Услышав шаги, он поднял взгляд, и его лицо перекосилось от злобы. Он зарычал.

— Убей его, Гермотим! — вскрикнул Линфань, вырываясь от Конана и скатываясь по ступеням.

Гермотим отбросил отрубленную голову и пошел прямо на Конана, расставив руки и переваливаясь, как медведь. Киммериец усмехнулся. И с усмешкой на лице отправился навстречу великану.

Он намеревался покончить с неуклюжим защитником Лифаня одним ударом, но удара не получилось.

Когда до великана осталось два-три шага, он неожиданно прыгнул и нанес сильный удар по руке Конана. Меч киммерийца вылетел и вонкнулся в колонну.

Кулак Гермотима снова рассек воздух, но до виска Конана не добрался. Киммериец уклонился, с запозданием поняв, что перед ним серьезный противник. Он схватился за рукоять своего

меча и потянул его, но колонна не собиралась легко отдавать добычу.

Гермотима позабавил вид Конана, пытающегося выдернуть свой меч. Великан отступил с громогласным смехом. Однако он был вынужден прервать веселье, как только оступился и полетел спиной на каменный пол, размахивая руками. Великан был очень удивлен — никакого препятствия, о которое можно было споткнуться, прежде на полу не имелось.

Лохматая голова женщины хрустнула под его стопой, и великан ударился затылком о стену. Сознание оставило бедолагу ненадолго, но этого хватило, чтобы Конан выдернул меч и рассек Гермотиму шею. В тот момент, когда лезвие заканчивало свою работу, великан очнулся и снова зарычал, но это только ускорило отделение головы от туловища.

Конан огляделся. Линфаня нигде не было.

* * *

Аринна стояла у окна и смотрела на сад Тайных покоев. Был полдень. Птицы на медных ветвях принялись чирикать, свистеть, щелкать. Спина стражи, стоявшего среди деревьев, была неподвижна.

— Эй, слуга! — окликнула Аринна.

Страж обернулся. Его лицо словно начали лепить из глины, но вдруг остановились и забыли сунуть в печь. Цвет у него был соответствующий. Он заметил царицу в окне и осклабился.

— Госпожа желает что-нибудь? — спросил он.

— Да, твоя госпожа очень-очень желает, — сказала Аринна. — Я хочу увидеть свою маленькую служаночку Кецуву. Чтобы она принесла сюда все, что полагается в Днях луны, и чтобы помогла мне. Позови мне ее немедленно!

Страж улыбнулся еще шире. Так он пялился на царицу несколько мгновений, прежде чем расхохотаться, схватившись за живот, словно у него случился какой-нибудь приступ.

— Я понял! — Он с силой хлопнул себя по животу. — Понял!

Он словно был поражен тем обстоятельством, что царица, это почти неземное существо, подвержена тому же ежемесячному недугу, чему и любая простая женщина, что она так же грязна и ей свойственно то же, что и низкой потаскунке из дешевой таверны!

Он повернулся и проорал в сторону выхода:

— Мерхар! Кецуву сюда! Для Дней луны! И скажи Ривалу!

Он не стал оборачиваться. Он похояхтывал и мотал головой, как лошадь.

Кецува появилась в сопровождении Ривала. Она несла лакированную коробку, прикрытую куском белого шелка. Ривал был, как всегда, серьезен.

— Госпожа! — промолвила Кецува, увидев царицу.

Аринна промолчала. В Дни удаления полагалось молчать, и служанка не удивилась этому.

— Займитесь своим делом! — приказал Ривал.

Он тоже отвернулся. Аринна задернула полу-прозрачный занавес и села в кресло. Кецува опустилась у ее ног и открыла коробку. Кецува была слегка озадачена тем, что Дни луны начались на неделю раньше, но начать расспросы не посмела.

Аринна приподняла платье. Кецува достала из коробки свернутый лист лунного дерева, приблизилась к лону царицы и обнаружила, что Дни луны еще не начались. Она подняла к лицу Аринны удивленный взгляд.

Царица покачала головой и, взяв лист, развернула его и принялась шпилькой царапать на нем знаки. Кецува происходила из знатной семьи, где девочек обучали тайному женскому языку — поэтому она легко прочитала написанное царицей:

«Я пленица. Если я заговорю с тобой, тебя убьют. Я не доверяю никому из придворных. Найди чужеземца по имени Конан».

Царица уколола свой палец шпилькой и выдавила на лист немного крови. Кецува с поклоном приняла лист и спрятала его в коробку.

— Ну, вы там все? — осведомился Ривал.

Кецува поцеловала коленку царицы и вышла.

Луна улыбалась. Конан шел вдоль стены дворца, посматривая на прорези бойниц. Тени под стеной и с другой стороны улицы бегали быстрее обычного. Конан следил за ними боковым зрением.

Он чувствовал, что сегодня тени вновь попро-

буют его силу. Он не ошибся. Тень бросилась к нему возле северо-восточного угла дворца.

Невысокий демон с длинной головой бежал, подпрыгивая. Маленькие ноги мелькали с такой скоростью, что нельзя было определить сколько их. Рот его был открыт, и длинные иглообразные зубы сверкали в лунном свете.

Конан выхватил меч и рубанул нападавшего. Меч прошел сквозь демона легко, словно сквозь масло. Крови не было. Демон разделился надвое. С ужасом Конан увидел, что вместо одного зубастого демона перед ним двое, только в два раза меньше первого.

Посыпалось что-то вроде хихиканья, и демоны атаковали снова. Конан вновь разрубил одного и отпрыгнул к стене. Теперь перед ним приплясывали три демона. Два очень маленьких и один побольше. Они непрерывно хихикали. Конан стоял у стены и тяжело дышал. Демоны остановились. Ног, как выяснилось, у них было по пять.

Демоны снова бросились на Конана.

Он разрубил того, который побольше, а одного из мелких пнул ногой. Второму удалось добраться до ноги Конана, и острые зубы разорвали грубую кожу сапога. Конан подпрыгнул и наступил на мелкого демона. Существо оказалось достаточно хрупким. Посыпался звук, с которым ломаются кости, — и демон под ногой киммерийца раздался в стороны и лопнул. Другие завизжали, как поросенка при виде волка, пробравшегося в свинарник, и кинулись прочь.

Конан не остановился на этом. Он догнал нескольких демонов — одних раздавил, других располовинил. Некоторые из демонов стали теперь не больше мыши. Они бежали в тень, но Конан беспощадно преследовал их и убивал.

Он мог бы продолжать свое занятие, однако его отвлек крик. Кричала женщина. Она звала на помощь.

Конан молча бросился на зов. Сзади раздалось едва слышимое хихиканье. Конан на мгновение остановился и обернулся — хихиканье стихло.

На центральной улице, в сорока-пятидесяти шагах от дворцовых ворот возле стены трое молодых людей склонились над поверженной на землю девушкой, собираясь учинить непотребное. Конан заключил это из того факта, что девушка звала на помощь. Будь она другого нрава, она бы не кричала.

— О, господин! — обратилась она, увидев Конана.

— Девушка вас не хочет, — сообщил парням Конан.

Молодые люди оставили девушку и уставились на киммерийца.

— Тебе что, жизнь опротивела? — развязным тоном осведомился один из них.

— Нет, а тебе? — ответил Конан.

Парни повытаскивали из ножен короткие мечи и с угрожающим видом, раскачиваясь, пошли на Конана. Время от времени они вскрикивали и делали резкие движения.

— О, господин! — повторила девушка.

Конан стоял, не двигаясь. Парни ему не нравились. Лица их трудно было назвать лицами, они, скорее, походили на морды обезьян. Ни сожаления, ни уважения они не вызывали.

Конан перестал изображать из себя истукана и мгновенно перешел из неподвижного состояния в подвижное. Меч его, упирающийся кончиком в мостовую, вдруг прочертил кровавые линии на телах молодых людей: у одного — на груди, у другого — на животе, у третьего на шее. Ни один из них не осознал смерть другого. Они были заняты собственными смертями. Умерли быстро, особо не мучаясь.

— Вам помочь? — спросил Конан, подойдя к девушке и протягивая ей руку.

— Да, — сказала девушка, тем не менее, поднимаясь сама. — Я ищу чужеземца по имени Конан. Может быть, вы смогли бы указать мне на него...

Конан ткнул себя пальцем в грудь.

— Это я, — пояснил он.

— О, господин! — в третий раз повторила девушка и кинулась целовать ему руку. — Я так и знала, что это вы! Вы осенены божественной благодатью! Богиня ведет вас! Богиня свела меня с вами! Я так и знала, что эти парни — просто тени, посланные мне, чтобы призвать вас! О, да, царица не ошиблась! Вы — тот, кто спасет нас... — Девушка клонилась все ниже и ниже и опустилась на колени.

— Встаньте и расскажите все, как следует, — велел Конан.

— Да, да, — ответила девушка. — Меня зовут Кецува, я послана царицей Аринной за вами. Конан огляделся.

— Не стоит говорить в таком месте, — заявил он. — Я знаю место получше. Там, может быть, не слишком хорошо пахнет, зато хозяин — отличный парень, и мы спокойно побеседуем о чём угодно, не опасаясь шпионов.

Кецува согласилась.

* * *

Кулем принял Кецуву и Конана с распластанными объятиями. Он отвел парочку в отдельную комнату и шепнул Конану, что с наемником все в порядке.

Комната была квадратной. Скамьи тянулись по трем стенам, кроме той, где имелся вход. Они были очень широкими, на них можно было спать. Посередине стоял квадратный стол. На нем — подсвечники с ароматными свечами.

Кулем принес все самое лучшее из сладостей, что у него нашлось, — конфеты, сладкие пирожки, орехи, халву. Затем он доставил большое деревянное блюдо с копченым мясом в остро-сладком соусе, по краям блюда была выложена зелень трех сортов.

— Ты будешь пиво или вино? — спросил Конан у девушки. Она зарделась и молчала.

— Вино, — решил Конан. — Слабенькое, но сладкое. Надеюсь, у тебя есть что-нибудь стоящее, Кулем?

Лицо Кулема вытянулось еще более, он хмыкнул и ушел.

Кецува принялась рассказывать обо всем, что произошло во дворце, с такими подробностями, что Конан почувствовал неловкость, будто находился при отправлении высочайших сугубо интимных нужд.

— Но что же это я, — опомнилась Кецува. — Вам же не это интересно! — И она слово в слово передала записку царицы. — Что же нам теперь делать? — спросила она.

— Доверьтесь мне, — ответил Конан, понятия не имея, что делать.

— Я вам уже доверились, — объявила Кецува.

Конан задумался. Ему вспомнилась царица — какой он увидел ее в夜里. Она была прекрасна, она благоухала, как цветок в райском саду. Конан снова захотел увидеть ее и заключить в объятия. Сердце его забилось неровно.

Кулем вернулся и водрузил на стол красный глиняный кувшин с рисунком в виде длинноногих птиц. Другой рукой он поставил два серебряных кубка — большой и маленький. Кецува схватила маленький и засмеялась от смущения.

Кулем наполнил ее кубок. Вино пахло совсем недурно. Конан наполнил свой кубок сам, пригубил из него и убедился, что вкус соответствует запаху.

— Я должен попасть во внутренние покои, — сказал Конан, когда Кулем ушел. — Ты сможешь провести меня? Если я попаду в сад, я найду, что сделать!

— Я проведу вас. Встретимся через два часа. — Кецува отставила свой кубок, вскочила и объяснила в точности, где должны они встретиться. — Богиня ведет вас, я верю! — сказала она напоследок.

* * *

Кулем оставил кабак на попечение напарника и пошел наверх спать.

Рабыня поджидала его. Она уже согрела ему постель и, накрывшись с головой одеялом, читала вполголоса молитву о ниспослании ей живительной мужской влаги. Кулем почувствовал поднимающееся в нем желание, но потом увидел высунутую из-под одеяла ногу рабыни, и желание пропало.

— Сойди! — приказал он.

Рабыня послушно выскользнула и свернулась калачиком на коврике возле кровати. Черные волосы, белая тонкая кожа — рабыня происходила из знатного, но разорившегося рода, который докатился до того, что отцы стали продавать собственных дочерей. Эта девушка обошлась своему владельцу в немалую сумму.

Кулем принялся раздеваться и встал на коврик.

Рабыня прижалась нежной, едва сформировавшейся грудью к его щиколотке и спросила:

— Господин желает, чтобы ему размяли ноги?

Кулем размотал набедренную повязку и повалился на постель.

— Потом, Марьям, потом, может быть, — сказал он. — Не сейчас.

Сон быстро смежил ему веки.

Проснулся он от едва слышного хихиканья.

— Марьям? — спросил он.

— Да, господин? — немедленно отозвалась девушка.

Кулем вздрогнул. Он пугался способности Марьям бодрствовать всегда, когда бодрствует он. Он подозревал, что она вообще не спит — и это было страшнее всего.

— Ты не спала?

— Нет, я только что проснулась. Я услышала, как проснулся господин, и проснулась.

— А ты слышала, как кто-то хихикает? Ты слышала?

— Нет, господин.

Кулем не поверил ей, но все равно ему было приятно.

Снова раздалось едва слышное хихиканье.

— А теперь? — спросил Кулем.

Вместо ответа Марьям взвизгнула.

— Ай! Меня укусили! — завопила она. — Ай!

Кулем нагнулся с кровати и схватил Марьям.

— Иди сюда, — сказал он.

Рабыня перебралась к нему на кровать. Он почувствовал что-то у своей ноги. Это что-то быстро продвигалось вверх. Кулем вскочил и поймал это. Оно слабо укусило его за палец. Кулем с силой сжал кулак. Существо в кулаке пискнуло и затихло.

— Зажги свет! — приказал Кулем.

Марьям зажгла фонарь у кровати. Кулем раскрыл кулак и увидел на ладони маленькое существо, какое-то неизвестное насекомое с пятью ногами. Насекомое было раздавлено.

Кулем в отвращении сбросил насекомое на пол.

— Надеюсь, оно не ядовито, — сказал он.

Хихиканье раздалось опять. Кулем спрыгнул с кровати и кинулся на другое насекомое, с удовольствием раздавив его. На лице Кулема отразилось чувство отрешенной радости. Снова услышав хихиканье, да не из одного места, а из нескольких, он взвился и стал красен лицом.

— Дави их, дави! — крикнул он и последовал собственному призыву.

Марьям закрыла лицо ладонями и тихонечко заныла.

— Марьям! — завопил Кулем. — Марьям, дави!

Но она не смогла заставить себя спуститься с кровати. Эти маленькие существа казались ей зловещими. Что-то демоническое было в них, что-то из самой глубины мрачной преисподней.

* * *

Конан остался сидеть в кабаке и после того, как проводил Кецуву и Кулем тоже ушел. Напарник кабатчика, второй пайщик заведения, нравился киммерийцу куда меньше. Он был гораздо толще и не перескакивал через стойку, а медленно и величественно огибал ее, неся свой живот, как атрибут царского достоинства.

Он предложил Конану комнату наверху, где можно спокойно выспаться, но киммериец не испытывал желания спать. Дикое возбуждение блуждало в нем. Он даже представить себе не мог, что глаза иногда имеют свойства крепко закрываться, а сознание — выпадать из реальности.

Прошло около двух часов, и Конан с радостью оставил питейное заведение и поспешил на условленную встречу.

Кецуву он увидел издалека. Она шла как-то странно, будто ее подталкивали сзади, а она упиралась и идти не хотела.

— Кецуву! — воскликнул Конан. — Что-то не так?

Девушка сморщила лицо, словно от зубной боли, и помотала головой.

Слезы блестели у нее на щеках.

— Я предала! — закричала она и вдруг неестественно резко выгнулась назад. Рот ее открылся, из него потекла струйка крови, глаза сделались стеклянными.

Затем она упала вперед, и из тени позади нее вышел мужчина в зачерненных доспехах. Лицо у него тоже было покрыто черной краской.

— Дура! — сообщил он. — Могла бы и жить... — И добавил, обращаясь уже конкретно к Конану: — в отличие от тебя... Убьем негодяя!

Его сообщники отозвались нестройными воплями, выскачивая из тени, и бросились на Конана.

Он встречался с этими господами раньше — во дворце, когда собирался свидеться с карликом

Аринны. Тогда их было чуть больше, но сейчас они оказались гораздо более злыми.

Конан обернулся и увидел, что с другого конца улицы к нему тоже приближаются вооруженные люди. Конан выхватил меч и кинулся в их сторону.

Меч киммерийца запел свою смертоносную песнь. Первый из врагов, бежавший с поднятой над головой дубиной, вдруг споткнулся, наткнувшись на кончик его лезвия, и с удивлением посмотрел вниз. Он увидел, как из разреза на животе вываливаются внутренности. Выронив дубину, нападающий попытался ухватиться за края раны, но тщетно...

Другой противник обнаружил у себя в сердце нечто острое и холодное, и силы оставили его, а ноги перестали слушаться. Третий оказался проворнее и сумел отбить чужой клинок.

Конан отпрыгнул, отражая ответный выпад. Его нога попала на что-то скользкое. Он пошатнулся, и второй удар вражеского меча заставил его отступить к стене, едва не лишив при том руки. Конан уперся лопатками в стену и исхитрился попасть клинком в пах противника, посчитавшего, что дело сделано и остается только добить жертву.

Воин, убивший Кецуvu, подоспел как раз вовремя, чтобы падающее тело соратника помешало ему как следует воспротивиться удару Конана.

Меч Конана легко разрубил кольчугу, кожаную куртку и позвоночник противника. Враг упал и некоторое время корчился на земле, пы-

таясь избавиться от опостылевшей жизни. Конан не пожелал больше тратить на него сил.

— Демон! — воскликнул один из воинов, и Конан уважил его мнение, с одного взмаха отрубив ему голову.

Кровь брызнула в глаза Конана, и киммериец на мгновение перестал видеть.

Этого оказалось достаточно, чтобы пропустить удар по голове.

* * *

Убивать поверженного противника никто не стал. В красном свете Конан смутно видел склоненные над ним лица и слышал разговоры о том, что Линфань-де с удовольствием позабавится с варваром в пыточной.

Пленника связали и понесли. Он видел над головой закопченные потолки, обонял множество различных запахов, среди которых преобладали ароматы земли, пота и горящего лампадного масла.

Подземелье оказалось на редкость сырьим, словно из него только что откачали воду. Аязгнула дверь, и Конана втолкнули в камеру. Он упал лицом в дурно пахнущую, начавшую гнить солому. Свет проникал сквозь маленькое слуховое окошко, выходящее в коридор с горящими лампами.

Конан ворочался, пытаясь ослабить путы, и постепенно это ему удавалось. Протрудившись несколько часов, киммериец почти почти освобо-

дил ноги. И это обстоятельство сильно помогло ему, когда над ухом заверещали крысы, и Конан обнаружил двух серых хищников с голыми хвостами, которые целенаправленно приближались к пленнику.

Конан никого не собирался кормить собственным телом. Он считал, что оно ему самому еще понадобится. Крысы, похоже, не разделяли его мнения.

Они собирались начать с его щек. Киммериец ощутил прикосновения их гадких усов и зарычал в ответ. Это крыс не образумило. Пришлось вскочить на ноги и раздавить одну из особо нахальных хищниц, чтобы вторая сообразила, кто здесь сильный, и скрылась.

— Слыши, как бы они его не сожрали, — послышался голос из-за двери. — Слыши, как пищат.

— Ничего, — отозвался второй. — Для Линфания останется.

— Думаешь? А если все-таки не останется?.. Пойдем, шуганем...

— Да не... Вот уже и не слышно ничего. Слышишь?

— Ну ладно, бросай...

Конан снова с тихим стоном повалился на солому. Крыса заверещала и принялась шуршать. Конан лежал неподвижно, стараясь дышать ослабленно, как во сне.

Крыса осмелела и принялась подбираться к человеку. Она долго не решалась выйти на середину камеры, то и дело возвращаясь к стенам, но

в конце концов голод победил благоразумие. Крыса вдруг сорвалась с места и кинулась на Конана.

Барбар тотчас вскочил и наступил крысе одной ногой на хвост, другой — на голову. Крыса верещала и скребла лапами, но ничего поделать не могла.

— Слушай, — сказали за дверью. — Я пойду проверю. Если пленник умрет, нам достанется...

— Пожалуй, ты прав, сходим вместе.

Загремели ключи, и дверь стала открываться. Конан прыгнул к двери и боднул голову тюремщика с ключами. От сильного удара стражник выронил связку и повалился назад, на руки напарника.

— Сильная Шеват! — воскликнул тот.

Второго такого ловкого удара у киммерийца не получилось. Оставшийся в сознании тюремщик бросил поверженного друга и ударился в бегство. Пути на ногах не позволяли Конану участвовать в погоне.

Тюремщик скрылся, поднявшись по лестнице.

Конан склонился над потерявшим сознание человеком и зубами выдернул у него из ножен короткий широкий меч, больше похожий на оружие мясника, чем на оружие воина.

* * *

Кесси лежал на циновке под окном и с недоумением смотрел на хозяйку. Он всегда смотрел на нее с недоумением. Таков был его странный

собачий характер. В пасти у него была зажата деревянная игрушка — статуэтка Иштар, одна из тех, что он еженедельно по одной использовал для оттачивания зубов.

Женщина в полупрозрачной розовой накидке лежала на кровати, застеленной шелком цвета горного ледника. Голова женщины наполовину свисала с кровати и черные волосы опускались на ковер, вытканный узором «цветы и бабочки».

— Ах, Кесси, друг мой, — проговорила женщина. — Ты — единственный, кто не изменял мне, кто не интересуется другими женщинами... — Кесси приподнял брови в знак того, что страшно удивлен. — Впрочем, я, конечно, не права. Извини. Тебя ведь интересуют суки...

Кесси вскочил с выражением восторга и от полноты чувств даже выронил статуэтку. Слюна полилась у него изо рта.

— Ах, Кесси! Фу... Ну до чего ты неотесан! Это же ведь так грубо! Разве можно с таким откровением проявлять свои чувства? Кесси, друг мой, чувства нужно скрывать... Но это неважно. Ты ведь знаешь, Кесси, как я люблю тебя. Ты — мое самое родное существо. Не то, совсем не то, что этот гадкий, отвратительный, самоуверенный мужлан Конан. Что он, в конце концов, о себе думает? Где его носит? Будь моя воля, я бы привязала его к столбу для пыток и изодрала бы в клочья его ягодицы! Изодрала бы самой жесткой плетью с вшитыми шипами! Да, да! — Женщина вскочила, и накидка упала с нее.

Кесси опустился обратно на циновку. Он ни-

чего не понимал в красоте женщин. Хозяйка подбежала к нему и опустилась перед ним на колени. От нее так жутко несло благовониями, что пес чихнул.

Женщина рассмеялась.

— Впрочем, зачем он нам? — сказала она. — Он нам ни к чему. И бить мы его не будем, И тем более — давать ему воды из наших колодцев. Ты знаешь, Кесси, он ведь, по-моему, не знает, почему воздвигли этот город. Он думает, что это самые обычные колодцы... Интересно, что бы он сказал, если бы узнал правду? Если бы он узнал, что тебе, Кесси, сто лет, а мне — сто пятьдесят? — Женщина вскочила и вернулась на кровать, снова завернувшись в накидку. — Он — глупец... Да, да — в этом нет сомнений. Но каков глупец! — Женщина вздохнула. — Каков глупец! — сладко повторила она, откидываясь на подушки.

Теперь Кесси видел только край ее бедра. Песик взял статуэтку Иштар и покрепче сжал ее в зубах. Глаза он закрыл, чтобы внешний мир не мешал внутреннему.

* * *

Западный колодец, самый большой из трех, обычно открывался в полдень. Но на сей раз это произошло на рассвете. И открыли его не служители. Он распахнулся сам, изнутри. Нищенка, спавшая на мешках с мусором, проснулась от протяжного жуткого звука.

Она открыла глаза, не понимая еще, что разбудило ее, и взглянула на двери в стене колодца. Она была молода, хотя из-за рваной одежды и несмываемой грязи выглядела, как старуха. Но когда до нее дошла истинная причина ее раннего пробуждения, она в мгновение ока стала настоящей старухой.

Двери колодца были развернуты, и сквозь них изливалось наружу море жутких существ. Одни были без голов, другие, наоборот, могли похвастаться наличием нескольких голов, а имелись и такие, у кого головы слипались с другими. В отношении рук и ног творилось то же самое.

Размеры существ были различными — одни не достигали величины мыши, а иные превосходили слона.

Существа высыпали на площадь с криками, завываниями, свистами — и принялись давить и крошить навесы, шатры, помосты, разрывать тюки с товарами, раскалывать бочки с пивом, вином и маслом.

Нищенка вопила, не в силах сдвинуться с места, пока один из демонов не заставил ее умолкнуть навсегда, ударом когтистой лапы разорвав ей грудь и выдернув сердце. Демоны помельче кинулись на нищенку и без остатка сожрали ее.

Рабы, спавшие в щатрах ближе к центру рыночной площади, проснулись и выскочили с палками, намереваясь защищаться. Нескольких демонов им удалось убить, но сопротивление было быстро смято более мощными чудовищами. Люди были затоптаны и частично съедены.

Лицо Шеват, обращенное к западу, исказилось гневом. Весь храм пришел в движение. Холодный мертвый камень вдруг стал плотью. Из окон храма потянулись черные щупальца с шипами и присосками, похожими на рты миног. С шуршанием щупальца пересекли площадь западного лица и перекинулись через стену базарной площади.

Западный рот Шеват открылся, из него высунулся длинный зеленый язык — и богиня закричала.

От этого крика проснулись горожане. Они с ужасом вскакивали с постелей и спрашивали друг друга, что же случилось. Большинство знало ответ, но не хотело верить этому.

Легенда гласила, что город умрет, когда богиня вскрикнет.

Так могла кричать только богиня.

Щупальца Шеват достигли центра базарной площади, где демоны пировали останками людей и других демонов. Наиболее сообразительные из выходцев из преисподней сразу бросились спасаться от щупалец. Остальным понадобилось несколько наглядных примеров.

Первой жертвой гнева богини пало четырехногое мохнатое существо с тремя маленькими головами, из спины которого торчало не меньше десятка розовых скрюченных рук, похожих на ручки младенцев, умерших в утробе матери.

Щупальце богини схватило ртом-присоской одну из его голов и подняло в воздух. Существо дрыгало ногами и вопило. Шипы входили в его

плоть и прорастали сквозь нее. Они пронзили существо насквозь, и только тогда оно умолкло. Ручки умерших младенцев покернели и отвалились. Щупальце взвилось высоко в воздух, существо слетело с шипов и, разбрызгивая темную кровь, полетело над толпой демонов.

Все произошло в считанные мгновения и не все демоны успели заметить смерть сородича. Многие из них были увлечены едой и не могли остановиться, даже когда их самих начинали рвать на куски.

Погибло еще восемь демонов, прежде чем вся толпа пришла в движение. Демоны кинулись врассыпную. Но щупальца Шеват были всюду. И выходцы из преисподней гибли один за другим.

Убив не меньше половины монстров, Шеват вдруг стала слабеть. Щупальца уже не взвивались в воздух. Крупным демонам удавалось отбиваться, жертвуя небольшими кусками собственных тел. Шеват сосредоточила все силы на борьбе с ними, оставив без внимания мелких врагов.

Именно эти малютки добрались до стен, окружающих рынок, и полезли по ним, составляя из тел друг друга цепочки и пирамиды. Крупные демоны осмелели и сами стали вырывать куски из щупалец богини. Ее крик, до этого непрерывно и монотонно звучавший над городом, начал прерываться. Язык ее западного рта стал клониться, как утративший упругость кнут.

Наконец мелкие демоны перелезли через стену и устремились по улицам.

Люди, которые к тому времени выбежали из

домов на улицы, одни — чтобы выяснить, что случилось, другие — чтобы бежать из города, погибли первыми. Но ни крепкие стены, ни закрытые двери и ставни не спасали тех, кто остался в домах. Демоны лезли через подвалы, через дымоходы, через вентиляционные трубы.

Затем подоспели демоны покрупнее. Они пробили стену, отделявшую рынок от города, и пошли бродить по улицам, кормясь останками погибших и нападая на живых. Иные из больших демонов к этому времени разрослись настолько, что смогли заглатывать людей целиком и убивать их желудочным соком.

Иные горожане успевали покончить с собой прежде, чем демоны добирались до них. Встречались и такие, кто, прежде чем свести счеты с жизнью, умертвляли домашних. Редко когда демонам удавалось слопать живого ребенка.

* * *

Кулем проснулся от крика. Сначала он не понял, что за крик слышит. Он подумал, что это вскрикнула во сне Марьям, но она лежала рядом, безмятежно раскинув руки и улыбаясь как дитя, а крик все продолжался.

Кулем соскочил с кровати, подбежал к окну и распахнул его.

Марьям проснулась.

— Ты слышишь? — спросил Кулем.

Марьям застыла на мгновение, прислушиваясь, а потом завопила, сжав кулаки. Кулем под-

скочил к ней и ударил ладонью по лицу. Марьям затахла.

— Мы успеем! — сказал Кулем. — Одевайся и возьми мои драгоценности! — Он схватил свою одежду в охапку и спустился в залу, одеваясь на ходу.

Его напарник, толстый Маар, скучал за стойкой с тряпкой в руке. Глаза его были обращены вверх. Он задумчиво рассматривал мухиную жизнь, которая кипела под потолком. Звуки снаружи не долетали сюда. Посетителей не было. На стойке стоял кувшин с пивом.

Не обращая внимания на удивление второго пайщика, Кулем схватил его и в несколько глотков прикончил содержимое кувшина.

— Это же для быдла! — воскликнул Маар.

— Открой дверь! — приказал Кулем.

— Зачем? Сами откроют, если надо. А чего мне-то ходить?

Кулем бросился к двери и распахнул ее. Крик богини сказал Маару все. Он открыл рот и выронил тряпку.

Сверху спустилась Марьям. Она была одета. В руке у нее болтался мешок с лямками. Кулем забрал его у Марьям, перескочил через стойку, схватил с полки темно-красную глиняную бутыль и сунул в мешок.

— А как же... — произнес все еще не пришедший в себя Маар.

— Мы тебя ждать не собираемся. Уходи, если успеешь. Идем, Марьям, — обратился к девушке Кулем.

Марьям вышла первой. Она перешагнула через пьяного, лежащего лицом в луже. Он повернулся на спину и открыл глаза как раз в тот момент, когда наложница находилась прямо над ним, и посмотрел вверх.

— О, я в раю? — спросил он и снова обратился лицом к земле.

— В ад! — ответил Кулем. — Беги, глупец! Слышишь, богиня кричит! Мы все бежим!

Марьям взвизгнула. Кулем поднял взгляд и увидел какого-то человека дикого вида, который одной рукой схватил Марью за волосы, а другой пытался сорвать с ее шеи золотое ожерелье. Цепочка золотых фигурок была сделана достаточноочно прочно, и попытка грабителя могла увенчаться успехом только в том случае, если бы он оторвал девушке голову.

Кулем бросил мешок, прыгнул к негодяю и пнул ногой в широкий затылок. Дикий человек зарычал и повернул свою морду — лицом это трудно было назвать — к Кулему. Рука, которая держала волосы девушки, разжалась, переместилась и сжалась в кулак. Но он толкнул воздух.

Кулем уклонился совсем немного. Кулак не достиг до его лица всего двух-трех пальцев. Дикарь рассвирепел, выпустил золотую цепочку Марьюм и двинулся на Кулема, вращая глазами и рыча.

Марьям пошатнулась и упала на четвереньки. Кулем с удовольствием бросился бы ей на помощь, но сейчас он был занят. Кулаки дикаря работали, как жернова на водяной мельнице. Они

усердано мололи воздух и грозили смолоть лицо Кулема.

Пьяный поднялся и заметил возле себя мешок. Руки его принялись ощупывать мешок. Лицо лежащего изменилось, когда он обнаружил пузатую бутыль.

Кулему это очень не понравилось. К счастью, дикарь сделал промах — запнулся обо что-то на мостовой и на мгновение потерял равновесие.

Кулем воспользовался этим, схватил его за руку и заставил упасть лицом на булыжники. Затем прыгнул ему на затылок, соскочил и сломал ему шею. Дикарь затих навсегда.

Пьяный уже развязывал мешок. Кулем кинулся к нему и слегка ударил ладонью в лоб. Пьяного отбросило к двери таверны. Удар по его голове получился тем более сильным, что как раз в это время Маар резко открывал дверь. Пьяного бросило в другую сторону, и он остался лежать неподвижно.

— Ох ты, — проговорил Маар.

Его заплечный мешок был раза в три больше мешка Кулема.

Кулем поднял Марьям.

— Ты, ты... — сказала она.

— Идем, — сказал Кулем.

Он тащил Марьям за собой, и та вынуждена была подчиниться и даже начать двигать ногами. Так они добрались до северных ворот.

* * *

Валлар услышал протяжный крик на середине слова «спешу», которое он выводил старинным письмом на розоватом листе пергамента с облачным узором. Он не дописал второй слог, бросил стило и выскочил в коридор. Из-за занавесей выглядывали лица слуг и домашних. Любимая наложница Валлара, прекрасная Сейяр, бросилась в объятия господина и уткнулась маленькой головой в его живот. Страшнее всего было то, что она молчала и не плакала. Несмотря на свой нежный возраст, она все поняла.

Так кричать могла только богиня.

— Арбихал, — позвал Валлар.

— Я здесь, господин, — ответил чернокожий.

— Пойди, взгляни, что случилось.

— Хорошо, господин, — сказал Арбихал и спустился по лестнице в приемную.

Все вышли из коридора и столпились на площадке перед лестницей.

Крик богини стал стихать. Зато раздались другие крики — людей. Их перекрывал рев, издававшийся который могла лишь нечеловеческая глотка.

Арбихал подошел к двери и остановился.

— Ну же, Арбихал! — поторопил Валлар.

Он и сам себе не мог бы сказать, куда гонит любимого слугу. Куда и зачем. Ум покинул Валлара, место рассудка заняло безумие.

Крик богини затих. Арбихал толкнул дверь, и она отворилась словно бы в ад. Громадный демон стоял с противоположной стороны. Он будто

ждал, когда ему откроют. Голова на длинной шее проникла в приемную. Потом протянулась лапа с когтями — и скалы Арбихала с черными вьющимися волосами сполз ему на плечи.

Демон в удивлении посмотрел на то, что сделал, склонив набок голову, в одну, в другую сторону — после чего откусил большой кусок от окровавленного черепа. В дверной проем протянулось еще несколько лап, и тело человека было разодрано на части.

Арбихал, прекрасный темнокожий Арбихал, повар, которому не было равных во всем Шевате, превратился в несколько кусков окровавленного мяса.

Демон протиснулся в приемную. Передние лапы демона оперлись на скамью, он потянулся вверх и перекусил цепь, поддерживающую тяжелую, на множество свечей, люстру. Она с грохотом упала в бездействующий фонтан, который вдруг стал действующим — изо ртов клубка змей в центре хлынула вода. Сначала вода была прозрачной, потом стала темнеть, и все увидели, что это не вода, а кровь.

Сейар закричала.

* * *

Трубы провыли над дворцом, заглушив на время даже вопли, доносящиеся из города. Стражи врат, обнажившие мечи и глядевшие на колеблющиеся под мощными ударами ворота, оглянулись.

Двери дворца открылись, и из них вынесли два паланкина. Их сопровождали стражи Тайных покоев, телохранители царицы и какие-то незнакомые люди.

Дворцовые ворота содрогнулись в последний раз — и пали.

На площадь полезли жуткие, окровавленные демоны. Многоголовые, многорукие, многоногие, с шевелящейся кожей и зубами, между которыми застряли куски человеческих тел. При виде их половина стражей врат предпочла не вступать в битву с монстрами и покончила с собой. Оставшиеся осмелились сопротивляться, но сражение длилось ровно столько, сколько понадобилось демонам, чтобы поотрывать людям головы.

Мечи у стражей врат были простые и не обладали чародейскими силами, способными выстоять против тварей из преисподней не имели. В противоположность этому обычному оружию, мечи стражей Тайных покоев и телохранителей царицы отливали благородной голубизной.

— Отец! — закричала Аринна, высунувшись из паланкина. — Отец! Возьмите и его!

— Умолкни! — прикрикнул Ривал из своего паланкина. — Иначе я оставлю тебя здесь! — Он говорил зло и решительно.

Аринна взглянула вперед, на жиравших демонов, и все слова застряли у нее в горле. Испугавшись, они уперлись кончиками знаков в горло, и не захотели вылезать наружу.

Аринна побледнела и отшатнулась назад, в глубину паланкина. На мягких шелковых подуш-

ках, набитых пухом, в розоватом свете, пробивающемся сквозь тонкую ткань, вдыхая изысканные благовония, которыми все было пропитано, царица немного пришла в себя и снова произнесла:

— Отец!..

Но больше не посмела высунуться.

Она чуть раздвинула плотное покрывало и опустила внутреннюю занавесь из полупрозрачного муслина. Сердце ее замирало от ужаса, но она не могла заставить себя оторваться от жестокого зрелица.

Ее телохранители храбро сражались с существами из преисподней, полагая две-три человеческие жизни на одну демонскую. Капли красной и черной крови иногда долетали до паланкина и пятнали муслин.

Аринна вцепилась в ткань пальцами. Занавесь дрожала. Гортань девушки пересохла, язык превратился в толстое, чужое существо с шершавой кожей, которое боялось пошевелиться.

Процессия направилась к северным воротам. На углу улицы, где жил министр Линфань, творилось что-то ужасное. Демонов было так много, что они образовали в начале улицы огромную шевелящуюся кучу. Среди черных щупалец, ртов, суставчатых ног мелькали иногда части человеческого тела. Некоторые из несчастных казались еще живыми. Бледная рука, окольцованная перстнями — голым оставался только большой палец — двигалась с быстротой бегущего паука, пальцы сгибались во все стороны.

Увидев царский кортеж, крайние демоны по-

лезли из кучи, и она распалась. Телохранители погибали по несколько человек за каждый удар сердца царицы.

Растерзанный паланкин пурпурного цвета валялся под шевелящейся кучей.

Пурпурная ткань была пятнистой от свежей крови. Ткань шевелилась. Аринна с трудом сдержала крик, когда из-под ткани выбралась человеческая голова и направилась в ее сторону.

Голова, без сомнения, когда-то принадлежала Линфаню. Приближаясь, она становилась больше. Вдруг лоб ее лопнул, и оттуда выпал мелкий демон. Мгновенно голова словно взорвалась — и мелкие демоны со звуком, подобным хихиканью, бросились во все стороны. На мостовой осталась лишь растерзанная кожа.

* * *

Конан освободился от пут и прикончил тюремщика, который было застонал и вознамерился прийти в себя. Конан вбежал по лестнице и встретился с бегущими ему навстречу людьми. Они завопили прежде него, и киммериец узнал в одном из бегущих второго тюремщика. Ради давнего знакомства Конан убил его первым.

Бедняга пытался запихивать свои внутренности обратно в рассеченный живот, а два его сообщника в ужасе отступили.

Что-то вверху привлекло внимание киммерийца. На мгновение он поднял взгляд. То, что он увидел, очень ему не понравилось.

На потолке имелись плоские черные жилы. Если бы они не двигались, их можно было бы принять за рисунок.

Замешательством Конана поспешили воспользоваться недруги. Оба стражника бросились к нему с занесенными для удара мечами. Клинки у них были длиннее, чем у киммерийца.

Конан отбил один из клинков и полоснул по лицу его обладателя, проделав тому второй рот на щеке. Этот рот был намного более красным. Кровь с белыми крошками зубов выплеснулась сквозь отверстие, и человек стал заваливаться в сторону Конана. Удар грузного тела сбил Конана с ног.

Другой стражник зарычал от ярости, видя, что враг повержен, и прыгнул к нему через тело соратника, занеся меч. Жилы на потолке обрели рельефность и быстро опустились на голову незадачливого стражника. Он замешкался с ударом, чувствуя, что что-то не так. Подняв взгляд, стражник заметил спускающиеся к нему жилы. Рот его открылся. Он намеревался закричать, но кончик одной из жил сразу же проник ему в горло. Кадык стражника вздулся и лопнул, взорвавшись жутким фонтаном крови.

Конан пришел в себя.

Стражник весь уже был пронизан жилами, ставшими красными от крови. Ноги его оторвались от пола и мелко задрожали.

Конан похолодел от ужаса и быстро побежал на четвереньках. Воину это не пристало и, опомнившись, Конан вскочил. Спиной он чувствовал

хищное шевеление на потолке. Конан стремительно побежал по коридору дальше. Он видел выход на следующую лестницу, на которой, вроде бы, еще блестел солнечный свет.

Поднявшись по лестнице, Конан очутился в коридоре, по одну сторону которого под потолком имелись узкие окна. Потолок был здесь чист. Стражников тоже не было. Точнее, живых стражников. Два мертвых тела лежали поперек прохода. Лица погибших были страшно бледными — ни кровинки. Киммерийцу это сильно не понравилось.

Мертвецы лежали слева от лестницы, Конан пошел направо. Коридор закончился входом в ярко освещенный солнцем зал, но когда киммериец приблизился ко входу, сверху начала опускаться каменная дверь. Сыпалась пыль, и дверь дрожала.

Сзади послышался какой-то неприятный звук... Дверь вдруг ускорила свое движение. В несколько прыжков Конан достиг входа и перекатился под дверью. Она опустилась с грохотом сразу вслед за киммерийцем — он едва успел отдернуть запоздавшую руку с мечом. Кончик меча сломался.

* * *

В зале стоял тошнотворно-сладкий запах. На стенах висело оружие.

Среди мечей разных времен и стран Конан обнаружил собственный меч. Голубоватая благо-

родная сталь выделялась на фоне остального оружия, словно оазис в пустыне. Конан отбросил чужой сломанный клинок и схватил свой. Он почувствовал, что меч отзвался на руку избранного и прильнул к ней, как преданный пес к ноге хозяина.

Запах в зале стал сильнее. Конан огляделся, но ничего, способного издавать такой запах, не обнаружил. Он двинулся к высоким зарешечённым окнам, сквозь которые проникал утренний свет, и понял, что запах доносится с улицы.

Улица была заполнена кусками человеческих и иных тел. Там пировали мухи.

Конан отшатнулся от окна.

Он и раньше слышал, что город четырехликий богини держится только на ее милости, а ее сила питается жертвоприношениями и щедростью царской власти; что колодцы, благодаря которым возник и существует самый город, ведут прямо в преисподнюю, и демоны не выбираются из них только из страха перед богиней. Очевидно, теперь страх перестал дсдерживать их, и они вышли наружу, чтобы попирать вволю.

Замирая от ужаса и отвращения, Конан прислушивался к тому, что происходит снаружи, но никаких звуков, кроме шуршания крыс и тихого журчания мух, не слышал. Демоны ушли или погибли.

Затем раздался звон колокола. Конан вздрогнул. Колокол умолк так же внезапно, как начал звучать.

Конан соорудил из имеющегося в зале мате-

риала подобие веревки и спустился из окна на улицу.

Спускаясь, он посмотрел вверх, на башню Шеват, и пораженно остановился. Башня опустела. Ликов богини на ней больше не было, вершина башни стала совершенно гладкой, и солнечные лучи свободно скользили по ней.

На северо-восточной улице Конан заметил куски тел в знакомой одежде. Оторванные головы в остроконечных шлемах, разломанные квадратные щиты, короткие мечи. Телохранители царицы успешно сражались с демонами. Об этом свидетельствовало множество останков порубленных демонов: щупальца, головы, многосуставчатые ноги, полупереваренные люди из разрезанных животов... Жуть охватила Конана, когда он представил, как выглядели эти отвратительные существа, когда были еще живы.

Телохранителей Аринны оказалось здесь достаточно много, и Конан с уверенностью сделал вывод: они сопровождали царицу, а не просто совершили вылазку на улицу.

Конан снова услышал звон колокола. Он побежал по улице, спеша увидеть живого человека и поговорить с ним. Он собрался закричать, чтобы тот, звонарь, тоже узнал о существовании другого живого человека, и полез через проем в стене на базарную площадь.

Крик застрял у Конана в глотке, когда он увидел, кто в самом деле дергает за веревку, заставляя петь треснувший колокол. Бледный труп, из которого высосали кровь и переломали кости,

был повешен на языке колокола и шаловливый ветер таскал его, заставляя бить в набат, словно требуя помощи от других мертвецов. Ибо никакого сомнения в том, что живых в городе нет, не осталось.

Конан вернулся на северо-восточную улицу и двинулся по следам Аринны.

* * *

Следы царского кортежа обрывались у северных ворот города. Дальше эти следы терялись среди множества других. Сломанные тележки, паланкины, разорванные тюки, похожие на рыб, которых начали потрошить, всякая домашняя утварь, домашние алтари и статуэтки богов — у многих богов не хватало какой-нибудь части тела или атрибута, — втоптанные в землю лепешки, пирожки, конфеты, фрукты, орехи, пустые бурдюки и кувшины... Все это свидетельствовало о том, что многим все же удалось бежать из города. Судя по брошенным вещам, в основном — людям бедным, которые жили у самых ворот.

Конан на всякий случай решил убедиться, что кувшины пусты. Он шел зигзагом и пинал все подозрительно целые кувшины. Ему улыбнулась удача — один из кувшинов покатился не так легко, как остальные. Конан подобрал его и потряс. Внутри что-то булыхалось.

Конан откинул крышку на пружине и понюхал.

Вино. Слабое, но вино.

Он приложился к кувшину и убедился, что обоняние его не подвело. Вино было из молодых и простецких, но сейчас, когда Конана мучила жажда, оказалось весьма кстати.

Нагой труп девушки у дороги напоминал о том, что покинуть город, кишящий демонами, еще не значит оказаться в безопасности. Человек, как известно, — зверь безумный и не щадит сородичей ни при каких обстоятельствах.

Конан подошел к ней и в знак восхищения вылил немного вина ей на голову. Бледное лицо девушки наполовину закрывалось густыми шелковистыми черными волосами, но все равно было заметно, что оно красиво.

* * *

Птицы предупредили Конана о появлении людей. Незнакомцы спускались с холма по неширокой боковой дороге, посыпанной гравием. Одежды их были серыми и грубыми. Никаких украшений, если не считать красных кантов на воротниках, полах и рукавах. Мужчины были все в одинаковых штанах и рубахах. Женщины — в одинаковых платьях. На ногах у тех, и других были деревянные сандалии. За спинами у всех были плетеные кузова разного размера, в зависимости от роста и сложения каждого. Несмотря на нищету, эти люди улыбались. Они увидели Конана и замахали ему руками.

Он остановился.

Первым к нему подбежал мальчик, второй —

девочка. Девочка остановилась в отдалении и засунула палец в рот, а мальчик дотронулся до его пояса и принял щупать его. Конану это не понравилось — пояс хоть и был из грубой свиной кожи и весьма потертый, но в нем содержалось немалое достояние — сто серебряных монет. Конан легонько, но настойчиво отстранил назойливого маленького крестьянина.

— Феляска, не трогай дядю! — закричала женщина.

— Правильно мама говорит, — заявил Конан. — Не трогай.

Девочка вынула палец изо рта и подтвердила:

— Не трогай, Феляска!

Мальчик неохотно отошел. Разочарование читалось на его лице. Но когда он заметил неподалеку втоптанную в землю лепешку, разочарование сменилось радостью. Он ткнул девочку в бок, и они вместе бросились к лепешке.

— Мы идем в город, господин, — сообщил старый крестьянин, подходя к Конану и кланяясь. Улыбка держалась на его лице, как приклеенная.

— Для чего? — удивился киммериец. — Город пуст.

Крестьянин продолжал улыбаться.

— Мы идем в город, чтобы продать орехи, сушеные ягоды, шкурки белок и кротов, игрушки для детей и масло, — продолжал он, не поняв Конана. — Мы хотим купить на вырученные деньги чай, муку, вино, одежду и лакомства. Мы очень спешим, господин.

Конан покачал головой.

— Город пуст, — повторил он. — Никого из живых людей там не осталось. Демоны вырвались из преисподней, и богиня не смогла защитить город.

Лица крестьян стали вытягиваться. Слова человека из города медленно доходили до их рассудка, который хоть и был неповоротлив, но все же работал исправно.

Одна из молодых женщин вдруг тоненько запопила. По ее лицу потекли слезы. За ней зарыдали и другие женщины. Вопль подхватили дети, и через несколько мгновений он стал оглушительным и заметался меж холмов.

Вопль прекратился так же внезапно, как начался. Зато крестьяне, все как один, повалились на колени, уперлись лицами в землю и стали стечьтать.

Старик, говоривший с Конаном, поднял к небу лицо и сказал:

— Ты оставил нас, Упеллури. Ты покинул своих бедных рабов. Теперь нам будет плохо. Наши животы будут пусты. Мы умрем, умрем. Наши животы будут пусты!

— Успокойся, — сказал Конан. — По дороге вы найдете много брошенных вещей. Много лепешек, конфет, мешков с мукой, много полных кувшинов, если поискать. Ищите и найдете. Причем, все это не за плату. Смерть от голода точно вам не грозит.

— Ты говоришь правду? — спросил старик.

— Можешь быть уверен! Кстати, не найдется ли у вас немного хорошего, крепкого пива? Я за-

плачу. — Конан порылся за пазухой и достал несколько круглых медных денег с дыркой посередине.

— Да, господин, мы найдем для вас пиво! — Стариk вскочил. — Мы давно увидели вас на этой дороге...

— А вы что-нибудь видели здесь до меня?

— Много-много людей. Сначала прошли люди с оружием и очень-очень красивыми носилками. Затем пошли люди попроще — и наконец появились вы. Мы не решались выйти на дорогу раньше. Тут было очень много народа. Они все кричали друг на друга и иногда дрались. А вы шли спокойный, вам мы доверились, господин. Не откажите, выпейте нашего пива.

Конан спрятал монеты обратно, потом достал одну и протянул старику. Его ладонь мгновенно раскрылась, принял монету и закрылась.

Женщина, молодая, но некрасивая — с сутулой спиной и плоской грудью — подбежала к киммерийцу и опустилась перед ним на колени, наклонив голову, так что волосы ее коснулись земли.

Стариk сунул руку в кузов женщины и выудил оттуда кожаный сосуд с пробкой. Конан выхватил сосуд из рук старика, выдернул пробку и припал к горлышку.

Пиво было отвратительным. Худшего Конан еще не пил. Одной медной монеты было достаточно за это пиво и сосуд вместе взятые.

— Кстати, по поводу красивых носилок... Сколько их было? — спросил Конан.

— Двое, — ответил стариk.

— А кто, говорите, сопровождал их? Воины в остроконечных шлемах?

— Да, да! Они были с бородами и очень вкусно пахли! — вмешался мальчик, доеvший найденную на дороге лепешку. — Я следил за ними вон из тех кустов. Один даже посмотрел в мою сторону и собрался выстрелить из лука, а я испугался. А он...

Стариk строго посмотрел на мальчика, и ребенок счел за лучшее умолкнуть и отойти к остальным. Женщина, к которой он приблизился, дала ему звонкий подзатыльник, но мальчик не издал ни звука.

— Куда ведет эта дорога? — спросил Конан.

— В горах, в дне пути отсюда, есть древний замок, — ответил стариk. — Он наполовину уходит в скалу. Это ужасный замок. В нем творятся ужасные дела. Говорят, демоны воздуха привезли его на облаке и стали затачивать в скалу, но тут пропел петух, и демоны исчезли и больше не возвращались, а замок так и остался наполовину в скале. Не ходите туда, господин. Вы один, вас могут убить! Там живет только смерть.

Конан сплюнул через локоть, чтобы снять словесный наговор.

— Это мы посмотрим. Да и к тому же вы сами сказали, что туда пошли люди с красивыми носилками.

— О, господин! — заговорила женщина у ног Конана. — Мы думаем, что это не люди. Это на-важдение демонов.

Крестьяне пошли своей дорогой, Конан — свой. Ночью он добрался до плато, на котором стоял замок.

* * *

Мертвенный лунный свет ложился на плато, усеянное камнями. Холодные черные тени выглядели, как провалы в преисподнюю. Замок торчал из скалы на краю плато, словно наполовину затонувший корабль. Три высокие башни вздымались в небо. Стены скрывались во мгле. Узкие бойницы, которых было не больше десятка, освещались изнутри неверным светом открытого пламени.

Конан ступал осторожно, стараясь не издавать ни звука. Тени облаков бежали по плато, как зайцы. Изредка было слышно шуршание, потрескивание, странные щелчки.

Конан хорошо знал, что означают эти звуки. То были удары бегущих по земле больших лап. Он вступил в тень большого камня и затаился. Глаза, красные глаза качались во тьме. Пять волков шли по следу киммерийца.

Конан не боялся их зубов, когда с ним был его верный меч. Но он опасался громких и легко определимых звуков...

Он собирался застать воинов-предателей врасплох, и шум битвы с волками был ему сейчас никакому.

Конан поднял голову вверх и завыл. Тоскливо, протяжно. Красные глаза остановились. Звери

были в недоумении. Они видели перед собой человека и пах он как человек, но их уши слышали, что это волк.

Конан бросился вперед и одним ударом перерезал горло ближайшему волку. Остальные поджали хвосты и бросились наутек. Трусливые волки водились здесь, в горах.

* * *

Конан подобрался к стене. Замок был древним, очень древним... Конан ничуть не удивился бы, если бы история, рассказанная старым крестьянином, оказалась правдой. Камни, из которых была сложена стена, много веков крошились под воздействием ветра и дождей, и щелей для спокойного подъема опытного горца имелось здесь предостаточно.

Конан прикрепил ножны за спиной, вытащил маленькие ножи и принялся тихо карабкаться по стене. Добравшись до освещенной изнутри бойницы, он остановился.

— Он же не дурак, чтобы шляться в горах ночью. Здесь же волков, как вшей! Сыпал, как воят? Да и услышали бы мы, если бы он появился, — говорил голос внутри замка.

— Тебе-то что? — отозвался другой. — Тебе сказали — «следи», ты и следи. Думать — это не наша забота. Тебе что, охота думать?

— Что я дурак, что ли? — обиделся первый. — Ты чего говоришь?

— Ну так и сиди... — заметил второй. — Сиди

и смотри на это дурацкое окно. А утром нам обещали пожрать... Ты любишь пожрать?

— А как же! Не дурак!

Судя по речам, воины были заняты больше разговором, чем слежкой, и Конан заглянул в бойницу. Он не ошибся. Воины даже не смотрели в сторону бойницы. Вместо того, чтобы держать руки на рукоятях мечей, они лапали медные кувшины и то и дело запрокидывали головы.

Лучом лунного света Конан скользнул в комнату и затаился под окном, в густой тени. Факел, чадивший над столом, за которым сидели воины, плохоправлялся со своей задачей — освещать помещение.

— Ты что-нибудь слышал? — вдруг сказал один из воинов и потянулся к мечу, не отпуская, впрочем, кувшина.

— Да иди ты! — отозвался второй. — Ничего, кроме бурчания в твоем животе! — Он хрипло расхохотался.

Конан шагнул из тени и убил сначала того, кому что-то показалось подозрительным, а затем и того, кто смеялся. Смеявшийся успел поперхнуться собственным смехом и уползти под стол.

— Я очень тихий, — сообщил мертвцам Конан.

Ему показалось, что кусок неровной стены из камней разной формы похож на лицо. Жуткое лицо... Демон улыбался. Сердце Конана провалилось в желудок, но миг спустя он с облегчением рассмеялся.

Камень, обыкновенный камень. Во всем вино-

ват неверный свет. Причудливая игра света и тени сотворила этот жуткий лик из пустоты. Конан приблизился и провел по стене пальцами, чтобы убедиться, что все обстоит именно так, как он решил.

Стена не откусила ему руку.

Конан выглянул в коридор. Его с неудовольствием и враждебностью встретили несколько огромных крыс. Таких крыс киммериец прежде не видел. Они были размерами с котов и черные, как сама тьма.

Крысы громко заверещали и бросились на Конана. Одна из крыс прыгнула и попала под меч варвара. Голова ее отлетела к правой стене, тулowiще со все еще извивающимся хвостом — к левой. Другие остановились. Конан увидел, что на самой крупной из них есть ошейник. Он был такого же черного цвета, и поэтому раньше Конан его не заметил.

Крыса с ошейником пискнула как-то по-особому, и остальные понеслись по коридору прочь. Конан задумчиво проводил их взглядом. Крыса с ошейником тоже повернулась и двинулась за сородичами с царственным достоинством.

— Эй, да тут крысы! — с удивлением проговорил юный голос и Конан увидел голову человека, выглядывающую из-за угла.

Вслед за головой появилась рука с мечом. Человек в одежде телохранителя Аринны прыгнул

на крысу с ошейником, зарычав при этом, точно пес...

Крыса метнулась в сторону с отчаянным писком, мигом позабыв о достоинстве.

Меч молодого человека ударился о камень, брызнувший искрами. Крыса скрылась. Человек поднял мутный взгляд и уставился на Конана, который, предвидя, что произойдет в ближайшее время, уже мчался с занесенным мечом.

Предвидение Конана сбылось.

— Чужак! — завопил телохранитель, но своего меча поднять не успел.

Конан нанес удар, достойный атакующего тигра. Молодой воин лишился губ и носа. Кричать он больше не мог. Он булькнул и повалился на камень. Рука его сжалась на рукояти меча. Он приподнял его и попытался ткнуть в ногу киммерийца.

Нога не стала дожидаться удара. Она продела короткий путь и въехала в развороченное лицо телохранителя. Он затих.

Конан взглянул на лестницу, с которой появился молодой воин. Высокие, стертые ступеньки уходили вверх, во тьму.

Тьма внезапно озарилась неверным светом.

— Ты что?.. — спросил другой телохранитель, спускаясь по лестнице.

Он не мог толком рассмотреть лицо человека внизу. Но что-то показалось ему подозрительным, и он остановился на середине лестницы.

— Это ты, Пекусилис? — спросил телохранитель. — Эй, не молчи!

За спиной Конана запищали крысы. Конан вынул нож.

Телохранитель осторожно спустился еще на одну ступеньку. Он хотел снова что-то сказать и даже произнес первый звук, но нож в горле помешал ему полностью выразить мысль.

Конан взбежал по лестнице наверх, помог падающему упасть и выскочил в большую комнату, которая была скрупульно освещена несколькими масляными лампадами.

Семь человек лежали на полу, на сложенных в стопу небольших коврах. Один человек сидел. Он опустил голову, в его руке был кувшин.

— Ребята, ребята, — повторял он, как заведенный, и всхлипывал.

Кто-то из лежащих сильно всхрапнул. Сидящий поднял голову и посмотрел на Конана. Киммериец был похож на демона. Меч его был окровавлен, волосы растрепаны, в лице мелькало что-то звериное.

Воин отбросил кувшин, схватил меч и кинулся на Конана. Северянин отклонился с дороги воина и ударил его локтем. Выставленный вперед меч воткнулся в стену. Острье меча застряло между камней. Воин дернулся, но оружие сидело в ловушке прочно.

Больше попыток воин не смог сделать. Конан отрубил ему руки. Воин закричал и упал. Другие стали пробуждаться. Конан не дал им времени полностью прийти в себя.

Он носился по комнате, словно волк в овчарне, и резал людей с быстротой молнии. Шесть че-

ловек погибли за время, за которое порядочный крестьянин подносит от горшка ко рту ложку горячей похлебки.

Последнего Конан ударили мечом плашмя. Удар пришелся по темени. Телохранитель схватился за голову и завыл, добавив свой голос к голосу того воина, которому киммериец отрубил руки.

— Где Аринна? — спросил Конан.

Не получив никакого ответа, он надавил пальцем на глаз телохранителя, чтобы до того лучше дошел вопрос.

— Где Аринна? — повторил Конан.

Воин закусил собственную бороду и молчал.

— Ну ладно, — сказал Конан. — Я не столь любопытен.

Он провел мечом по горлу человека и тот застыл с бородой во рту.

Конан закрыл ему глаза.

Безрукий человек полз к киммерийцу на коленях.

— Я не откажу и тебе, — сказал Конан и одним ударом снес ему голову.

Стало тихо, и в этой тишине Конан услышал знакомый голос. Разобрать, что он говорит, было невозможно, но в том, кому он принадлежит, не имелось ни малейших сомнений.

Голос доносился из вентиляционного отверстия. Конан прошел к нему и сунул в него голову. Голос стал еще более различим. Кроме него, звучал еще второй голос.

— Отец ваш мертв, город ваш мертв, — гово-

рил второй голос. — Теперь вы принадлежите только мне. Вместе мы вновь поднимем город. Эти ваши колодцы привлекут внимание торговцев, и люди снова придут. Но без меня вам не справиться.

— Нет, нет, я не согласна! — повторяла Аринна.

Конан различил внизу свет. Комната, где происходил разговор, находилась этажом ниже. Киммериец усмехнулся. Тесен этот замок, не скроешь в нем ни одной приличной тайны.

Он спустился по лестнице, по которой пришел, и стал искать путь. Ему пришлось проблуждать по коридорам на нижнем этаже около часа, прежде чем он сумел определить, что он находится в нужном месте.

Стражник, стоящий у двери, услышал крысиный писк и повернулся в сторону большой черной крысы в ошейнике. Он не заметил человека, подбирающегося к нему с другой стороны.

Острое меча из благородной голубой стали вышло у него из груди и неприятно поразило стражника, прежде чем он расстался с жизнью.

Конан выдернул меч и толкнул дверь. За дверью открылся зал, самый большой и освещенный из тех, что Конан видел в замке. Стены были задрапированы гобеленами. Потолок покрыт росписью. Имелась даже мебель — резные гнутые стулья, стол и низкие шкафы.

Аринна находилась там в обществе человека в зеленой одежде. При виде Конана он схватился за меч.

— Конан! — воскликнула Аринна.

— Не кричи, жена моя! — сказал незнакомец и кинулся к киммерийцу.

Конан отбил его атаку. Незнакомец отступил назад и застыл. Поза его внушала уважение. Он был словно изваянny из камня воин. Да, этот человек знал толк в битвах.

— Если ты уйдешь, я не буду преследовать тебя, — обещал ему Конан.

Незнакомец расхохотался и снова напал. Его меч с шумом разрезал воздух в том месте, где, по его мнению, должна была находиться голова противника.

Конан упал, но во время падения полоснул противника по ногам, чуть ниже коленей. Незнакомец не сразу понял, что случилось. Он попытался шагнуть к Конану, чтобы обрушить на него удар ятагана.

Шага не получилось. Острое лезвие древнего меча разрезало мускулы и перерубило кости. Незнакомец, все еще не до конца понимая свое положение, с удивлением посмотрел вниз, видимо почувствовав какое-то неудобство, и увидел, что его левая голень отделена от него и висит на одной жилке. В следующий момент он с жутким криком повалился вперед, и Конан отрубил ему голову.

* * *

Царица простерлась перед Конаном лицом. Она склонила голову, и волосы ее волной разметались по полу. Он в смущении шагнул назад, но

Аринна на четвереньках, словно псины, поползла вслед за ним.

— Я прошу тебя о последней милости, — сказала царица. — Я знаю, что ты не отказал бы в этом и самому подлому человеку, грязному зверю, убийце родного отца! Не откажи в этом и мне, я недостойна быть царицей! Но я рождена царицей. И если я не могу быть ею, значит, я вообще не могу быть!

— Я не понимаю, о чем ты меня просишь, — сказал Конан.

— Не лги, не лги мне! Ты все понимаешь. Я хочу, чтобы ты убил меня. Отрежь мне голову, я больше не могу находиться в этом теле!

— Нет, нет, Аринна, я не могу!

— О, варвар, я знаю, ты обязательно сделаешь это, когда я расскажу тебе все. Мой отец мертв, мой город мертв, я осталась одна, мне незачем жить. Все, ради чего я существовала, все, что я любила, теперь находится по ту сторону жизни — и я тоже хочу туда. Я хочу идти вслед за своим отцом и своим народом! Все погибло, все погибло! Мне осталось только одно — смерть.

— Я не могу, — повторил Конан.

Аринна вдруг вскочила на ноги и метнулась к обезглавленному Ривалу.

— Аринна! — воскликнул Конан.

Царица схватила ятаган Ривала, повернула лезвие к себе, запрокинула голову и сильным ударом перерубила себе горло.

Кровь хлынула ей на грудь, изо рта выдулся кровавый пузырь. Ноги царицы подкосились, и

она рухнула на пол. Голова ее глухо стукнула о камень.

— Аринна! — вновь вскричал Конан.

Тело царицы мелко задрожало, потом его свели судороги. Оно выгнулось дугой и забилось, словно рыба, только что попавшая на берег, и стало раздуваться. Одежда лопнула, вслед за одеждой лопнула и кожа. Но под ней уже почти не было крови. Из вздувшегося и лопнувшего живота полезли не внутренности, как ожидал Конан, а черные шупальца.

Они становились все больше и больше, и сквозь них прорастали шипы. Между шипами появилось нечто вроде волдырей. Нежно-розовые поначалу, увеличиваясь в размерах, они бледнели, делаясь похожими на веки мертвых птиц. Затем они стали лопаться — под ними оказались рты-присоски, похожие на рты миног.

Шея Аринны вытянулась и разорвалась. Голова полностью отпала, а из обрубка шеи вылезло что-то похожее на гриб. Утолщение наверху гриба напомнило Конану вершину башни храма Шеват — со всех четырех сторон имелись овальные выступы.

Шупальца оперлись о пол, и останки Аринны изменили положение. Теперь гриб принял вертикальное положение. Сходство с башней Шеват усилилось еще больше. Овальные выступы наверху все более и более походили на лица. Проступили нос, глаза, губы. Глаза одного из лиц неожиданно распахнулись и уставились на Конана. Рот открылся и оттуда показался зеленый язык.

— Уходи, воин, уходи скорее, пока я вновь не почувствовала голод! — глухим низким голосом, эхо которого заметалось по замку, молвила преобразившаяся царица. — Тьма, тьма кругом...

Конан почувствовал, что от ужаса все волоски на его теле встали дыбом. Шупальца Аринны извивались, хватали и бросали предметы, она с трудом сдерживала себя.

Конан выскочил в окно и спустился тем же путем, каким поднялся в замок. Луна и тени бросившихся к нему волков приветствовали его возвращение. Зубы одного из зверей проделали на его руке борозды, прежде чем киммериец успел разрубить ему живот. Другому волку он рассек горло, третьему — хребет, четвертый в ужасе перед столь могущественным человеком присел на задние лапы, и Конан с размаху всадил лезвие ему в череп, пригвоздив к земле.

* * *

Утро восьмого дня, в шести дневных переходах от Шевата, в городе Хедаммат, Конан встретил в конюшне таверны, где конюший позволил ему переночевать. Конан со скрипом потянулся, ощупал пояс и направился в таверну.

Он оказался там не первым посетителем. В таверне находился еще один человек. Конан узнал его.

— Кулем! — вскричал Конан.

Кулем поднял мутный, печальный взгляд. При виде Конана взгляд этот немного прояснился.

— Садись, друг, — произнес Кулем и потянулся к заплечному мешку. — Ничего больше не осталось, кроме вот этого. — Он выудил на свет темно-красную глиняную бутыль. — Но эта последняя. Я все думал, когда распить ее, да все не решался. Но с тобой я готов распить ее прямо сейчас!

Они принялись, предаваясь каждый своим воспоминаниям, опустошать вместительную бутыль.

— Все мои близкие мертвы. Я одинок. Я потерял свою любимую рабыню, — сказал Кулем.

— А я потерял царицу, так и не обретя ее, — сказал Конан.

— Я потерял все свое достояние, напарника, клиентов, — продолжал Кулем. — Никого не осталось. Жизнь моя теперь ушла в прошлое. Словно я и не жил никогда, все случившееся со мной было не больше, чем сном. Ты — единственный, кого я знал в прошлой жизни. Ты — единственное подтверждение моего прошлого.

Таверна заполнялась народом.

— Я убил царя города Шеват! — послышался знакомый хвастливый голос. — Я прикончил старишку. Я — и не кто иной, как я!

Конан тяжело посмотрел на Кулема и спросил:

— Ты, кажется, говорил, что с наемником все в порядке?

— Да, я так говорил, — сказал Кулем. — Всякому свойственно ошибаться.

Час спустя городские стражники обнаружили

безголовое тело человека в одежде наемника, который валялся в канаве. Голову нашли днем позже. Мальчишки увидели, как собаки дерутся за что-то круглое. Собаки успели отгрызть уши. Губы были целы, но когда заглянули в рот, обнаружили, что там пусто, как в кошельке нищего. Главное сокровище — язык — отсутствовало.

Боги Хайбории

Боги Хайбории

Боги Хайбории — это группа мифических существ, живущих в восточной части Европы и Азии. Их описание и описание их действий в различных мифах и легендах различны.

А

АГИБАЛЛ, по легенде, бытующей в восточной Хайбории, небесный великан, противник Митры, бросивший ему вызов и низвергнутый на землю.

А. Олдмен «Щит Агивалла».

Возможно, имя образовано от Аглибон («Колесничий Бела»). Аглибон был богом Луны в западноsemитской мифологии. Изображался в виде могучего воина с полумесяцем на плечах.

АГНИ, вендинский бог огня, хранитель домашнего очага, входящий в свиту Индры. Будучи покровителем жертвеннного костра, Агни является посредником между людьми и богами.

«Хайборийский мир: 500 лет после Конана».

Бог огня (имя, собственно, и означает «огонь») в ведийской и индуистской мифологии.

АДЖУДЖО, Аджуджо Темный, жестокое божество, которому поклоняется чернокожее население Томбалку.

Р. Говард «Барабаны Томбалку».

В Западной Африке словом «джуджу» называют нечто, обладающее магическими свойствами, — предмет, слова и т. п.

АДОНИС, Владыка Неба, верховное божество на большей территории Шема. Адонис — супруг матери-земли Иштар, именуемый в восточном Шеме более древним именем Птеор. Широко распространен миф о пленении Адониса-Птеора злым богом Сетом, пытавшемся помешать ему и Иштар соединиться на брачном ложе и породить мир. Адониса отождествляют с гирканским богом Таммузом.

См. также Птеор.

Р. Говард «Королева Черного Побережья», «Ястребы над Шемом»

В греческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения, бог умирающей и воскресающей природы. Иногда отождествляется с Думузи (Таммузом). Как умирающий и воскресающий бог, тождественен египетскому Осирису (ср. шемитский миф о похищении Адониса Сетом)

АЛАТ, гирнская богиня войны, судьбы и смерти. Центр поклонения Алат находится в городе Хорбуле. Жрецы Кровавой Алат, изображаемой в облике девочки, раскрашивают руки красной охрой, символизирующей запекшуюся кровь. Согласно легенде, Алат и три ее сестры были дочерьми убитого ими Безымянного Бога. Их отец создал пятиструнную лютню, каждая струна которой была воплощением одной из его дочерей: красная — Алат, желтая — Зират, белая — Замэнат и черная — Мэнат. Пятая же струна символизировала душу, которой были лишены богини.

Д. Брайан «Золото Гномов»

По имени древнеарабской богини неба и дождя

Аллат. Аллат сестра Уэзы и Манат, богини смерти и судьбы (ср. Мэнат)

АЛЬ-КИИР, повелитель боли и похоти, демоническое божество, которому в древности поклонялись на территории современного Офира. Изображался в виде мощного четырехрого гиганта, в одной руке держащего длинный кинжал, в другой — кнут. Культ этот почти забыт и находится под запретом.

Р. Джордан «Тайна Врат Аль-Киира»

Al'Kiir — имя явно выдуманное, однако божество имеет некоторое внешнее сходство (скорее всего случайное) с описанными Дж. Толкином барлогами: демонические черты, кнут, меч.

АМАЛИАС, бог, которому поклоняются в юго-восточной, самой цивилизованной части Британии. Культ, скорее всего, занесен из Коринфии и в остальной части страны практически неизвестен.

Л. Карпентер «Проклятое Золото».

АНУ, бог неба, почитаемый в восточной Хайбории. Некогда занимал важное место в религиозных представлениях хайборийских народов, однако культа Ану был постепенно вытеснен митрианством.

Р. Говард «Багряный Жрец», К. Роуз «Пленники Бездны»

Одно из главных божеств Месопотамии, отец богов.

АПСУ, в мифологии некоторых народов Гирканнии — изначальный океан подземных вод, а так же его персонификация, божество первозданной стихии, супруг Тиамат.

Р. Шеппарт «Зло Валузии»

Имя и описание без изменений взяты из шумеро-аккадской мифологии.

АРЕС, в легенде о живущем на далеком Севере народе Руг — главный бог тех мифических земель.

А. Олдмен «Древо Миров»

Арес — древнегреческий бог войны, соответствующий Марсу древних римлян. Однако в данном случае имелся в виду Арес, как одно из главных божеств скифов.

АРИМАН, иранистанский бог тьмы и зла, противник Ормазда. Культ Темного Аримана повсеместно запрещен, так как бог этот считается воплощением абсолютного зла, враждебного всему живому. В более старых мифах, фигура Аримана не рассматривается так однозначно; здесь это божество предстает как один из двух аспектов равновесия между Светом и Тьмой, причем не обязательно в негативном плане. В эпосе «Битва при Иокундиаке», Ариман и Митра — боги-братья, даровавшие людям мудрость, научившие их ремеслам и установившие в мире равновесие. Другая легенда гласит, что Ариман и Ормазд являются сыновьями Митры.

Ариман — первое творение Митры, и первоначально он прекрасный и чистый дух. Но позже он восстает против своего брата, посчитав себя более совершенным созданием Творца. Когда Дух Добра создал человека, Ариман воплотился в его низшую природу, и с тех пор в человеке борются светлое и темное начала. Такое представление об Аримане возмож-

но восходит к более древнему божеству, известному иногда как Рота Всадник.

Встречающиеся варианты имени: Ахриман.

Р. Говард «Час Дракона», Дж. Мэддокс Робертс «Конан в Цитадели Мрака», А. Олдмен «Древо Миров» К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел»

АРИМАН (Ахриман) — верховное божество зла в иранской мифологии, противник Ахурамазды (Ормазда). Почитатели бога времени Зервана, считали Аримана и Ормазда сыновьями этого божества, братьями-двойниками.

АРТЕМИДА, Артемида Стогрудая, богиня-мать, почитаемая гирканским племенем амазонок, женщин-воительниц.

Д. Брайан «Золото Гномов»

В древнегреческой мифологии — богиня охоты, соответствует римской Диане. Согласно легенде, Храм Артемиды в Эфесе, одно из Семи Чудес Света, был построен амazonками.

АСВЕЛЬН, обожествленный древний герой земли Ландхааген, находящийся к востоку от Гипербореи, святой покровитель страны.

Д. Мак-Грегор «Чужая Клятва»

АСУРА, Азура, верховное божество у многих народностей Венгрии, по всей вероятности, был некогда племенным божеством завоевателей-кшатриев, являющихся теперь правящей кастой в государстве. Но то, что кульп был принесен извне, указывает некоторая обособленность Асуры от пантеона Индры, хотя

иногда эти два божества отождествляются, а так же существование мифа о древней битве богов и демонов-асуров. Основой религии асуриотов служит вера в реинкарнацию души и иллюзорность бытия.

Культ Асуры некогда был широко распространен и в Хайбории, и даже поначалу успешно конкурировал с зарождающимся митрианством. Однако мистицизм, присущий этой религии, сыграл не в пользу асуриотов, и постепенно более близкое западному человеку митрианство вытеснило кульп Асуры, позже подвергшийся гонениям и запретам.

Встречающиеся варианты имени: Асур, Ашур, Ашура.

Р. Говард «Люди Черного Круга», «Час Дракона», П. Уинлоу «Слуги Чародея» (упоминаются демоны-асуры)

В ведийской и индуистской мифологии, асуры — небесные существа, обладающие колдовской силой. Первоначально это как боги (Индра, Агни и, прежде всего, Митра и Варуна), так и небесные демоны. Позже возникло четкое разделение на богов (дева, сура) и демонов-асуров (отсюда одно из толкований названия: «а-сура» — «не-бог»).

АФРОДИТА, богиня любви и красоты, известная в Офире и Коринфии. Иногда отождествляется с Изией и Иштар. Известна также под малораспространенным именем Венера.

С. Корджи «Ночные Клинки» (упоминаются имена Венера и Афродита)

В греческой мифологии Афродита — богиня любви малоазийского происхождения. Имя негреческое, его этимология до сих пор не известна (по одной из

версий имя происходит от слова «*aphros*» — «пена»). Афродита родилась из крови осколенного Ураном Кроноса, она старше Зевса и является одной из первичных хтонических сил. Позже образ Афродиты был переосмыслен греческими философами, она становится дочерью Зевса. У римлян соответствует Венере, которая первоначально была персонификацией абстрактного понятия «милость богов», затем богиней садов и, наконец, богиней любви. Был также широко распространен миф о любви Венеры и Адониса.

АХХАД, туранское божество, почитаемое простонародьем. Аххад — бог света у иранистанских племен, издревле проживающих на территории Турана, потерявший былую популярность с приходом гирканских завоевателей, принесших с собой культ огненного Эрлика.

Д. Мак-Грегор «Седьмая Невеста».

Возможно от названия города Аккад.

АШАР, шемитский бог ветров. Самый богатый храм, посвященный этому богу, находится в городе Нахмете. Идолы Ашара изображают грациозное и прекрасное божество.

Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха»

Ашар — форма имени бога Ашшура, а так же одно из имен Мардука, иногда с Ашшуром идентифицируемого. Хотя ни тот, ни другой богами ветра не являлись, в мифе говорится о четырех небесных ветрах и семи бурах, созданных Мардуком против одиннадцати чудовищ Тиамат.

АШТОРЕТ, Ашторех, шемитская богиня чистоты и целомудрия, наперсница Иштар. В мифе о влюбленных Адонисе и Иштар предстает посредницей между ними, и даже вызволяет Адониса, плененного Сетом.

Встречающиеся варианты имени: Авторат.

Р. Говард «Королева Черного Побережья», Б. Ниберг «Конан Мститель», «Путеводитель по Хайборий 5»

Еврейская форма имени Астарты, богини любви и плодородия, соответствующей ассирийской Иштар. Хотя в произведениях «Хайборийского цикла» Ашторех чаще всего является символом целомудрия, в реальной мифологии у нее прямо противоположная сущность.

АШТРА, одна из форм имени великой шемитской богини Иштар.

Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона»

Слово можно перевести как «звезда», ср. греческое «astron». Иштар также отождествлялась с Утренней Звездой (планетой Венера).

Б

БААЛ, Баал, часть имени нескольких шемитских богов, прежде всего Птеора (иногда употребляется в качестве его имени).

В Шеме известно также божество по имени Баал-Сэпа, кульп которого, по всей видимости, пришел из Стигии.

Л. Картер, Л. Спэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса», Р. Говард «Тени Замбулы» (толкование «Ваал-Пте-

ор», как «Баал-Идол»), Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (Баал-Сэпа)

В западносемитской мифологии одно из прозвищ богов (букв. «владыка»). Родственно слову «Бел». Сепа — покровитель умерших в египетской мифологии, его священный символ — тысяченожка.

БАДБ, богиня, воплощение ярости сражения, одно из младших божеств киммерийской мифологии. Согласно поверьям, Бадб и ее сестра Морриган кружат над местом битвы в облике воронов.

Встречающиеся варианты имени: Бадба, Бадб (в мужском роде).

Р. Говард «Феникс на Мече», Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса»

Богиня войны и разрушения, Ворона Битвы в ирландской мифологии.

БАК, уродливое божество, покровитель Вендийского города-государства Мандхатты.

Д. Мак-Грегор «Владычица Небес».

Бака — имя ракшаса-людоеда в «Махабхарате».

БАЛЬДУР, бог, почитаемый в Нордхейме, сын Водана и Фригги. Бальдур один из самых мудрых богов и самый красноречивый из них.

О. Локнит «Проклятие Змея»

Бальдр (Баллур) — любимый сын Фригги и Одина в скандинавской мифологии. Его мать, желая оградить сына от угрозы смерти, взяла клятву со всех вещей и с живых существ, что Бальдру не будет причинен вред, забыла только о побеге омелы, чём и воспользова-

вался завистливый Локи, подсунув слепому Хёду прут омелы вместо стрелы, когда тот принял Бальдра за оленя.

БАФОМЕТ, божество или сверхъественное существо, упоминаемое в некоторых трактатах по магическому искусству, главным образом в связи с Поясом Бафомета, могущественным артефактом.

П. Уинлоу «Карусель Богов»

Бафомет — загадочный объект поклонения ордена Тамплиеров, обвиненных в демонопоклонничестве. Имя, по одному из предположений, является искажением от имени Магомета.

БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ, бог-отец в религиозных представлениях последователей Алат, убитый собственными дочерьми.

Д. Брайан «Золото Гномов»

БЕЛ, бог покровитель воровства и торговли, почитаемый в Шеме и Заморе. В шемитской мифологии Бел — полубог, рожденный в городе Шумир. В многочисленных легендах предстает как ловкач-трикстер, прославившийся многочисленными воровскими подвигами.

Бытует мнение, что жрецы Бела не имеют права покупать что бы то ни было, в случае же нарушения этого правила, служитель должен украдь что-либо на сумму в десять раз превышающую стоимость купленного товара и принести украденное в жертву божеству.

Зачастую Бел изображается в виде одноглазого

старика, иногда же как человек с головой лисицы, зверя символизирующего хитрость.

Встречающиеся варианты имени: Бэл.

Р. Говард «Башня Слона», А. Джонс «Ловушка для Бога»

От аккадского слова, означающего «господин». Обозначение некоторых богов, например Энлиля, позже относилось исключительно к Бел Мардуку. Как бога-покровителя и купцов, и воров, хайборийского Бела можно сравнить с Гермесом.

БИАТИС, Биатис Змеебородый, забытое божество, владыка лесов и болот. Один из мифических отцов змеиного народа.

Л. Картер, А. Спраг де Камп «Алая Луна Зембабве»

Serpent-bearded Byatis - одно из младших божеств так называемого Мифа Ктулху, бог, которому наряду с Иигом-Сетом поклонялись змеелюди Валузии. Создан Робертом Блохом.

БОГ-ВЕПРЬ, один из древних Зверобогов. Пережиток культа Вепря сохранился в глухих районах северной Немедии и Бритунии.

К. Уэйнрайт «Кольцо Власти»

БОГ ВЕЧНЫЙ И ЮНЫЙ, объект поклонения племен, населяющих некоторые из островов моря Вилайет. Церемонии, проводимые в честь этого божества, включают человеческие жертвоприношения.

Д. Уолмер «Обсидиановый Нож»

БОГИНЯ СУДЕБ, по легенде, дочь Митры, прядущая нити человеческих судеб. Известна под именами

Маринелла, Мариам, Мартхала и другими. Возможно, трансформированный образ старух-мойр, богинь судьбы, одна из которых сплетает нить жизни каждого человека.

Д. Мак-Грегор «Владычица Небес», А. Олдмен «Древо Миров» (упоминаются мойры)

БОГ ШАКАЛ, злое шемитское божество явно стигийского происхождения, однозначно отождествляемое с Сетом, основной противник Адониса. По всей вероятности, образ бога Шакала заместил какое-то исконное божество шемитов в их мифологии во времена стигийского владычества.

Прообразом богу Шакалу послужил Инпу, шакалоголовый бог мертвых докхарийской Стигии.

Д. Мак-Грегор «Три Времени Сета», Дж. Старк «Безликий Бог» (роман о короле Кулле)

Анубис (Инпу) — древнеегипетский бог мертвых, изображавшийся как человек с головой шакала.

БОГ ЯСТРЕБ, одно из младших стигийских божеств, служащих Сету. По утверждению жрецов, бог Ястреб парит над Стигией, надзирая за всем происходящим в течение дня, а с наступлением ночи возвращается к своему хозяину, чтобы поведать о том, что происходило в стране, пока над миром светило солнце. Центром культа бога Ястреба является стигийский город Харахт.

Встречающиеся варианты имени: ошибочно — Харахта, как имя божества.

«Путеводитель по Хайбории 5», Д. Уолмер «Багровое Око»

Некоторые древнеегипетские божества изображались в виде сокола или человека с головой сокола, прежде всего Гор, сын бога Ра.

БОКРАГ, бог в образе водяной ящерицы, которому некогда поклонялись в городе Иб, руины которого находятся в пустыне на Востоке Шема.

Л. Карпентер «На Запретном Берегу»

Город Иб, упоминаемый в романе «Конан Изгнаник», а также его божество Бокраг, взяты Карпентером из рассказа Г. Лавкрафта «Рок, Покаравший Сарнат».

БОРИ, Бор, Борей, бог северного ветра, исконное божество хайборийцев, культа которого практически прекратил свое существование с приходом митрианства. Поклонение Бори зародилось в эпоху переселения народов, последовавшую за Великим Катализмом, когда группа народов, ведомых полумифическим вождем по имени Бори, мигрировала на Север, за Эйглофийский хребет, спасаясь от многочисленных бедствий посткатастрофического мира. Впоследствии Бори почитался как бог, олицетворяющий ветер обетованного Севера, спасенные же им племена стали именовать себя хайбори, а позже хайборийцами. Пришедшие с Востока кхарийцы, основавшие империю Ахерон, на свой манер именовали их гипербореями. Борей известен так же под именем Аквилон, это имя увековечено в названии одного из хайборийских народов — аквилонцев.

Р. Говард «Хайборийская Эра I», Р. Шеппарт «Зло Валуции», А. Олдмен «Последний Игрок Судьбы»

Борей — бог северного ветра в греческой мифологии. Гипербореи («живущие за северным ветром») — чудесный народ, живущий на Крайнем Севере.

БО-СИ, кхитайское божество, сведения о котором были получены из отчетов западных путешественников, поэтому имя, скорее всего, неполное или искаженное. Согласно описанию, это грозный бог, носящий ожерелье из человеческих черепов, насылающий на людей бедствия и эпидемии, по легенде, от него пошел императорский род Кхитая.

Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»

В китайской мифологии функции подобного божества (за исключением функции прародителя императорской династии) принадлежат богине Си-Ванму, правительнице Запада, где, согласно представлениям, находилась страна мертвых. Вторая часть описания (о посещении богом кхитайской принцессы и зачатии первого императора) имеет параллели с легендой о девице Цзе, увидевшей во сне комету-дракона и зачавшей Белого Императора (по-китайски «Бо-Ди» или же «Бай-Ди»), который также был правителем Запада.

БХАЙРАВИ, одно из имен вендийской богини Дурги, точнее ее разрушающей ипостаси.

А. Олдмен «Заговор Теней» (упоминается) Деви, жена индуистского бога Шивы, имеет множество ипостасей, как созидающих, так и разрушающих. В числе последних Дурга и Бхайрави («ужасная»).

БЭС, стигийское божество, хранитель человека от

бедствий, изображается в виде карлика с головой льва. Нищенствующих монахов культа Бэса можно встретить в восточном Шеме, Заморе и Туране.

Встречающиеся варианты имени: Бес

Дж. Мэддокс Робертс «Конан в Цитадели Мрака», «Конан не Знающий Страха»

В древнеегипетской мифологии Бэс — хранитель семейного очага, божество, оберегающее человека от несчастий, бог развлечений и удовольствий, изображался в виде уродливого, но жизнерадостного карлика.

В

ВАКАТА, богиня удачи у хайборийцев, наиболее почитаемая в Зингаре.

К. Леннард «Источник Судеб»

ВАРУНА, божество водной стихии у вендийцев, как правило, благой бог, почитаемый наряду с Индрой. Однако некоторые мифы указывают на противостояние Варуны, связанного с водой и Индры, которого нередко отождествляют с солнечным огнем. В частности, одна из легенд южной Вендии гласит, что однажды Варуна в облике змея преградил путь всем водам в населенные людьми пределы, и лишь заступничество Индры, победившего чудовище, спасло человечество.

Р. Говард «Час Дракона», А. Картер, А. Спэг де Камп «Черный Сфинкс Небтаху», С. Корджи «Ночные Клинки»

В древнеиндийской мифологии бог, связанный с космическими водами (океан, моря, реки, небесные

воды). Иногда Варуна противопоставляется Митре [(вода-огонь), ср. легенду, изложенную в романе «Ночные Клинки», где Индра тождественен Митре, а Варуна Великому Змею]

ВАРХРАН, бог войны и победы у кочевых гирканских племен. Теологи считают Вархрана одной из ипостасей Аримана.

А. Олдмен «Древо Миров»

Форма имени Веретрагны, бога войны и победы в иранской мифологии. Имя восходит к эпитету ведийского Индры — Вритрахан. У иранцев Индра считался демоном мрака (откуда и отождествление с Ариманом у Олдмена).

ВЕЧНОЕ НЕБО, см. Тенгри.

ВЕЩИЙ ВОРОН, низшее божество в киммерийской мифологии, вестник воли Крома. Вообще ворон является у киммерийцев священной птицей, облик ворона часто принимают богини Бадб и Морриган.

У. Гордон «Глаз Павлина», М. Мэнсон «Синие Маки»

В кельтской (ирландской) традиции ворон ассоциировался с даром пророчества, а так же с полем битвы.

ВИККАНА, бритунская богиня природы, в чем-то идентичная Дану, богине-матери лигурейцев. По некоторым предположениям, куль Викканы и религия лигурейских друидов восходят к временам Ахерона, где зародилась еретическая секта, отвергавшая ххрийских богов и поклонявшаяся силам природы, оли-

цетворением которой они считали абстрактную Мать-Богиню и Рогатого Бога.

Викканы приемлет только служительницы-женщин, дающих обет безбрачия, а так же обет не стричь волос. Как правило, жрицы Викканы живут в деревнях и помимо отправления ритуалов занимаются целительством, помогают роженицам.

Р. Джордан «Огненный Зверь».

Имя образовано от названия Викка — религии неоязыческого ведьмовства. Wicca — древнеанглийское название ведьмы. Последователи Вики поклоняются Великой Богине и Рогатому Богу (возможно вобравшим в себя черты Дану и Цернуинноса)

ВИТТИГИС, древний вождь гандеров, почитаемый как святой покровитель Гандерланда.

О. Локнит, А. Макдуф «Ключи от Океана»

ВИШНУ, в Вендии бог из свиты Индры, его помощник. Некоторые религиозные течения, не признающие главенство Индры в небесных чертогах, почитают Вишну под именем Нараяна как верховное божество.

С. Кордэжи «Ночные Клинки»

Один из трех главных богов индуизма, входящий в так называемую тримурти наряду с Брахмой и Шивой. Однако в ведийской мифологии Вишну не имел особого значения, хотя и упоминался как один из главных богов. Со временем стал вторым после Индры божеством, а затем уже получил имя Атиндра (Более великий, чем Индра).

ВОДАН, Вотан, нордхеймский бог, потомок Имира, родоначальник ветви так называемых младших богов. Водан — покровитель воинов и бог мудрости, даровавший людям руны, которые он получил, приняв ритуальное мученичество, когда пронзенный собственным копьем, девять дней провисел на Мировом Древе.

У некоторых племен Нордхейма его имя имеет форму Один, а в восточной части Асгарда Водана почитают под именем Игг, что означает «страшный».

О. Локнит «Проклятье Змея», «Камень Желаний», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса».

Один — верховное божество в скандинавской мифологии, первый среди асов. У континентальных германцев почитался под именем Вотан (Водан, Воден) и первоначально был, видимо, хтоническим демоном, богом-шаманом, покровителем воинских союзов.

ВОТАНТА, Повелитель Пустыни, жестокий бог-покровитель шемитского города Сарк, известный также под именем Древо Тысячи Пастей. Мертвые города пустыни, где некогда существовало государство Эдом, по легенде, были принесены в жертву Вотанте.

Л. Карпентер «Конан Изгнаник»

ВОЛЯН, богиня войны и охоты, почитаемая в Кхитае.

Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев»

ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ, в представлениях некоторых теологов — верховные божества, стоящие несомненно выше известных людям небожителей. В ран-

них трактатах, написанных на эту тему, фигурируют двое безымянных Иерархов, они воплощают в себе темную и светлую стороны равновесия вселенной. Все события, происходящие в мире, поступки смертных и богов, согласно этой философии, — суть материальное воплощение Космической Игры Высших.

Более поздняя традиция упоминает и других Иерархов: Харунос, олицетворение времени и Рок, персонификацию судьбы.

Связующим звеном между Высшими Иерархами и богами является Зертрикс, вестник воли Непостижимых, представляемый обычно как коварный уродливый карлик.

П. Уинлоу «Карусель Богов», М. Делез «Посланник Света»

Г

ГАБРАЛ, Тысячеглазый Демон Смерти, темное божество, олицетворение смерти. Предположительно является одной из эманаций Нергала.

К. Леннард «Источник Судеб», Р. Шеппард «Зло Валузы».

ГАРАДА, обитающий в жерле вулкана Каменный Бог в религиозных представлениях жителей одного из островов Западного Океана, с культурой, восходящей к временам Катализма.

Д. Уайл «Остров Забытых Богов»

ГВАЛУР, в кешанском космогоническом мифе

темный бог, владыка царства Тьмы, олицетворение изначального хаоса. На заре времен боги укротили Гвалура, вырвав ему зубы. Кешанцы верят, что легендарные сокровища разрушенного города Алкменона и есть те самые зубы чудовища.

Р. Говард «Сокровища Гвалура».

Возможно, имя образовано от названия княжества Гвалиур, существовавшего в Северной Индии до 1948 года.

ГЕВУЛ, в хайборийской мифологии бывший небожитель, божественный кузнец, изгнанный на землю за многочисленные проделки. Иногда известен под именем Вулкан.

К. Леннард «Источник Судеб», Р. Шеппард «Зло Валузы».

Имя, похоже, является составным от имен Гефеста и Вулкана.

ГЛОР и **КЭРДАКС**, божественные сущности, которым, по предположениям, поклонялись древние атланты. Кэрдакс, изображаемый в виде благородного орла, воплощает светлую сторону Великого Равновесия Вселенной, Глор, представляемый как отвратительный стервятник — темную.

М. Делез «Время Полной Луны»

ГУАНЬЛИНЬ, богиня добра и милосердия, почитаемая в Китае. Изображается в виде прекрасной девы с длинными волосами и синими миндалевидными глазами.

П. Уинлоу «Карусель Богов».

От имени Гуаньинь, божества китайского буддизма, выступающего преимущественно в женском обличии. Гуаньинь — хранительница женской половины дома и родовспомогательница.

ГУАСИ, бог, покровительствующий путешествиям у племени вартулов, обитающих на Черном Побережье.

К. Стайл. «Дань с Жемчужных Островов».

ГУЛЛА, верховное божество у многих пиктских племен. Гулла почитается в образе огромной человекообразной обезьяны, живущей на луне, и, возможно, сам является олицетворением ночного светила. Огромных обезьян, обитающих в Пуще, пикты считают священными животными, рабами Гуллы.

По-видимому, Гулла не является исконным божеством пиктов, его культ был перенят во времена миграции их народа после Катализма у автохтонного населения. На то, что культ имел некогда широкое распространение по всему Западу материка, указывает существование схожей религии у народов Черных Королевств, где чтят Джудлу или Джуллаха, бога-гориллу.

Встречающиеся варианты имени: Гуллах (вариант транслитерации слова «Gullah»), Гулл.

Р. Говард «За Черной Рекой», «Рыло во Тьме»

Исследователи творчества Р. Говарда утверждают, что имя образовано от названия одной из групп афроамериканцев в штате Джорджия.

ДАГОН, морское божество в шемитской мифологии, бог-рыба. Культ Дагона имеет невероятно древние корни, согласно легенде ему поклонялись еще в дочеловеческие времена. Дагона чтят главным образом рыбаки, моля его о хорошем улове.

Дагон также весьма почитаем в Кешане, испытавшем некогда сильное влияние шемитских традиций. Остается неясным, какие функции выполняет морской бог Дагон в религии кешанцев. Возможно, его почитают как супруга Деркето.

Р. Говард «Сокровища Гвалура», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры». Д. Фрост «Храм Ночи»

Божество западносемитской мифологии, которое могло быть как покровителем земледелия, так и рыбной ловли (расхождение в толкованиях происходит от двоякого перевода корня «даг», что означает как «колос», так и «рыба»).

В поздней традиции почитался и как бог войны. У Говарда, имя Дагон использовано явно под влиянием Г. Лавкрафта, который зачислил Дагона, бога-рыбу, в число своих Великих Древних. Д. Фрост следует той же традиции, называя Дагона одним из «отцов» расы змеелюдей.

ДАГОТ, древнее божество, по-видимому, кхарийского происхождения, пережитки культа которого сохранились в Заморе и Кофе. Считается, что Дагот погружен в глубокий сон, который является следствием того, что боги вырвали его рог — средоточие силы, и

если Дагота пробудить, то он может уничтожить весь мир. Отсюда одно из его имен — Грезящий Бог.

См. также Спящий Бог Кан-Демура.

Р. Джордан «Конан-Разрушитель»

Скорее всего, от имени Дагон. Холмы Дагота упоминаются в рассказах Р. Говарда «Алая Цитадель» и «Черви Земли» (последний о Бране Мак-Морне)

ДАМБАЛЛА, бог-элей, почитаемый в Зембабве и других Черных Королевствах. Культ Отца Дамбаллы, однозначно отождествляемого с Сетом, имеет явно стигийские корни.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Алая Луна Зембабве»

Дамбалла-уэдо — бог-элей в верованиях вуду. Считается хозяином дождя и отождествляется с радугой.

ДАГД, могучий и мудрый бог в мифологии уладских народов, таких как лигурейцы и темрийцы. В верованиях некоторых пиктских племен Дагд являлся некогда владыкой чудесного острова, завоеванного народом королевы-богини Баннут.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Корона Кобры», К. Леннард «Источник Судеб».

Дагда — один из богов Племен богини Дану в кельтской мифологии. Имя означает «добрый бог».

ДАНУ, богиня-мать, центральное божество культа лигурейских друидов, владычица богов. Культ Дану в чем-то сродни культу Викканы, имеющим, по-видимому, те же корни.

Небольшая группа пиктских народов почитает ее своей праородительницей под именем Баннут.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Черный Сфинкс Небтиху», К. Леннард «Источник Судеб».

В ирландской мифологии мать богов.

ДАРАМУЛУН и ТРУМАЛУР, чудовища из пиктского фольклора, посылаемые богами как знамение того, что должны произойти события исключительной важности. Дарамулун — чудовищный двуногий ящер с пастью-ключом, Трумалур — его наездница, уродливая великанша.

К. Леннард «Источник Судеб»

Дарамулун — «великий отец» в мифах ряда племен Австралии. Происхождение имени Трумалур не выяснено.

ДАРГОН, по немедийской легенде демон, сраженный и низвергнутый в пучину Западного океана королем-героем Брагорасом. Древнему герою приписывают победы над многими чудовищами, в частности над великим драконом Ксутарканом.

Р. Джордан «Тень Властелина»

ДАРУМА, божество, почитаемое в Пагане и, по-видимому, в островной империи Джапун, оказавшей сильное влияние на культуру Пагана. Монахи Дарумы — непревзойденные мастера боевых искусств.

О. Локнит «Берег Проклятых»

Дарума считается первым патриархом буддийской школы дзен. Одно из самых популярных божеств японского народного буддизма.

ДЕМЕТРА, в хайборийских верованиях богиня, олицетворение луны, ее символ — серебряный полумесяц.

А. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса». В произведениях Хайборийского цикла упоминается всего один раз, по-видимому, как богиня луны, но вообще в греческой мифологии Деметра — богиня земледелия и плодородия, дочь Реи и Кроноса.

ДЕМОНИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ, многие примитивные культуры или же магические секты объектом поклонения имеют божества, имеющих ярко выраженные черты демонов или чудовищ. Такие культуры отличаются особой кровожадностью, сопровождаются многочисленными жертвоприношениями, целью которых является ублажение ненасытного божества, а иногда и удержание его от появления в мире людей.

Среди таковых — куль шемитского города Ахлат, где население живет в страхе перед некогда вызванной демонической Горгоной, которая якобы обитает в стенах покинутого дворца правителя, или же запрещенный куль Сабатеи.

А. Картер, А. Спрэг де Камп «Черные Слезы».

ДЕМОНЫ ШАГГАЛИ, класс демонических существ, упоминаемых иногда в трактатах по демонологии. Впервые, предположительно, были упомянуты в Книге Скелоса. Что означает слово «Шаггали» остается неясным — это может быть как именем некоего божества, так и местом обитания демонов.

Б. Ниберг «Мститель». В другом, менее правильном и не совсем полном,

переводе романа Б. Ниберга упомянуты просто «демоны». Если «демоны Шаггали» не являются вольностью в переводе, то здесь, скорее всего, подразумеваются демоны [со звезды] Шаггай (Shaggai) — насекомоподобная раса, фигурирующая в произведениях цикла «Миф Ктулху».

ДЕРКЕТО, богиня сладострастия в верованиях шемитов и стигийцев, служанка Сета. Деркето является олицетворением плотских утех, ее жрицы славятся мастерским владением своим телом и искушенностью в любовном искусстве.

Встречающиеся варианты имени: Деркэто, Дерэкто.

Р. Говард «Сокровища Гвалура», «Путеводитель по Хайбории. 5».

Греческое имя западносемитской богини Атарате (Атаргатис), богиня плодородия и благополучия. Куль Деркето имел оргиастический характер.

ДЖАКАЛА, один из Древних Богов, известный также как демон Тхутала среди зуагиров и бог-крокодил Джавала у некоторых племен Кешана. В древних мифах говорится, что Джакала вместе с Великим Змеем, Цатоггуа и Бокрагом пришли в мир еще до возникновения жизни.

А. Карпентер «На Запретном Берегу». В «Книге Джунглей» Р. Киплинга — имя крокодила.

ДЖЕББАЛ САГ, Юхивбол Саг, древний бог, которому поклоняются пикты и некоторые другие примитивные народы, почитая его Хозяином Зверей. Согласно пиктской легенде, на Заре Времен все звери,

включая человека, говорили на одном языке и чтили единого бога — Джеббал Сага. Вполне возможно, что кульп этого божества сильно трансформировался, сохранившись лишь среди первобытных племен. Некоторые источники представляют Джеббал Сага как великого древнего бога, творца жизни на земле.

Встречающиеся варианты имени: Иргал Заг.

Р. Говард «За Черной Рекой», Р. Шеппарт «Зло Валузии», О. Локнит «Зов Древних».

Возможно, Р. Говард придумал это имя в подражание именам Великих Древних, персонажей Г. Лавкрафта. Встречающийся в одном из переводов вариант написания «Иргал Заг», скорее всего не является ошибочным, так как в разных источниках, посвященных основным божествам Хайбории, встречается как форма «Jhebbal Sag», так и «Jergal Zadh».

ДЖИЛ, Джил Беспощадный, Бог-Ворон, бог, которому подобно богу-горилле Гулле, поклоняются как пикты, так и племена Черных Королевств. Сильным Джил обещает власть и свободу, слабым — рабство. Чернокожие ганаты, промышляющие работорговлей, считают свою деятельность угодной богу-ворону.

Встречающиеся варианты имени: Ихиль (из-за неправильной транслитерации слова «Jhil»)

Р. Говард «За Черной Рекой», «Барабаны Томбалку»

ДИКАЯ ОХОТА, в фольклоре северных народов: кавалькада призраков со сворой собак (в Киммерии эти собаки именуются кораннон), мчащаяся по небу, во главе с Диким Охотником, которого нордхеймцы отождествляют с Воданом, а киммерийцы с Кромом.

Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье, и даже смерть.

Легенды о Диком Охотнике, возможно, восходят к образу Роты Всадника, забытого бога северных земель.

Д. Фрост «Копье Крома», А. Олдмен «Древо Миров», О. Локнит «Посланник Мрака».

Представления о Дикой Охоте корнями уходят в кельтскую и германскую мифологию. У германцев это сонм мертвцев, предводительствуемый Одином. У кимров (древних валлийцев) существовал мифический персонаж Гвин ап Нудд, владыка загробного мира, повлиявший на фольклорные представления о Великом Охотнике, охотящемся за человеческими душами. Так же на предания о Дикой Охоте повлияла легенда об охоте короля Артура на свирепого вепря Тура Трут.

Кораннон — образовано от «Кон Аннон», так в валлийской мифологии именуется свора преисподней (Аннона).

ДОЛИНА АКСТАРЫ, в записанном рассказе одного путешественника утверждается, будто переходя через Карпашские горы, он очутился в странной долине, где располагался город Акстара, населенный кокомами, народом с чуждой культурой, изъяснявшимся, однако, на хайборийском наречии. Существование этой долины можно было бы подвергнуть сомнению, но быт и культура кокомов, описанные путешественником, во многом совпадают с культурой некоторых народов Закатного Континента, хотя рассказ был записан до открытия хайборийскими мореплавателями

Антилии и Майяпана. Поэтому, либо рассказчик, сочиняя свою повесть, воспользовался какими-то невероятно древними источниками, либо действительно побывал в загадочной долине, население которой сохранило культуру переселенцев из-за океана со времен Катализма. Предположение, что путешественник каким-то образом побывал на другом конце света, кажется сомнительным, хотя бы потому, что языки жителей Майяпана ничего общего с хайборийскими не имеют.

В своем рассказе путешественник подробно описал религиозные воззрения кокомов. Творцом мира жители Акстары считают Напота. Напот — пассивное божество, не принимающее участие в делах богов и людей, следить за мирозданием он поручил своему сыну Нацамне. Нацамна — бог неба и солнца, от него зависит смена дня и ночи и чередование времен года. Так же кокомы поклоняются кровожадному богу дождей по имени Чак, богу смерти Пучу, Кукану, богу ветров, богине женских забот Ишель, а также Итаб — богине самоубийц. Жреческое сословие именуется у кокомов бакабами.

К. Стайл «Дань с Жемчужных Островов»

Кокомы — династия в городе Майяпан, бакабы — в мифах майя четыре бога-брата, поддерживающие небо.

Нацамна — искаженное имя Ицамны, бога неба у майя.

Чак — бог дождей, полей и растущей кукурузы, в поздней традиции Чаков стало несколько.

Пуч — Ах-Пуч являлся у майя одним из богов смерти.

Кукан — искаженное имя Кукульканы, считавшегося в частности богом ветра.

Ишель — от имени богини Иш-Чель, почитавшейся у майя, кроме всего прочего, как покровительница деторождения.

ДОННАР, Тор, нордхеймский бог-громовержец, почитающийся как защитник рода людского. Считается, что жест, символизирующий молот Тора, предохраняет от всякого зла.

Является так же племенным богом родственного нордхеймцам народа торманнов, проживающего на северо-западном берегу Вилайета.

О. Локнит «Проклятье Змея», А. Картер, А. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса», Дж. Мэддокс Робертс «Конан Победитель»

Донар (древнегерм.), Тор (сканд.), бог грома, бури и плодородия, защитник людей и богов от великанов и чудовищ.

ДРЕВНИЕ БОГИ, персонифицированные изначальные Силы, понятия о которых с течением тысячелетий выродились в представления о древних богах Хаоса. Их имена почти забыты, по слухам, один из последних действующих тайных храмов Древних находится в Кротоне, городе на границе Немедии и Аквилонии. Служители Древних предпочитают не называть истинные имена своих богов, употребляя такие прозвания как Несущий Гибель или Рожденный От Мертвей Звезды.

Непостижимые старые божества чужды как Добру, так и Злу — для них просто не существует таких

понятий; не все из них враждебны по отношению к человечеству, лишь часть, именуемая Демонами Древней Ночи, остальные же относятся к людям с определенной терпимостью. Последние, относящиеся в основном к младшей ветви, являются более земными и понятными, среди них Великий Змей Ииг, чьи черты перешли к стигийскому богу Сету и двуполое рогатое божество плодородия, следы культа которого присутствуют в обрядах Иштар и других богинь-матерей. Так символом Иштар является рогатое животное — бык или баран, а стигийская Исида часто изображается в виде коровы.

Р. Говард «Королева Черного Побережья», Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха».

Понятие «Древние Боги» — вольный перевод понятия «Old Ones», чей храм описывается в «Королеве Черного Побережья». У Говарда и его последователей нередко появляются намеки на существовавших до богов и человека «древних Безымянных Тварей, прививших по ту сторону звезд», в которых легко узнаются Существа лавкрафтовской мифологии (творчество Лавкрафта оказало большое влияние на Говарда). Напрямую упоминаются только несколько имен, например, Цатогтуа, Ииг и Бокраг. В цикле о Кулле пантеон Древних значительно расширен — здесь появляются (с преднамеренно искаженными именами) Ньяялатотеп, Йог-Сотот и Шуб-Ниггурат. Согласно некоторым источникам, культ последнего (в женской ипостаси) оказал влияние на формирование представлений о шемитской Иштар.

ДРУД, бог, которому некогда поклонялись в Иранистане, ныне его кульп почти забыт.

Э. Оффут «Меч Скелоса»

Возможно, от имени дэва Друджа из иранской мифологии.

ДУРГА, вендийская богиня, олицетворяющая созидательные и разрушительные силы природы. В созидающей ипостаси Матерь Дурга представляется как женщина с гипертрофированными молочными железами, в разрушающей как богиня-воительница, покрытая пятнами засохшей крови с ожерельем из черепов.

«Путеводитель по Хайбории 5»

Одна из ипостасей супруги бога Шивы в индуизме.

Ж, З

ЖУД и **МАЖУД**, в эсхатологических представлениях народов Хайбории — воинственные народы с окраин обитаемого мира, которые придут в Последние Времена. Теологи ассоциируют их с пиктами и гирканцами, народами, несущими угрозу цивилизованному миру.

А. Олдмен «Врата Вечности»

От библейских Гога и Магога (Иаджудж и Маджудж у мусульман).

ЗАМБИ, божество, почитаемое народами центральных Черных Королевств.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры»

От имени Нзамби (Нъямбе), первопредка и демиурга некоторых народов Центральной и Южной Африки.

ЗАНДРУ, Зандра, в представлениях хайборийцев темное божество, хозяин девяти кругов преисподней, зачастую отождествляемый с Нергалом. Каково происхождение этого имени остается неясным. В некоторых источниках, наряду с девятью Адами Зандру, иногда упоминаются также девять Небес, что ставит под сомнение расхожее представление о Зандру, как о злом боже. Возможно, это имя некогда было абстрактным понятием, обозначавшем концепцию Мирового Древа.

Р. Джордан «Тень Властелина», Р. Шеппарт «Зло Валуции».

Имя позаимствовано из произведений Мэрион Циммер Бредли, относящихся к циклу «Darkover»

ЗАМЭНАТ, см. Алат.

ЗАТХ, Бог-Паук Иезуда, наиболее известное из исконных божеств Заморы. Гигантские пауки, обитающие в холмах близ Иезуда, почитаются как земное воплощение силы божества. В городе Опкофард, где находится большой храм Паука, имя божества является запретным, здесь его почитают как Безымянного.

По одной из поздних заморийских легенд, Затх — полубог, демонический сын стигийского бога Сета от смертной женщины.

Встречающиеся варианты имени: Заф.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Подземелье Смерти», М. Делез «Слуги Паука», С. Перри «Конан Бросает Вызов».

ЗВЕРОБОГИ, класс божеств, кульп которых возник в период зарождения цивилизации в промежутке между гипотетической катастрофой, уничтожившей мифическую дотурийскую культуру, и становлением Валузии. Зверобоги олицетворяли грозные силы природы, которым поклонялось примитивное человечество. Представления о богах-животных, по-видимому, были переосмыслением культа Джеббал Сага, древнего божества, чей образ Творца Жизни у примитивных культур выродился в образ Хозяина Зверей.

Пережитки культа Зверобогов сохранились у большинства народов Хайборийской эпохи. Так пристонародье Бритунии и Немедии почитает Вепря и Медведя Локиса, в Аквилонии помнят Бога-Олена. Пиктская Пуша и Черные Корлевства поклоняются Джулу-ворону и богу-горилле Гулле. Многие зооморфные божества Стигии также восходят к образам древних Зверобогов, хотя и не все таковыми являются.

К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев», К. Уэйнрайт «Кольцо Власти», Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (зверобоги Стигии).

ЗИРАТ, см. Алат.

ЗОЛОТОЙ ПАВЛИН, объект поклонения запрещенного шемитского культа, центр которого находится в городе Сабатея. Золотой Павлин — демоническое божество, требующее постоянных человеческих

жертв. Жрецы Павлина имеют дурную славу охотников за людьми.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Огненный Нож», К. Уэйнрайт «Золотой Павлин»

Скорее всего, прообразом для Золотого Павлина Сабатеи послужил Малаки-Тауз (ангел-павлин), персонаж езидской (Курдистан) мифологии. Малаки-Тауз — падший ангел, который, впрочем, непременно будет прощен (или уже прощен) Создателем. Благодаря этому образу, езиды ошибочно считались дьяволо-поклонниками.

ЗУГИТЫ, религиозная секта в окрестностях руин Старого Кутхемеса. Объектом их поклонения является древний кхарийский правитель Тугра Хотан, которого они почитают под именем Зуг.

Р. Говард «Черный Колoss», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Огненный Нож»

ЗУРВАН, Зерван, божество митрианского пантеона, персонификация времени и судьбы.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», О. Локнит «Зов Древних».

Бог в иранской мифологии, верховный бог зерванизма, воспринятый так же митраизмом. Миф рисует Зервана андрогином, совершающим жертвоприношения, для того чтобы у него родился сын Ормазд, привзванный сотворить мир, однако усомнившись в пользе жертвоприношений, Зерван вместе с Ормаздом рождает Аримана.

И, Й

ИБИС, почитавшийся некогда в Стигии бог с головой птицы ибиса, культа которого был полностью вытеснен религией Сета и на территории Стигии запрещен. Ибис — бог мудрости и магии, покровитель ученых. Адепты Ибиса, изгнанные со своих исконных земель, нашли пристанище в веротерпимой Немедии, в их представлениях Ибис мудрый и могучий бог, ненесший поражение Великому Змею на заре времен.

Некогда религиозным центром последователей Ибиса был город Нития на территории современного Шема, разрушенный во времена Ахерона.

Встречающиеся варианты имени: Ибис (как имя богини)

Р. Говард «Бог из Чаши», Ш. Мур «Мрачный Серый Бог».

Имеется в виду египетский бог мудрости Тот, изображавшийся как человек с головой ибиса.

ИБАИС, см. Шайтан

Дж. Мэддокс Робертс «Степная Царица».

У мусульман — одно из имен дьявола.

ИГГ, см. Водан.

ИДРИС, богиня-гадюка, считающаяся у стигийцев младшей дочерью Сета.

Л. Карпентер «На Запретном Берегу»

В Египте действительно существовал культа богини-змеи, ее имя было Уаджит. Идрис — имя мусульманского пророка.

ИМИР, Ледяной Исполин, бог бури и войны, первое живое существо в верованиях нордхеймцев. По легенде Имир зародился из ледяной глыбы, образовавшейся из замерзшей воды источника жизни Хвергельмир. Ледяной Исполин почитается как отец грозных великанов-хримтурсов и дев битвы. Согласно поверьям, дочери Имира незримо присутствуют над полем битвы, унося души воинов, храбро павших в бою, в замок своего отца, именуемый Валхаллой. Более старая легенда утверждает, что девы битвы уводят за собой умирающих воинов в ледяные пустоши, где те гибнут от холода или под топорами их страшных братьев-великанов. Наиболее известные из дочерей Имира — Атали, Аса и Орирга.

Имир считается так же предком нордхеймских богов во главе с Воданом.

Встречающиеся варианты имени: Иомир.

Р. Говард «Дочь Ледяного Гиганта», Р. Шеппарт «Зло Валузии», Д. Фрост «Копье Крома»

В скандинавской мифологии — первое антропоморфное существо, великан, убитый Одином и его братьями, из тела которого был сотворен мир. Во вселенной Говарда Имир считается верховным богом протоскандинавских народов, еще не уступившим владычество младшему поколению богов.

ИНАННА, Денгирмах Инанна, богиня, в религиозных представлениях оседлых народов Гиркании, полностью соответствующая шумитской Иштар, супруга Таммуза. В агадейском варианте мифа считается богиней нижнего мира, супругой Нергала. Такие представления берут свое начало из легенды о сожествии

Инанны в царство смерти, аналогом которой является шумитское предание о пленении Адониса злым богом Сетом.

Г. Эйлат «Бич Нергала», Р. Шеппарт «Зло Валузии»

В шумерской мифологии богиня плодородия, плотской любви и распри, соответствующая аккадской Иштар. Дингирмах («Дингир» — «Госпожа величества божества») — одно из имен шумерской богини-матери Нинмах. Эпизод о сожествии в нижний мир есть, как в мифах об Инанне, так и в мифе о Дингирмах.

ИНДРА, верховный бог одного из самых популярных религиозных течений в Вендии, часто отождествляемый с Асурой. Индра — бог грома и молнии, также почитаемый иногда как солярное божество (солнце считается глазом Индры). В поверьях вендийцев Индра — хранитель мироздания, восседающий в своем дворце на золотой горе в самом центре вселенной. Дворец Индры окружен райским садом Нанданой, где обитают чудесные животные и произрастают волшебные деревья кальпаврикши.

С. Корджи «Ночные Клинки», А. Олдмен «Заговор Теней»

В древнеиндийской мифологии бог-громовержец, глава богов, творец неба, солнца (глаз Индры) и зари. Некоторые из его эпитетов — «асура», «вседержитель», «добрый» и т.д.

ИЛУ, бог-творец, культа которого существовал на Туранском материке в древние времена, почти забытый в Хайбории. Некогда почитался как отец всего сущего, но последние остатки этой старой религии были полностью вытеснены митрианством.

О. Локнит «Зов Древних».

Илу — древнесемитское верховное божество, отец людей и богов, творец мироздания. В данном случае образ Илу является ссылкой на Эру Илуватара, Творца Вселенной у Дж. Р. Р. Толкина.

ИСИДА, Изида, в странах Хайбории богиня гармонии и семейного очага, символ женственности. Изображается в виде прекрасной грациозной женщины. Культ Исиды берет свое начало в Стигии, где она почитается простонародьем как покровительница женщин, богиня с головой коровы.

К. Леннард «Источник Судеб», Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (зверобогиня-корова)

В египетской мифологии богиня плодородия, семейной верности, а также мореплавания. Сестра и супруга Осириса, мать Гора. Изображалась в виде коровы или женщины с коровьими рогами. Культ Исиды получил широкое распространение за пределами Египта.

ИСТИННЫЕ БОГИ, объект поклонения существующего среди кезанкийских горцев культа, не имеющие формы божества, олицетворяющие стихийные силы природы — Землю, Ветер, Воду и Огонь. Служители Истинных Богов именуются иммала.

Р. Джордан «Огненный Зверь»

И-ЧЖЕНЬ, добродетельное китайское божество, покровитель путешественников.

Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»

ИШТАР, шемитская Богиня-Мать, кульп которой получил широкое распространение по всей Хайбории. В странах, где исповедуют митрианство, кульп Иштар претерпел значительные изменения, здесь ее почитают как богиню, покровительницу влюбленных и хранительницу семейного очага. Такая форма поклонения Иштар пришла из западного Шема, где ее почитают как прекрасную возлюбленную Адониса.

В восточном Шеме и Кофе представления об Иштар несколько отличаются от тех, что приняты в митрианских государствах. В этих областях сохранились религиозные традиции времен Ахерона, которые в свою очередь восходят к еще более древним кульпам. В роскошных, богатых храмах Иштар богослужения представляют собой ритуальные оргии с приношением в жертву крови животных. Идолы Иштар изображают очень полную женщину с гипертрофированными грудями и символизируют плодородие и деторождение. Кульп этот уходит своими корнями в далекое прошлое, к архаическим представлениям о богине плодородия. В некоторых глухих уголках Кофа и Шема эта богиня все еще известна под древними именами Ишниггараб и Шупниккурат. Символом Иштар является голова рогатого животного, обычно быка, реже барана. В образе крылатого быка также почитают Урука, низшее божество, ездовое животное богини.

«*Gods and demons of the Hyborian Age: Ishtar*», Р. Говард «Черный Колосс», «Родится Ведьма».

В аккадской мифологии центральное женское божество, соответствующее шумерской Инанне. Богиня плодородия, любви, войны и распри, олицетворение планеты Венера.

Имена Ишнигараб и Шупниккурат взяты из статьи, посвященной богам Хайбории, упоминаемых в рассказах Р. Говарда. Дело в том, что произведения Говарда многими исследователями рассматриваются как часть мифологии Ктулху, где культ Астарты (Иштар) считается продолжением «древнего» культа богини (иногда бога) плодородия Шуб-Нигурат.

ЙЕЗМ, таинственный объект поклонения секты Сынов Йезма, существующей на территории Друджистана. Культ этого божества берет начало от тайного Общества Сокрытых, секты наемных убийц, существовавшей, согласно некоторым сведениям, еще до Катаклизма. Йезмиты одержимы идеей влияния на политическую ситуацию в мире, путем устранения стоящих у власти людей. Отличительным знаком йезмитов является ритуальное орудие убийства — нож с лезвием в виде языка пламени.

Встречающиеся варианты имени: Джезм.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Огненный Нож».

ЙЕЛАЙЯ, принцесса-прорицательница древнего города Алкменон, основанного в Кешане шемитскими переселенцами. По кешанскому поверью, при жизни Йелайя была одержима духами, через нее боги сообщали свою волю смертным. После смерти прорицательница была обожествлена. Кешанские жрецы периодически совершают паломничество в покинутый Алкменон, где просят божественную Йелайю передать им повеления высших сил.

Встречающиеся варианты имени: Елайя.

Р. Говард «Сокровища Гевалура».

По утверждению исследователей творчества Р. Говарда, имя образовано от испанской фамилии Зелайя.

ЙИГ, один из Древних Богов, бог-змей. Культ Великого Змея, перешедший в стигийский культ Сета, является прямым продолжением древних представлений о Йиге, Отце Всех Змей.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Алая Луна Зембабве».

Йиг (Yig) — представитель младшего поколения богов из пантеона Великих Древних, придуманных Г. Лавкрафтом и его последователями. Божество-создатель змеевидей Валузии.

ЙИЗИЛЬ, божество, почитаемое некоторыми колдовскими сектами севера Венгрии, возможно также объект поклонения таинственных колдунов Иимши.

Р. Говард «Люди Черного Круга».

ЙОГ, Владыка Великой Пустоты, демоническое божество, которому поклоняются в Дарфаре. Культ Йога славится своей жестокостью, в частности бог-демон требует от своих поклонников обильных человеческих жертв и употребления в пищу человеческого мяса.

Большой храм Йога есть также в Замбуле, куда в свое время было завезено множество дарфарских рабов. Хозяева решили, что опасно лишать рабов их веры, поэтому власти закрыли глаза на то, что в городе существует место отправления каннибальских ритуалов, а со временем в ряды йогитов вступили также многие свободные замбульцы, в поисках силы, которую должен даровать жестокий бог.

Культ Йога корнями уходит в далекое прошлое,

предположительно это божество является одним из Демонов Древней Ночи, так именуют самую враждебную человечеству группу Древних Богов.

Р. Говард «Ночные Тени Замбуль», Э. Оффут «Меч Скелоса»

Односложное имя *Yog*, скорее всего, просто выдумано, но есть вероятность, что прообразом послужил *Yog-Sothoth*, один из центральных персонажей Мифа Ктулху Говарда Лавкрафта. В произведениях о короле Кулле это божество фигурирует под искаженным именем *Йог-Саггот*.

К

КА, Чернокрылая Птица Творения, образ, приведший из вальдийских религиозных представлений, птица, принявшая участие в сотворении мира, с первыми взмахами ее крыльев начался ход времен.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Тени Ужаса».

Заимствование из цикла Р. Говарда о короле Кулле. Само слово, скорее всего, взято из египетской мифологии, где означает один из аспектов души человека или бога; в виде птицы изображался другой аспект души — *Ба*, присущий только богам и фараонам.

КАДУЦЕИ, секта змеепоклонников в Заморе. Последователи этой веры преклоняются перед змеей, как перед воплощением мудрости.

Г. Эйлат «Расколотый Идол»

Кадуцей — обвитый змеями жезл бога Меркурия в

римской мифологии, соответствует керюкею греческого Гермеса.

КААЛИ, Хали, Черная Мать, вендийская богиня смерти, владычица подземного царства. Она судит умерших, определяя какое воплощение примет душа в следующей жизни, согласно карме. Изображается как многорукая женщина с эбеново-черной кожей и длинным высунутым языком.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Под Знаменем Черных Драконов», А. Олдмен «Заговор Теней»

В индуистской мифологии одна из ипостасей жены Шивы, губительный аспект ее энергии. Появилась из ставшего черным от гнева лица Дурги.

КАТАР, богиня во многом сходная с Кали, по всей вероятности одна из ее ипостасей. Катар — объект поклонения полузапрещенной секты катари, состоящей из наемных убийц-фанатиков.

Встречающиеся варианты имени: Катар (в мужском роде).

Р. Джордан «Ловушка для Демона».

КЕМОШ, верховное божество зуагирских племен, бог-покровитель воинов.

Б. Ниберг «Мститель».

В западносемитской мифологии верховное божество государства Моав, возможно бог войны.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ, см. Культы Майяpana.

Встречающиеся варианты имени: Куэтзакоатль, Кецкоатль.

Л. Картер, Л. Спэг де Камп «Тени Ужаса», Т. Рейли «Кормчие Судьбы»

Одно из главных божеств у индейцев Центральной Америки, Пернатый Змей, бог-творец мира. У майя именовался Кукульканом. По ацтекской легенде, Кецалькоатль отправился в добровольное изгнание на Восток, обещав вернуться из-за океана, поэтому ацтеки приняли предводителя испанцев Кортеса за вернувшегося бога (Кецалькоатль изображался в виде бородатого человека в маске). В «Тенях Ужаса» есть явная аллюзия на возвращение божества — бородатого Конана антильцы прозвали Кукульканом, а его корабль жители Майяпана назвали Кецалькоатлем.

КОРРЕДАН, Кхоран'дан, у некоторых народов восточного побережья моря Вилайет — доброжелательное морское божество. Корредан хранит людей от возможного гнева других богов, услаждая их слух игрой на кифаре.

П. Нейл «Тень Ветра»

КРОМ, Владыка Могильных Курганов, верховное божество киммерийцев, обитающее, согласно поверьям, на священной горе Бен Морг. В Киммерии считается, что молиться Крому бесполезно, ибо бог-покровитель воинов, взглянув на новорожденного, одаряет того всем необходимым — силой и волей, остальное же зависит от самого человека.

По некоторым сведениям, куль Крома зародился задолго до Катализма, и наибольшую популярность приобрел среди колонистов из Атлантиды, предков

киммерийских племен, считавших Крома Старцем Горы, покровителем своей новой родины.

Р. Говард «Феникс на Мече», Д. Ферринг «Братство Меча».

Кромм Круах — древнейрландское божество, по легенде — золотой идол в окружении двенадцати каменных идолов меньшего размера, которому приносились человеческие жертвы, возможно бог неба. Имя Кромм Круах, означает «Наклонившийся с холма», и, по-видимому, оно стало употребляться уже после того, как идол потерял божественный статус. Вероятно, это имя восходит к преданию о том, что перед святым Патриком «демон» покинул свое золотое изваяние, которое наклонилось в знак покорности. Согласно другому источнику, слово «кромм» является каламбурным вариантом слова «кенн», из чего следует, что первоначально бога звали Кени Круах, то есть «Повелитель Холма».

КСОТАЛИ, Владыка Страха, Черный Кракен, божество, принадлежащее к группе Демонов Древней Ночи — особенно враждебной человечеству ветви Древних Богов. Некогда Ксотли был одним из демонов-покровителей Атлантиды в период ее упадка. После Катализма высшим жречеством Ксотли было основано новое государство по образцу старой теократии — Антилия. Культ Ксотли отличается необычайной жестокостью и требует многочисленных человеческих жертвоприношений. Считается, что бог-демон лично забирает души принесенных в жертву, являясь над алтарем Вечной Ночи, венчающим Великую Пирамиду Птахакуана, приняв облик огромного черного облака с множеством шупалец.

Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса»

Божество, как обликом (полуматериальное существо с обилем щупалец), так и именем, напоминает Существ, описанных Г. Лавкрафтом. Ксот — название гибнущей звезды, откуда на Землю явился Великий Ктулху, бог, совмещающий в себе черты дракона и спрута.

КТАНТОС, почти забытое демоническое божество. В западных Карпах находятся руины храма этого древнего бога.

Л. Карпентер «Конан Великий»

Имя выдуманное, но возможно слово «Kthantos» образовано от имени греческого бога смерти Танатоса (Thanatos).

ХОСАТРАЛ КХЕЛ, древнее божество, имеющее демонические черты, некогда покровитель государства Дагония, находившегося в регионе южной части моря Вилайет. Главное божество племен юетши, частично унаследовавших культуру дагонцев.

Встречающиеся варианты имени: Косатраль Кель, Хосатраль Хель.

Р. Говард «Железный Демон», Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Дорога Орлов», Э. Оффут «Меч Скелоса».

КУБИРА, вендийский бог богатства. В отличие от Лакшми, символизирующей материальное благополучие, Кубира иногда является олицетворением алчности. Центр культа Кубиры находится в городе Потали.

Т. Доннел «Оковы Безмолвия».

Кубера — бог богатства в индуизме. Изображается

невероятно толстым, трехногим и одноглазым богом (имя, предположительно, означает «урод»).

КУЛЬТ ПРЕДКОВ, преклонение перед духами предков, а иногда и их обожествление имеет широкое распространение среди примитивных и варварских культур.

В Черных Королевствах многие племена в своих поселениях устанавливают так называемый столб предков, где, согласно поверью, обитают духи умерших членов племени, оберегающие живущих от всевозможных бед.

У варваров Севера, а также кочевников Гиркании духи предков почитаются как посредники между людьми и богами, своеобразной формой поклонения является сохранение памяти о великих героях древности в форме сказаний и легенд.

Поклонение духам умерших сохраняется и в цивилизованных странах Хайбории — среди простонародья существуют особые ритуалы ухода за местами захоронений, призванные сохранить благосклонность духов. Разоренные или неухоженные кладбища становятся местом обитания мстительного духа-наньяки.

Р. Говард «Королева Черного Побережья», Д. Уолмер «Обида Предков».

КУЛЬТЫ МАЙЯПАНА, о религиях Закатного Континента известно очень немногое. До открытия хайборийскими мореплавателями островов Антилии и земель, получивших общее название Майяпай, существовали невероятно древние, отрывочные легенды о заокеанских цивилизациях, наследовавших зато-

нувшей Атлантиде. Но основные сведения о народах Майяпана были получены в эпоху географических открытий. В известной хайборийцам части континента главенствуют два противоборствующих культа — Гигантского Змея и Саблезубого Тигра. В описании первого божества легко узнается Кецалькоатль, Пернатый Змей, поклонение которому широко распространено среди племен Майяпана; имя второго божества в отчетах мореплавателей нигде не фигурирует. Известно также, что заокеанские народы поклоняются небесным светилам, к югу от открытой хайборийцами части континента находится легендарный город Куско, где расположен большой храм, именуемый Кориканча, посвященный Отцу Солнцу и Матери Луне.

Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Ужаса», Т. Рейли «Кормчие Судьбы».

В противоборствующих культурах Змея и Тигра легко угадывается противостояние Кецалькоатля (см. соответствующую статью) и его брата Тескатлипоки, бога-ягуара.

Майяпан — город-государство индейцев майя.

Куско — древняя столица государства инков, Кориканча — храм, пантеон инков в Куско.

КЭРДАКС, см. Глор и Кэрдакс

Л

ЛАКШМИ, вендинская богиня счастья, благополучия и красоты, широко почитаемая как на терри-

тории Венгрии, так и в странах со сходной культурой — Косале и Уттара-Куру.

М. Мэнсон «Небесная Секира», А. Олдмен «Заговор Теней».

Божество в индийской мифологии, имя означает «добрый знак», «счастье», «красота».

ЛАНГОЛ, один из забытых богов. Лангол символизировал время, и его приверженцам приписывали мистическую власть над пространством и временем.

О. Локнит «Берег Проклятых»

Скорее всего, имя образовано от названия лангольеров, пожирающих время существ, описанных Стивеном Кингом.

ЛИГУРЕЙЦЫ, некогда религиозная секта в Ахероне, основу религиозных верований которой составляло поклонение силам природы. Лигурейцы были обвинены в ереси и вынуждены были бежать в Пиктскую Пущу. Немногочисленные жрецы-кхарийцы постепенно смешались с народом уладского происхождения (т.е. родственным киммерийцам и темрийцам), и со временем в пиктских землях сформировался новый народ, получивший название лигурейцев. Правящей кастой лигурейцев являются друиды. Их верховное божество — Дану, уладская богиня-мать, вобравшая в себя также черты матери-природы древних лигурейцев. Не являясь пиктским народом, лигурейцы, тем не менее, довольно тесно контактируют с пиктами. Друиды зачастую даже справляют обряды Гуллы у некоторых племен пиктов.

Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху».

Лигуры — древние племена, населявшие 3000 лет назад север Италии и юг Галлии. Лигурский язык имел, по некоторым сведениям, неиндоевропейское происхождение.

У К. Лениарда друид Дивиатрикс проводит обряд посвященный пиктскому Гулле. Противоречие здесь только кажущееся, ибо на британских островах среди друидов в действительности существовала такая практика, когда один и тот же жрец мог совершать ритуальные действия, посвященные как своим, кельтским богам, так и божествам аборигенного населения. Обе религиозные системы не вступали в конфликт, существуя параллельно.

ЛИР, Лер, Алир, одно из божеств киммерийской мифологии, бог водной стихии. Некогда жизнь предков киммерийцев была тесно связана с морем, и Лир был очень почитаемым божеством, однако после Катаклизма, лишившись выхода к Океану, киммерийцы сохранили имя Лира лишь в легендах, помня его как отца бога Мананнана.

Культ Лира от киммерийцев был перенят мореходами Ванахейма, где этого морского бога почитают наряду с Ньордом, исконно нордхеймским божеством.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Уэйсас».

Бог моря в кельтской (ирландской и валайской) мифологии.

ЛОКАПАЛЫ, в вендийских религиозных представлениях, охранители стран света. Локапал восемь, по количеству сторон света, каждый из хранителей

обладает ездовым животным — космическим слоном диггаджи.

А. Олдмен «Древо Миров».

В романе А. Олдмена локапалы имеют также черты скандинавских хримтурсов. Их внешность — покрытые шерстью гиганты, кроме того, эпизод с похищением царицы Таркина, обыгрывает похищение великанами молота Тора. Упоминаемые имена: Вернавест (Варуна — Запад), Кубера-Нор (Кубера — Север) и Сурист (Сурья — Восток [в реальной мифологии владыка востока — Индра]). Другие имена не называются.

ЛОКИ, в нордхеймской мифологии бог, иногда вступающий во враждебные отношения с другими богами, насмехающийся над ними, строящий козни. Локи тесно связан со стихией огня, иногда его зовут сыном Муспельхейма, огненного мира. За многочисленные проделки прикован богами к скале до конца дней.

Образ Локи перекочевал также в мифы других народов. Так в Сакалибе, стране на севере Гиркании, считается, что где-то в Рипейских горах отбывает свое наказание некий Дух Огня. Народы Сакалибы изображают его иногда в образе восьминогого лося Шарабхи.

Похожее божество фигурирует и в хайборийских легендах. В мифе о гибели Атлантиды, говорится, что причиной краха древней цивилизации стал подаренный атлантам Небесный Огонь, который похитил для них Впередсмотрящий бог, впоследствии, как и Локи, прикованный к скале.

Р. Шеппарт «Зло Валуэй».

Локи — злоказненный бог из асов в скандинавской мифологии, за нарушение ритуального мира с великанами и насмешки над богами был привязан к скале кишками собственного сына. Теория о происхождении его имени от Логи («огонь») ничем особо не подтверждена.

В Шарабхе, по видимому, слиты воедино образы Слейпнира, восьминогого скакуна бога Одина (и порождения Локи, ко всему прочему) и Сурабхи, небесной коровы из индуистской мифологии.

Впередсмотрящий бог — аллюзия на Прометея, титана-похитителя огня в греческой мифологии. Имя Прометей переводится как «предвидящий».

ЛОКИС, один из древних Зверобогов, бог-медведь. Локису все еще поклоняются в глухих уголках Британии и Немедии, почитая Владыкой леса.

К. Уэйнрайт «Кольцо Власти»

Собственно слово «локис» и означает «медведь», например в литовском языке.

ЛОУХИ, главное божество Гипербореи, богиня смерти. По слухам, гиперборейцы приносят человеческие жертвы высеченным изо льда изваяниям богини. Имя Лоухи традиционно носит глава религиозно-магического ордена Белой Руки, главная резиденция которого расположена в городе Похиола. Отсюда бытует устоявшееся мнение, будто королева Похиолы — бессмертное воплощение богини.

Встречающиеся варианты имени: Лухи, Лахи.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Ведьма Туманов», Д. Уолмер «Чаша Бессмертия».

В финской мифологии хозяйка Севера (Похьёлы). По некоторым предположениям, во фразе «Лоухи Похьёлы владычица» слово «Лоухи» не имя, а эпитет, относящийся к Похьёле.

ЛУГ, светлый бог в уладской мифологии. В его честь отмечается летний праздник Лугнассад.

К. Леннард «Источник Судеб»

В кельтской мифологии бог света, по-видимому, связанный с солярным культом.

ЛУРИ, почитаемая в Вендини богиня-покровительница ткачей.

Т. Доннел «Оковы Безмолвия».

МААТ, стигийский бог, культа которого был привнесен беженцами из погибшего Пифона, где Маата почитали покровителем правящей династии. В отличие от других стигийских божеств, Маат не имеет облика, его не сравнивают ни с человеком, ни с животным. Это бог загробного мира, определяющий судьбу умершего. Он решает, достоин ли человек посмертия или же будет скормлен чудовищному Пожирателю Душ.

Дж. Мэддокс Робертс «Сакровища Пифона»

В египетской мифологии Маат является богиней, женским аналогом бога Тота. Играла большую роль в загробном суде Осириса: если покойный был оправ-.

дан, его ожидало блаженство на полях Иару, в противном случае его пожирал Амт, лев с головой крокодила.

МАЛАХ ГА-МАВЕТ, в хайборийских представлениях о загробном мире — дух, олицетворяющий смерть и разложение, демон-истребитель из свиты Нергала. Образ позаимствован из шемитской мифологии.

А. Олдмен «Древо Миров».

Ангел смерти в иудаистической мифологии.

МАНАННАН, Маннан, киммерийский бог волн, особо почитаемый в озерных областях страны. Так как Катализм отрезал предков киммерийцев от моря, образ Маннанана, бога водной стихии, во многих регионах Киммерии трансформировался в представления об этом боге, как о хозяине лошадей, что связано с древними описаниями Маннанана, скачущего по волнам на чудесном коне.

Встречающиеся варианты имени: Махнан.

Л. Картер, Л. Спэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса».

Бог волн в кельтской мифологии, владыка потустороннего царства на острове блаженных, сын Лера (Лира), бога моря.

МАРДУК, бог-воитель у шемитов и родственных им народов, культ которого получил широкое распространение в Хайбории, в основном среди наемных воинов. У оседлых народов Гиркании особенно популярна легенда о битве Мардука с Тиамат. Победа

Мардука символизирует превосходство сил Порядка над Первозданным Хаосом, олицетворением которого является чудовищная Тиамат.

Р. Шеппарт «Зло Валуии».

Центральное божество вавилонского пантеона, со временем вовравшее в себя черты многих шумеро-аккадских богов.

МАТЬ-ВОДА, объект поклонения культа, главенствующего в иранистанском султанате Датха, персонификация воды, считающейся священной в этом засушливом регионе. Главной реликвией культа является Священная Клепсидра — огромные водяные часы.

С. Корджи «Ночные Клинки».

МАТЬ ДОЖДЯ, богиня, культ которой имеет распространение среди мунган и других народов долины Запорожки, братство козаков считает ее своей покровительницей. Согласно поверью, богиня проливает на иссущенную жаром степь благодатную влагу, сцеживая ее из своих сосков. Последователи культа носят браслеты с расположенными попарно металлическими шипами. В окрестных гирканских городах культа Матери Дождя запрещен, ибо считается, что богиня эта порой требует обильных кровавых жертвоприношений.

Д. Брайан «Золото Гномов».

МАХА, киммерийская богиня-мать, имеющая также ипостась богини битвы. Маха не принимает никакого участия в сражениях, однако всегда незримо

присутствует над полем боя, изредка используя свою силу для помощи одной из сторон.

Р. Говард «Феникс на Мече».

Божество из мифологии ирландских кельтов.

МИТРА, Податель Жизни, Хранитель Горнего Очага, бог света и добра, персонификация солнца. Митра считается вседесущим божеством, не имеющим определенной формы, как правило, в храмах отсутствуют его изображения, но иногда его изображают как высокого мужчину с вьющимися волосами и окладистой бородой. Культ Митры зародился на Востоке — в Иранистане, где его почитали, как божество, связанное с идеей договора и справедливости, а также как бога солнца. Сходные функции у Митры и в вендийском пантеоне, где его считают богом из свиты Индры.

Однако настоящий взлет митрианства начался благодаря пророку Эпимитреусу, выдающемуся религиозному и политическому деятелю, идейному вдохновителю основания Аквилонского королевства. Из Аквилонии, где митрианство стало официальной государственной религией, культ распространился почти на всю территорию Хайбории, постепенно вытесняя или ассимилируя культы местных божеств. Влияние митрианства простирается и за пределами хайборийских королевств: культ имеет большую популярность в Заморе, а также его влияние проявляется и в Шеме, где образ Митры частично слился с местным солярным божеством Шамашем.

Некоторые религиозно-философские течения считают Митру хранителем Космического Равновесия;

богом, стоящим над добром и злом. В частности, такой образ солнечного бога характерен для религиозных представлений жителей государств плоскогорья Аrim, где он почитается под именем Матраэль.

Р. Говард «Черный Колoss», М. Мэнсон «Дар Митры».

Индоиранское божество договора, а также олицетворение солнца. Культ Митры получил широкое распространение в Римской империи.

МОЛОХ, темное божество шемитов, чей культ на большей территории Шема запрещен, так как поклонение Молоху требует многочисленных жертвоприношений, в том числе и человеческих, путем сжигания в огне, разжигаемом в утробе идола божества.

Л. Картер, А. Спраг де Камп «Корона Кобры», Р. Шеппард «Зло Валуэй».

Долгое время, на основании Библии, считалось, что Молох — божество Палестины, Финикии и Карфагена, которому приносились человеческие жертвы. В середине 20 в. было выдвинуто предположение, что таково было наименование самого ритуала сожжения людей и животных.

МООЛЬ, у обитающего на Черном Побережье племени вартулов — бог плодородия и долголетия, покровитель семьи.

К. Стайл «Дань с Жемчужных Островов».

МОРАТ-АМИНЭ, в стигийской мифологии могущественный бог-демон, бросивший вызов Сету, оспаривая у него право на власть над силами Тьмы, за что был заключен в одной из стигийских гробниц. Изо-

бражается в виде золотого змея с множеством щупалец вокруг головы.

С. Перри. «Черный Камень Аманара».

МОРРИГАН, киммерийская богиня, во многом сходная с Бадб. Богини воительницы, приняв образ ворона, неизменно кружат над местом сражения. Морриган посвящают головы павших в битве.

Р. Говард «Феникс на Мече».

Богиня войны и разрушения в ирландской мифологии.

МОЙРЫ, в представлениях хайборийских народов — три богини судьбы, носящие имена Клота, Прядущая Нить, Лахеса, Бросающая Жребий и Атропа, Неотвратимая. С мойрами конкурирует Тиха, богиня случая.

Сходный образ существует и у народов Севера — три норны, определяющие судьбу человека, обитающие у корней Мирового Древа.

А. Олдмен «Древо Мирое».

У А. Олдмена в богинях судьбы смешаны образы греческих мойр, скандинавских норн, а также грай из греческой мифологии (три старухи с одним глазом на троих).

МРАЧНЫЙ СЕДОЙ БОГ, легендарная статуя забытого божества атлантов, изготовленная из напоминающего серый жемчуг материала, по слухам находящаяся среди сокровищ разрушенного во времена Ахерона города Нития.

По некоторым предположениям изображает Кро-

ма, божество киммерийцев, являющихся потомками атлантов.

Ш. Мур «Мрачный Серый Бог».

МУТАРИ, демоны, высасывающие человеческие силы, объект поклонения извращенного древнего культа.

Ш. Мур «Конан идет по следу», Р. Шеппарт «Зло Валузии».

МЭНАТ, см. Алат.

Н

НАГ, Великий Наг, вендийский бог-змей, представления о котором, видимо, восходят к культу Большого Змея, существовавшему до Катализма. Однозначно отождествляется со стигийским богом Сетом.

А. Олдмен «Заговор Теней».

Наги — полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами (индийская мифология).

НАЙДАЙЯ, божество, принадлежащее к классу Зверобогов, богиня-щука, владычица рек, озер и заводей.

К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел».

НАКАТА, женское божество одноименной реки на плоскогорье Адим.

М. Мэнсон «Дар Митры»

НАНГА, богиня-мать у некоторых племен Дарфара. Вместе с богом Пьонгой составляют божественную чету.

Г. Арчер «Король Воров».

НАНТОСФЕЛЬТА, богиня полей, холмов и долин, которой поклонялись во времена до Катализма, Черная Кобылица, одна из древних Зверобогов. В одном из мифов предстает матерью первых людей.

К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел».

Нантосфельта — в мифологии галльских кельтов богиня воды, а также покровительница домашнего очага, часто изображалась рядом с Суцеллом, бывшим, предположительно ее супругом.

НАРАЯНА, божество, почитаемое в Вендии. Адепты Нараяны не признают главенства Индры или Асур в Небесных Чертогах, утверждая, что их бог есть самый великий.

Эта религия не имеет широкого распространения, возможно, это одна из форм поклонения Вишну, индрайитскому божеству.

А. Олдмен «Заговор Теней».

В древнеиндийской мифологии высшее божество, мировой дух, часто отождествляемый с Вишну или, что реже, с Брахмой.

НАТ, богиня изобилия и плодородия, почитаемая в столице Немедии в числе множества других иноземных богов. Возможно, что куль Нат пришел из Стигии.

Э. Уорренберг «Наследие Мертвых».

Напоминает имя египетской богини неба Нут. К тому же в романе говорится, что фрески в храме богини отчасти похожи на стигийские.

НЕБЕТЕТ, Богиня Слоновой Кости, женское божество Пунта, обычно изображается в виде прекрасной женщины с лицом-черепом, хотя поздние изображения лишены каких-либо устрашающих черт. Предположительно, под именем Небетет puntийцы почитают богиню Деркето.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Воля Богини Небетет».

Небетхет (Нефтида) — египетская богиня, одна из жен Сета.

НЕБЕСНЫЙ ИМПЕРАТОР, божество, почитаемое в центральных областях Китая, владыка небес, глава богов и духов.

Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев».

Небесный император (Тянь-Ди) — верховное божество в поздней китайской мифологии.

НЕМАЙН, киммерийская богиня-воительница, чье имя означает «неистовая». Немайн присутствует над полем битвы, сея панику среди воинов. Во многом сходна с другими киммерийскими богинями битвы, такими как Маха или Морриган.

Р. Говард «Феникс на Мече».

Божество из ирландской мифологии.

НГАИ, творец мироздания в религиозных представлениях некоторых народов, проживающих к востоку от Черного Побережья. Сотворив мир, Нгай ус-

тановил законы, которым подчиняется как дикая природа, так и человек.

Дж. Мэддо克斯 Робертс «Сокровища Пифона».

У масаев божество неба, грома и войны.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДУХ, главное из пяти божеств народа, именуемого Поедателями Рыбы, проживающего на Черном Побережье.

Р. Грин «У Ворот Зла»

НЕФРИТОВЫЙ ИМПЕРАТОР, верховное божество империи Паган. По легенде, Нефритовый Император был некогда человеком, правителем Пагана, но, видя несправедливость мира, отрекся от престола и удалился в горы, где создал собственное учение, а затем, достигнув божественного совершенства, вознесся вместе со своей супругой Омитасу на облака, где они видят сны о прошлом и будущем Пагана.

О. Локнит «Берег Проклятых».

НЕРГАЛ, владыка загробного мира, темное божество, представления о котором зародились на Востоке, у народа, бывшего предками современных шемитов. Из мифологии этого древнего народа образ Нергала, равно как и других божеств соответствующей религиозной системы, перекочевал в верования оседлых племен Гиркании. У шемитов, под многовековым влиянием стигийской культуры, в качестве злого божества выступает Сет, чей образ постепенно заменил Нергала. Как владыка загробного мира, Нергал известен и в хайборийской культуре, хотя бог этот стоит особняком, официально не входя в митрианский пантеон.

Нергал является двуипостасным божеством: с одной стороны это бог хаоса и разрушения, изображаемый в облике демонического существа, с увенчанной рогами головой и звездой в покрытом роговыми пластинами лбу, с другой стороны — Нергал мудрый и справедливый Судия в Царстве Мертвых. Однако считается, что сила грозного божества не распространяется на мир живых, Нергала редко интересует происходящее за пределами Нижнего Мира. Согласно агадейским религиозным представлениям, где культ Нергала является государственной религией, темная, разрушительная сила бога, грозящая многими бедствиями человечеству, уже многие века является пассивной, погруженной в глубокий сон, насланный богинями-сестрами Эрешкигалью и Инанной.

Р. Говард «Рука Нергала», Г. Эйлат «Бич Нергала», О. Локнит «Отмычки Бела».

В шумеро-аккадской мифологии — властитель подземного царства, бог войны, сокрушающий враждебные страны.

НЕРГУЗ, объект поклонения некоторых магических сект, загадочное божество, известное только в кругах посвященных. Предположительно, Нергур — одно из воплощений Аримана. Что интересно, имя Нергурза сочетает в себе имена двух противоборствующих начал — Нергала и Таммуза.

А. Олдмен «Древо Миров».

НИНГА, псевдобожество в виде тряпичной куклы, культа которого недолгое время просуществовал на юго-востоке Британии.

Л. Карпентер «Проклятое Золото».

НУАДЕНС, Нуаденс Аргатлам, Нуаду, божество, фигурирующее в мифологии некоторых уладских народов. У темрийских горцев Нуаду почитается как бог-колдун, благосклонно относящийся к людям, часто действующий в их интересах. Лигурейские друиды поклоняются ему под именем Нуаденс, присваивая ему эпитет Владыка Бездны. Центр культа Нуаденса сосредоточен в священной роще Нуадвиддон, где друидский оракул оглашает пророчества от имени божества.

Как Владыка Бездны это божество попало в древний миф о сотворении человека, где говорится, как богиня-кобылица Нантосфельта сошлась с Повелителем Пещер демоном Нуаду, и от этого союза появились первые люди.

Л. Картер, А. Спраг де Камп «Черный Сфинкс Небтху», К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел», О. Локнит «Зов Древних».

Нуаду Аргатламх («Нуаду Серебряная Рука») — один из ирландских богов, происходящий из Племен богини Дану. В одном из сражений потерял руку, которая была заменена серебряным протезом. В римской Британии почитался под именем Ноденс и был связан с водами и источниками.

Упоминаемый эпитет Владыка Бездны, перешедший позже в образ демона Нуаду во «Времени Жалящих Стрел», по-видимому, позаимствован Картером и де Кампом у Лавкрафта, который сделал Ноденса одним из Старших Богов, противостоящих Великим Древним. У Лавкрафта Ноденс именуется Господином Великой Бездны.

НЬОРД, бог ветра и морской стихии, почитаемый мореходами Ванахейма.

Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона».

Ньёрд — бог из числа ванов в скандинавской мифологии, олицетворяет ветер и море.

О

ОДЕРОГ, морской бог, объект поклонения закрытого культа, исповедуемого на Барахских островах. Непосвященные не допускаются к таинствам Одерога, поэтому за пределами островов о культе мало что известно.

Т. С. Стюарт «Обитель Спящих».

ОДИН, см. Водан.

ОД'О, Демон Земных Вод, одно из демонических божеств Атлантиды периода упадка, правитель морей и рек, его извечный соперник — меланхоличный Демон Вод Небесных, повелитель дождей, над которыми Од'о был не властен. Од'о зачастую причисляют к Демонам Древней Ночи, однако, в отличие от невыразимых Древних Богов, Демон Земных Вод изображается в образе человека, возможно Од'о наполовину смертный.

Имя демона не забыто лишь по той причине, что в одной из легенд он упоминается как отец Паноры, женщины, наславшей на мир многочисленные болезни.

С. Корджи «Демон Пучины».

Имя выдуманное, однако, в Паноре без труда узнается легендарная Пандора.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ БОГ, золотая статуя забытого древнего божества, по слухам, находящаяся в затерянном храме в Кезанкийских горах.

Р. Говард «Кровавое Божество».

ОЛЛАМ ОНГА, божество города Газаль, демон из свиты Аджуджо Темного.

Р. Говард «Барабаны Томбалку»

ОМИТАСУ, богиня-покровительница империи Паган, супруга Нефритового Императора. В бытность ее супруга обычным человеком, Омитасу была одной из его учениц.

О. Локнит «Берег Проклятых».

Искаженное имя Аматэрасу, богини солнца и прародительницы японских императоров.

ОРВАНДЕЛЬ, персонаж нордхеймской мифологии. В Нордхейме бытует легенда о том, как Тор забросил отмороженный палец Орванделя на небо, превратив его в звезду.

Л. Картер, Л. Сирэг де Камп «Тени Ужаса».

В скандинавской мифологии Аурвандиль — муж провидицы Гроа. Предположительно он мог быть богом плодородия заболоченных земель.

ОРМАЗД, Ормузд, бог добра и света в иранистанской мифологии, главный противник бога мрака Аримана. Ормазд также иногда фигурирует в некоторых

митрианских текстах, так как культ Митры зародился именно в Иранистане.

А. Олдмен «Древо Миров».

Вариант имени иранского бога Ахурамазды.

П

ПАДДА, почитаемый как божество основатель религиозно-философского учения, популярного в некоторых областях Китая. Падда — великий учитель, достигший абсолютного умиротворения, вырвавшись из цикла реинкарнаций, к этому же стремятся и его последователи. Достижению этой цели, согласно учению Падды, способствует мирная, добродетельная жизнь, не отягощенная грехом. Грехом считается убийство не только человека, но и животного, а также употребление в пищу мяса.

Наместником Падды на земле является правитель провинции Тай-Цзон, которому приписывается почти божественный статус и дар предвидения будущего.

Т. С. Стюарт «Обитель Сиящих».

Искаженное имя Будды.

ПАКАР, одно из исконно-заморийских божеств, культ Пакара, равно как и культуры большинства божеств земли, практически забыт, будучи вытесненным более популярными в Хайбории религиями.

С. Корджи «Боги Чаш».

ПАПАЙ, бог-громоверхец, одно из исконных божеств коренного населения Сакалибы. Возможно был

главным божеством Страны Городов до завоевания ее армиями полководца Анахарсиса, принесших культ Уту и сопутствующих ему божеств.

Р. Шеппарт «Зло Валузии». Бог грома у скифов, греки отождествляли его с Аресом.

ПЕРАКРАС, божество в пиктской мифологии. Некогда Перакрас был пsonом бога Гуллы, но восстал против своего хозяина. В наказание его дух был заточен в ствол старого дуба, который считается священным у поклоняющихся Перакрасу пиктов.

К. Леннард «Источник Судеб». ПЕРЕВОЗЧИК ДУШ, см. Хрон. С.Перри «Тайна Врат Аль-Киира».

ПРА-ЮН, глава камбоджийского ордена Алого Кольца, почитаемый в этой стране за живое воплощение бога.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Ведьма Туманов». Пра Ин (от имени Индра) — высшее божество в мифологии лао и других тайских народов.

ПТА, бог, почитаемый на одном из островов Закатного океана, население которого — преимущественно стигийские переселенцы.

А. Олдмен «Последний Игрок Судьбы». Покровитель египетского города Мемфис, бог-творец, в поздний период отождествленный со многими другими божествами.

ПТЕОР, одно из имен бога Адониса, предположительно, слово означает «идол».

Р. Говард «Сокровища Гвалура», «Тени Замбулы».

От упоминаемой в Библии местности Ваал Пеор; в «Тенях Замбулы» дается трактовка «Ваал-Птеор» как «Ваал-Идол».

Р. Говард «Сокровища Гвалура», «Тени Замбулы».

РА, божество, фигурирующее в стигийской мифологии, олицетворение солнца, противник Сета. В стигийском изобразительном искусстве нередко встречается мотив, символизирующий торжество покровителя Стигии над своим извечным врагом — змей, пожирающий око Ра.

Культ Ра, однозначно отождествляемого с хайборийским Митрой, в Стигии находится под запретом.

Р. Шеппарт «Зло Валузии», А. Уоттс «Скипетр Мага», «Остров Колдуна».

Бог солнца в египетской мифологии, борец с силами мрака, воплощенный, как правило, в чудовищном змее Апопе.

РАВААЛ, Бог с Черным Лицом, божество, культа которого был основан беженцами из гибнущей Атлантиды. Какое-то время кульп Раавала имел определенную популярность, но с приходом митрианства был полностью забыт.

Ходят слухи о возрождении старого культа где-то в землях Полуночи.

О. Локнит «Карающая Длань».

Похоже на простое соединение имен Ра и Ваал.

РАЙДЭН, бог грома в мифологии населения островов Восточного океана.

Т. С. Стюарт «Обитель Спящих».

Имя, примерно переводящееся с японского как «удар грома». Бог грома с таким именем является персонажем компьютерной игры и фильма «Mortal Kombat».

РАРЫ, мелкие божества домашнего очага, их почитает простонародье в Аквилонии, Немедии и других странах.

К. Грант, Н. О'Найт «Зеркало Грядущего»

РОК, см. Высшие Иерархи.

М. Делез «Посланник Света», «Время Полной Луны»

РОТА, Всадник Полуночи, Король Огня и Войны, древнее воплощенное божество, упоминания о котором сохранились в преданиях народов Полуночи. Судя по легендам, в дотурийские времена Рота Всадник считался воплощением мирового зла, хотя некоторые обрывочные сведения, если не опровергают это, то не дают такого однозначного утверждения.

Образ Всадника Ночи в некоторой степени повлиял на мифологию северных народов, прежде всего на представления о Диком Охотнике, в роли которого нордхеймцы часто представляют бога Водана, который как и Рота часто изображается одноглазым.

Одно из древних имен Роты — Астэллар, что по-

зволяет предположить некую связь между легендарным Ротой и молодым заморийским культом бога Астэйра, покровителя неудачников. Древние легенды зачастую так и называют Всадника — Бог Неудачников, имея в виду многочисленные поражения его приверженцев.

О. Локнит «Трон Дракона», Керк Монро «Ночная Охота».

Заимствование из литературной вселенной Дж. Р. Р. Толкина, под именем Роты выписан Мелькор (Моргот), Первый Враг.

РУДРА, Рудра Трехликий, вендийское божество, которое приверженцы его культа считают самым древним из богов. Рудра — грозный бог, но он редко вмешивается в дела людей, большую часть времени проводя в божественной медитации на вершине Кайласы — высочайшей из Химелийских гор. Его молят не убивать ни большого, ни малого, ни отца, ни матери, не наносить вреда телу, семени, жизни, коровам и лошадям, молят о лекарствах, дарующих долгую жизнь, называя лучшим из врачей. В священных текстах Рудра «юн, быстр, силен и неуязвим, имеет твердые члены, спутанные волосы и прекрасные губы; он улыбается как солнце и посыпает смерть через стелу, через яд и лихорадку».

Центр культа Рудры находится на острове Ланка. Бог также известен под именами Шива, Трьямбака и Красный Вепрь Неба. Очень редко его отождествляют с Асурой, на Западе же считают тождественным Ариману.

А. Олдмен «Древо Миров», Т. С. Стюарт «Обитель Спящих»

В древнеиндийской мифологии — персонификация грозы, ярости и гнева, ведийский предшественник Шивы. Он «красный вепрь неба» и великий асура небес.

РУЛЬТАНА, у ветланов, народа, обитающего к северо-востоку от Гиркании, на берегу Северного Океана — бессмертная владычица загробного мира, обитающая на берегу большого теплого озера. Рультана определяет дальнейшую судьбу умершего: если человек оставил после себя большое потомство, то его ожидает счастливое посмертное, если же он остался бездетен — Рультана топит его в своем озере.

К. Стайл «Дикая Охота».

С

САДИТА, богиня-покровительница расположенного в восточном Шеме города Оджарры.

Л. Карпентер «Конан Иэннанник»

САНАБО, морское божество, почитаемое рыбаками на океанском побережье Зингары.

Д. Мак-Грегор «Чужая Клятва».

СЕКВЕНА, Владычица Вод, богиня рек, почитавшаяся на территории Аквилонии и Немедии еще до прихода митрианства. Секвена изображается в виде величественной женщины, восседающей на лебеде. Ее подданные — сильхи, духи воды.

К. Грант, Н. О'Найт «Зеркало Грядущего»

В мифологии кельтов Галлии Секвена — богиня истока реки Сены, давшая ей свое имя.

СЕЛХЕТ, богиня-скорпион в стигийском пантеоне. Селхет покровительствует умершим, в Стигии считают, что изображение богини на саркофаге охраняет покой захоронения.

«Путеводитель по Хайбории 5».

Селкет (Серкет) — богиня-покровительница мертвых в египетской мифологии, изображалась в виде женщины в украшенном скорпионом головном уборе.

СЕТ, Великий Змей Ночи, Отец Змей, главное божество стигийского пантеона, бог пустыни и покинутых городов, олицетворение тьмы, покровитель темных магических искусств. Стигийские жрецы утверждают, что удел человечества заключается в служении Сету, бог милостив к преданным ему и беспощаден к отступникам. Стигийские представления о Сете восходят к образу древнейшего божества, в Турийскую эпоху известного как Великий Змей, чей культ в свою очередь являлся прямым продолжением культа бога-змея Иига. Так самым распространенным символом Сета является стилизованное изображение змеи, кусающей собственный хвост, а зримое воплощение силы божества, по утверждению жрецов, — сгусток мрака, принимающего образ гигантского змея. Однако нередки изображения бога и в человеческом облике, без каких-либо змеиных черт, а одно апокрифическое предание упоминает вскользь о временах, когда Сет не был еще отлучен от милости благого солнеч-

ного бога. На этом основании можно предположить, что первоначально Сет был божеством отдельным от Великого Змея, но со временем с ним отождествленным. Возможно, в древности Сет почитался проводником силы Змея, кем-то вроде божественного жреца.

Сет также широко известен и за пределами Стигии, играя важную роль в религиозных представлениях других культур. Так в Хайбории Сет считается воплощением мирового зла, Старым Змием, главным оппонентом светлого бога Митры. В шемитской мифологии Сет является злокозненным противником божественной четы Адониса и Иштар.

Встречающиеся варианты имени: Сэт.

Р. Говард «Бог из Чаш», «Королева Черного Побережья».

Египетский бог пустыни, олицетворение злого начала; изображался как человек с головой осла. В реальной мифологии Сет не имеет змеиных черт, хотя в поздний период его и отождествляли иногда со змеем Апопом (в легенде периода Древнего царства Сет сражается с Апопом, защищая бога Ра), а греки считали его идентичным змееногому Тифону. Во многих произведениях «хайборийского цикла» Сет также имеет черты Сатаны, библейского эмия. По Говарду, имена Сет и Сатана происходят от названия придуманной им доисторической эмии сатхи.

СИВАНИ, класс демонов в вендийской мифологии, точное количество сивани неизвестно, как правило, их четверо. Демоны-сивани, согласно легенде, были созданы из первозданного хаоса в момент появления Времени. Изображаются антропоморфными восьмирукими великанами с эбеново-черной кожей.

Р. Джордан «Ловушка для Демона».

СОМА, вендийский бог луны, а так же священного напитка, также именуемого Сомой. Как ночное божество, почитается так же под именем Владыка Снов.

А. Олдмен «Заговор Теней»

В древнеиндийской мифологии — Сомой именуется божественный напиток и божество этого напитка. Позже также бог луны.

СОХМЕТ, стигийская богиня, изображаемая в виде львицы или львиноголовой женщины. Наряду с богиней-коровой, Львица является покровительницей женщин. Сохмет — грозное божество, иногда фигурирующая в мифах как мать Сета.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Сокровища Траникоса» (в «Черном Незнакомце», другой редакции произведения, не фигурирует), Дж. Мэддокс Робертс «Конан не Знающий Страха» (упомянута зверобогиня-львица)

Богиня войны и палящего солнца в египетской мифологии, изображалась как женщина с головой львицы.

СПЯЩИЙ БОГ КАН ДЕМУРА, бог, почитаемый в городе Кан-Демур в Карпашских горах. По-видимому, Кан-Демурский кульп является одной из форм поклонения Даготу, Грезящему Богу — статуи Спящего изображают некое существо с одним рогом на голове и, согласно поверью, пробуждение божества грозит уничтожением всего сущего.

С. Корджи «Боги Чаш».

СРАОША, божество митрианского пантеона, дух порядка и религиозного послушания, сподвижник Митры.

Л. Картер, А. Спрэг де Ками «Корона Кобры».

Бог иранской мифологии, брат Митры, посланник Ахурамазды.

СУСАНОО, в религиозных воззрениях жителей империи Паган — бог смерти, владыка загробного мира.

О. Локнит «Берег Проклятых»

Божество страны мертвых в японской мифологии.

СУЦЕЛЛОС, Пестрый Козодой, древний Зверобог, владыка неба.

К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел».

В мифологии кельтов Галлии Суцелл (Сукеллус), чье имя можно перевести как «крепко бьющий», — бог, часто изображаемый с большой колотушкой на длинной рукоятке.

Т

ТАНИТ, богиня, почитаемая в западном Шеме. Танит — небесная дева, божество, связанное с луной, и животворной росой.

Л. Картер, А. Спрэг де Ками «Тени Ужаса» (упоминается).

Танит (Тиннит) — одно из верховных божеств Карфагенского пантеона.

ТАММУЗ, в мифологии оседлых гирканских народов, восходящей к древнешемитской религиозной системе — светлый бог, главный противник злого бога Нергала. Таммуз соответствует Адонису в шемитской мифологии, где темный противник бога, под влиянием стигийской культуры, был вытеснен образом бога Сета.

Л. Картер, А. Спрэг де Ками «Рука Нергала».

Таммуз (Думузи) — божество плодородия у ряда народов Передней Азии, бог-пастух, супруг Инанны. Иногда Таммуз отождествляется с Адонисом.

ТАРАНИС, в религиозных воззрениях темрийских горцев — бог грома и небесного огня.

О. Локнит «Зов Древних».

Божество в кельтской мифологии, римляне отождествляли его с Юпитером. Имя Таранис («громо-вержец») — латинское.

ТАРИМ, Вечноживой Тарим, гирканский мистик, легендарный пророк Огненного Эрлика, совершивший паломничество в Патению, заснеженную область на севере Гиркании, где якобы получил откровение от бога. Проповедуя культ Эрлика среди гирканцев, Тарим вдохновил многие племена на завоевательный поход на Запад, увенчавшийся основанием государства Туран.

Некоторые еретические секты в Туране поклоняются Тариму как божеству.

Л. Картер, А. Спрэг де Ками «Огненный Нож».

Пророк Тарим во многом списан с Мухаммеда, основателя ислама.

ТАТТАРА-РАБУГА, вендейское божество, покровительствующее касте неприкасаемых.

А. Олдмен «Заговор Теней».

ТЕНГРИ, Вечное Небо, у большинства гирканских кочевых народов — верховное божество, неперсонифицированное олицетворение неба. Небо является как непосредственным проявлением Тенгри, так и местом обитания божества.

Р. Шеппард «Зло Валузии».

Древнее божество, имевшее распространение у многих народов Центральной Азии, олицетворение неба.

ТИАМАТ, Мать Драконов, чудовищная богиня-дракон в мифологии народов Востока, олицетворение хаоса, супруга Апсу. В мифах о Тиамат главным мотивом является ее сражение с богом-воином Мардуком, победившим эту чудовищную богиню. Победа Мардука ознаменовала начало эры людей и завершение эры змей и драконов, что правили миром до человека.

В поздней традиции, под влиянием смешения разных культур, Тиамат стали считать матерью богам-змея Сета.

Р. Шеппард «Зло Валузии».

В Аккадской мифологии — воплощение мирового хаоса, в битве между поколениями богов была рассечена надвое младшим богом Мардуком, который создает небо и землю из частей ее тела. Предположительно изображалась в виде дракона или семиглавой гидры.

ТНАРГАН, у народа ветланов — бог солнца. По верованиям ветланов, в течение полярной ночи, характерной для тех земель, следует совершить как можно больше добрых дел, только тогда Тнарган явит миру свой лик.

К. Стайл «Дикая Охота».

ТНИХЕ, богиня плодородия и плотских утех, культ которой известен в северо-восточной Британии.

К. Стайл «Дикая Охота».

ТИФОН, в представлениях хайборийцев — чудовище Нижнего Мира, имеющее облик покрытого перьями человека с головой дракона и змеями вместо ног.

По слухам, существует редкий фолиант, именуемый «Книга Тифона», содержащий многие тайны мира демонов. В этом тексте, написанном хайборийскими жрецами, под именем Тифон подразумевался Сет, именуемый иногда Змееногом.

А. Олдмен «Древо Миров», П. Уинлоу «Карусель Богов», С. Перри «Черный Камень Аманара».

В греческой мифологии — чудовищный сын Геи и Тартара, отождествлялся с египетским богом Сетом.

ТИХА, хайборийская богиня Случая, олицетворяющая непостоянство и изменчивость человеческой жизни.

А. Олдмен «Древо Миров».

Образ из греческой мифологии.

ТОГ, демоническое божество Ксуталя, по поверью,

обитающее в заброшенных подземельях под городом и имеющее образ спрутообразной тени. Возможно, Тог тождественен древнему темному божеству, которое до Катализма именовали Черной Тенью.

Р. Говард «Черная Тень».

Односложное имя, характерное для многих ранних произведений Говарда. Отождествление с Черной Тенью, фигурирующей в одном из рассказов о короле Кулле, можно встретить у многих продолжателей Говарда, развивавших «Турийский цикл». Интересно, что одна из статей, исследующих творчество Говарда, называет Тога «ктулхуобразным».

ТОР, см. Донар

ТОТЕМИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ, религиозные верования, имеющие распространение среди примитивных народов материка — пиктов и населения Черных Королевств. Главный мотив таких верований заключается в родстве людей племени с объектом живой, реже неживой, природы. Объектом поклонения является, как правило, зооморфный предок. Например, в Пиктской Пуще почти каждое племя-клан носит имя своегоtotема-первопредка, а у некоторых племен Черных Королевств существует поверье, будто колдун, проведя особые ритуалы, может принять облик животного-тотема.

Р. Говард, А. Картер, А. Спрэг де Ками «Пиктский цикл», Д. Уолмер «Багровое Око».

ТРЕГЛАВ, трехголовый идол, высеченный в скале на побережье Закатного Океана, изображающий неизвестное пиктское божество.

К. Леннард «Источник Судеб».

Вообще имя Триглав носит трехголовое божество в мифологии балтийских славян, к пиктам, разумеется, никакого отношения не имеет.

ТРОТ, бог-покровитель Хаббатеи. Трот изображается трехликим и шестируким, его святилища представляют собой трехгранные пирамиды, на каждой стороне которой высечен один из ликов божества: грозный, пьяный и похотливый, что символизирует различные функции божества.

М. Мэнсон «Ристалища Хаббы».

ТРЯМБАКА, в Вендии — один из эпитетов бога Рудры, означающий «имеющий трех матерей». Западные теологии отождествляют Трьямбаку с темным богом Ариманом.

А. Олдмен «Древо Миров».

В древнеиндийской мифологии — одно из многочисленных прозвищ Рудры.

У, Ф

УЛЛА, гирканская богиня, являющаяся олицетворением луны. Считается, что Улла покровительствует ворам и искателям приключений.

Л. Карпентер «Конан Изгнаник».

УЛЬВУРГАН, ветланский бог моря. Его представляют в виде огромного морского быка с большими желтыми бивнями и получеловеческим лицом.

К. Стайл «Дикая Охота».

УМБАДО, объект поклонения секты Озаренных, действующей на границе Стигии и Турана. Умбадо изображается в виде козла с петушиным гребнем и человеческими пальцами вместо копыт. Озаренные почти все свое время проводят в молитве Умбадо и, по слухам, каждые две луны приносят ему в жертву новорожденного ребенка.

Д. Мак-Грегор «Седьмая Невеста».

УРУК, низшее божество шемитской мифологии, бог в образе крылатого быка, ездовое животное богини Иштар.

Г. Эйлат «Расколотый Идол».

Скорее всего, имя дано по названию города Урук.

УТУ, в Западной Гиркании — бог солнца, полностью соответствующий шемитскому Шамашу. Уту имеет две ипостаси: светлую — Даритель Жизни и мрачную — Уту Безжалостный, символ губительного солнечного зноя.

Как и многие другие солярные божества, Уту отождествляется с Митрой, жрецы-митрианцы тем самым подчеркивают, что их богу под разными именами поклоняются во всех обитаемых землях.

Р. Шеппард «Зло Валузии».

Солнечный бог в шумеро-аккадской мифологии.

ФЕСТА, в Западной Хайбории — богиня, покровительница поэтов, художников и музыкантов.

Р. Джордан «Тень Властелина».

ФРЕКИ, один из древних Зверобогов, бог-волк. Считается, что Фреки покровительствует волкам-оборотням.

О. Локнит «Волки Севера».

В скандинавской мифологии — один из двух волков-спутников бога Одина.

ФРИГГА, нордхеймская богиня, супруга Водана. Фригга покровительствует супружеским узам и семейному очагу.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Корона Кобры».

Фригг (Фригга) — супруга Одина (Водана), мать Бальдра в скандинавской мифологии.

Х, Ц

ХАН, божество древности о котором практически ничего неизвестно. Древние легенды упоминают Чернокожего Хана, как одного из праородителей мифической расы змеелюдей.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Алая Луна Зембабве».

Dark Han — бог, упоминающийся в одном из рассказов Р. Блоха.

ХАНУМАН, вендийский бог-обезьяна. Известны две ипостаси бога: Размышающий Хануман и Хануман-Душитель.

Большой храм, посвященный темной ипостаси божества, находится в туранском городе Замбуле, где кульп Ханумана имеет значительный вес.

Р. Говард «Ночные Тени Замбулы», П. Уинлоу «Слуги Чародея».

В индуистской мифологии — божественная обезьяна, сын бога ветра, преданный друг Рамы.

ХАОС, понятие, обозначающее первозданную нерганизованную силу, первопричину всего сущего. В разных культурах Хаос представляют в виде мировой бездны или же как изначальный океан. Иногда абстрактный, неперсонифицированный Хаос является предметом поклонения у некоторых сект, самая влиятельная известна на Востоке. Служители Культа Хаоса не признают каких-либо богов, поклоняясь лишь Великой Первоначине.

Р. Джордан «Сердце Хаоса».

ХАРУНОС, см. Высшие Иерархи.

М. Делез «Посланник Света».

По имени Хроноса, олицетворения Времени. Согласно концепции орфиков (секта в Древней Греции), Хронос был одним из двух первоначальных богов, присутствовавших при сотворении мира.

ХЕЙМДАЛЛЬ, бог, почитаемый в Нордхейме, один из сыновей Водана. Хеймдалль — страж богов, обладатель волшебного рога, призывающего богов к битве.

Л. Картер, Л. Спраг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса» (упоминается рог Хеймдалля).

В скандинавской мифологии — бог из асов, страж Асгарда.

ХЕЛЬ, в нордхеймской традиции — богиня загробного мира, персонификация смерти. Хель — старуха-великанша, с устрашающим лицом, одна половина которого мертвенно-синяя, другая же имеет цвет свежего мяса. Местом обитания богини является замок Мокрая Морось в мире мертвых.

Д. Фрост «Копье Крома», А. Олдмен «Древо Миров».

Владычица царства мертвых в скандинавской мифологии, одно из чудовищных порождений Локи.

ХИПНОШ, в представлениях хайборийцев — бог сна. Считается, что молитва, обращенная к Хипношу, гарантирует спокойный сон.

Д. Мак-Грегор «Три Времени Сета».

Гипнос — персонификация сна в греческой мифологии.

ХИРАНЬЯКША, могущественный демон в вендейской мифологии. Желая доказать свое могущество богам, Хираньякша утопил в океане всю земную твердь, как гласит одна из легенд, по-своему отражая события времен Великой Катастрофы. Один из богов, воплотившись в гигантского красного вепря, победил демона и спас землю, подняв ее на своих клыках. Красного Вепря вендейцы отождествляют с Рудрой, иногда с Асурой. Западные теологи считают его тождественным Ариману.

А. Олдмен «Древо Миров».

В индуизме — асура, непримиримый противник богов. В эпизоде с погружением земли, облик вепря принимает бог Вишну. Красный вепрь неба — эпитет бога Рудры, чей культ в послеведийской традиции развился в культа Шивы.

ХРЕСВЕЛЬГ, в верованиях нордхеймцев — чудовище, пожиратель трупов, олицетворение смерти и разложения.

Д. Фрост «Копье Крома», «Храм Ночи»

В «Старшей Эдде» — йотун в образе гигантского орла, пожирающий трупы и поднимающий бури взмахами своих крыльев.

ХРИМТУРСЫ, в нордхеймской мифологии — сыновья Имира, появившиеся на свет до богов. Ледяные Великаны олицетворяют разрушительные силы мироздания, однако некоторые из них не столь дики и враждебны и обладают древней мудростью, как, например, Великан Мимир.

Д. Фрост «Копье Крома», «Храм Ночи», А. Олдмен «Древо Миров» (Мимир).

Инейственные Великаны (сканд. мифология), противники богов-асов. Как правило, хримтуры тупы и кровожадны, но некоторые обладают большой мудростью и весьма искушены в магии. Мимир — один из великанов (скорее всего не из хримтурсов), хранитель источника мудрости, ему, согласно одному из мифов, Один был вынужден отдать свой глаз в обмен на знания.

ХРОН, Перевозчик Душ. Бессмертное существо, управляющее Кораблем Мертвцевов, что переправляет умерших через Реку Смерти в загробный мир. Описывается как высокий худощавый человек в темном одеянии с капюшоном, сопровождаемый чудовищным псом Кербом. Легенда о Перевозчике корнями своими уходит в далёкое прошлое, в Турийскую эпоху. Тогда бытовала легенда о бессмертном Кароне, державшем переправу через Стагос, именовавшийся также Рекой Смерти.

Существует обычай класть умершему под язык монетку в качестве платы Перевозчику.

А. Олдмен «Древо Миров», С.Перри «Тайна Врат Аль-Кира (упоминается Перевозчик), А. Сайлент «Змеиное Королевство»

По имени Харона — мрачного перевозчика душ из древнегреческой мифологии, Керб, несомненно, исаженное имя Цербера (Кербера).

ХУ, в китайской мифологии божественный дракон, создатель Вселенной. В представлении жрецов Ху мир является злом, ловушкой для душ людских, которые обречены на бесконечный цикл перевоплощений.

Р. Говард «Королева Черного Побережья»

В древнем китайском мифе о сотворении мира фигурируют боги Ху (Император Южного Моря) и Шу. Боги решили наделить безликий хаос Хуньдунь глазами, ртом и т. д. в благодарность за гостеприимство, и принялись сверлить отверстия в его голове, после чего хаос умер. Смерть Хуньдуня ознаменовала начало Вселенной.

ЦАТОГТУА, бог-жаба, один из забытых Древних Богов. Пережитки его культа существовали еще до Катализма, но уже тогда это божество считалось невероятно древним, одним из первых существ пришедших на землю задолго до появления человека. Каменные изваяния Жабы Хаоса, изображающие аморфное многолапое божество можно встретить в самых разных частях света.

Встречающиеся варианты имени: Цатогуа, Тсатхогуга.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», Л. Карпентер «На Запретном Берегу», Дж. Брейген «Клеймо Змея».

Аморфное божество, черная многолапая жаба, обитающая в бездне Н'Каи. Персонаж искусственной мифологии, созданной Г. Лавкрафтом и его последователями.

ЦЕРНУННОС, Кернуиннос, Кернунн, древний Зверобог, бог-олень, чей культ сохранился в глухих углах Аквилонии и Немедии, почитается как Владыка Лесов.

Кернуиннос также входит в лигурейский пантеон. *К. Грант, Н. О'Найт «Время Жалящих Стрел», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтху».*

У кельтов — бог, изображавшийся с ветвистыми рогами на голове, по разным предположениям мог быть богом природы или богом Нижнего Мира. Имя означает «рогатый».

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Кельтские Боги», А. Симон «Легенды и мифы Кельтской Европы».

Ч, III

ЧЕРНЫЙ САДОВНИК, согласно хайборийским представлениям о загробном мире, демоническое существо, садовник Нергала, напоминающий человеческую фигуру, будто высеченную из антрацита. Черный Садовник вырывает сердца воинов, храбро павших в бою, превращая тех в безжалостных солдат армии Нижнего Мира. Из сердец же вырастают чудесные цветы, отвар из которых придает храбрости пьющим его демонам.

А. Олдмен «Древо Миров».

ЧЕТЫРЕ БРАТА НОЧИ, высшие божества в религиозных представлениях пиктов. Считается, что Четыре Брата скованы вечным сном в огромной хижине, их ноги оплетают гигантские змеи, а в волосах запутались россыпи звезд. Одним из Четырех, возможно, является Джеббал Саг.

Р. Говард «За Черной Рекой».

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА, ветры с четырех сторон света, которым поклоняются некоторые племена Гиркании.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Сталь и Змея», Д. Фрост «Храм Ночи».

ША-ТРОКК, бог песков и песчаных бурь, почитаемый народом пустыни к юго-востоку от Гиркании. Почитатели Ша-Трокка верят, что каждая песчинка в пустыне — один из умерших, вернувшихся к Великому Отцу.

Т. С. Стюарт «Дары Зингарцев».

ШАМАШ, в Шеме — имя солнечного божества, известного как Уту среди некоторых народов Гиркании, имеющих религиозную систему, аналогичную шемитской. Образ Шамаша, под влиянием хайборийской культуры, вобрал в себя многие черты бога солнца Митры.

Встречающиеся варианты имени: Шамах.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры».

Аkkадское имя шумерского солнечного бога Уту.

ШАН, богиня, почитаемая в некоторых областях Кхитая. Шан учит праведности и добродетели, благосклонность богини гарантирует хороший урожай риса и богатый улов рыбы.

Д. Брайан «Диадема Богини».

ШАЙТАН, злое божество в пантеоне восточной части Шема, а также Кофа. Шайтан, именуемый еще Иблисом, является богом Нижнего Мира, владыкой демонов.

Р. Говард «Родится Ведьма», Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Корона Кобры», «Тени Ужаса».

У мусульман — имя дьявола.

ШЕЗ, Шез-Паучиха, младшее божество заморийского культа бога-паука, возможно женская ипостась Затха. Выполняет служебные функции, ее именем накладывается проклятье на людей, неугодных служителям Паука.

С. Перри «Конан Бросает Вызов».

ШИВА, вендийское божество, по всей вероятности, ипостась бога Рудры.

С. Корджи «Ночные Клинки» (упоминается).

Один из трех верховных богов индуизма, бог-разрушитель. Божество, сравнительно поздно вошедшее в пантеон, однако истоки культа уходят в глубокую древность, проистекая, скорее всего, из культа Рудры.

Э, Ю, Я

ЭПОНА, божество, почитаемое лигурейскими друидами, богиня плодородия, изобилия и врачевания.

Л. Картер, Л. Спрэг де Камп «Черный Сфинкс Небтиху».

Эпона — одна из самых значимых богинь галльского пантеона. Перечисленные функции были второстепенными, в основном же она почиталась как покровительница лошадей, игравших большую роль в жизни кельтов, однако в данном случае эта функция богини вряд ли уместна — образ жизни лигурейцев мало отличается от пиктского, сомнительно, что они занимаются разведением лошадей.

ЭНКАТУ, ахеронский бог крови и войны. Отрывочные сведения позволяют предположить, что Энкату мог принадлежать к классу Древних Богов — ахеронцы считали его одним из первых существ, что создали все формы жизни, в том числе и человека, чтобы поддерживать свои силы смертью и страданиями.

П. Нейл «След Исполина».

ЭНАИЛЬ, в городах западной Гиркании, где исповедуется религия, имеющая общие корни с шемитской — бог воздуха и ветров, а также бог плодородия и жизненных сил.

Р. Шеппард «Зло Валузии».

Один из главных богов шумерского пантеона, господин над богами, сын бога неба Ану.

ЭРЕБУС, персонификация Мрака, божество, культ которого, по-видимому, был известен еще в эпоху Ахерона. Эребус является довольно абстрактным божеством, его служители не вмешиваются в мирские дела, поэтому культ не подвергается особым запретам, но и большого распространения не имеет. В Бельверусе есть официальный действующий храм, посвященный божеству.

Р. Джордан «Тень Властелина».

Эреб — бог мрака в древнегреческой мифологии.

ЭРЕШКИГАЛЬ, в агадском пантеоне — богиня загробного мира, супруга бога Нергала. Агадцы считают, что сам бог мертвых погружен в беспробудный сон, а Царством Мертвых правят Эрешкигаль и Инанна, ее сестра, которые и наложили сонные чары на грозного Нергала.

Г. Эйлат «Бог Нергала».

Шумеро-аккадская богиня подземного царства, жена Нергала, сестра-соперница богини любви Инанны.

ЭРАЛИК, огненный бог, культа которого имеет огромное влияние в Туране, а также популярен среди многих кочевых народов Гиркании. Культ Эрлика за-

родился в Патении, заснеженной области на севере Гиркании и широкое распространение получил благодаря гирканскому пророку Тариму.

Суровый бог имеет две ипостаси: Желтый Эрлик и Черный Эрлик, последняя, по-видимому, почитается как властитель Черного Престола загробного мира. Жрецы Эрлика утверждают, что человеческая душа при жизни должна закалиться через лишения и испытания.

Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Огненный Нож».

В мифах монгольских народов — владыка загробного царства, во многом соответствующий индуистскому Яме. По буддийской легенде, Эрлик был монахом, достигшим высшей степени святости, но казненный по ложному обвинению. В произведениях «хайборийского цикла» Эрлик имеет также некоторые черты Аллаха (ср. создание джиннов из бездымного пламени).

ЭТАН, бог, олицетворяющий мужское начало в мифологии племени женщин-воительниц, живущих на северо-западе Гиркании. По-видимому, культа Этана процветал среди забытого народа, от которого ведут свой род амазонки.

К. Уэйнрайт «Империя Крови».

ЭХИДНА, мать чудовищ Нижней Сфера в хайборийских представлениях о загробном мире. Некоторые из ее порождений находятся в услужении у Перевозчика Душ.

А. Олдмен «Древо Миров».

В греческой мифологии полудева-полузмея, родоначальница чудовищ.

ЮН, божество, широко почитаемое в Китае. О его функциях мало что известно, возможно, Юн является божеством плодородия и земледелия.

«*Gods and demons of the Hyborian Age: Yun*», Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Огненный Нож».

ЯДЖУР, косальское божество, покровитель области Йота-Понг. Яджуру приносятся человеческие жертвы, для этой цели в храмах воспитываются особые служители — Душители Яджура.

Встречающиеся варианты имени: Яджар.

Р. Говард «Ночные Тени Замбулы».

От названия Яджурведы, одной из индийских вед, где описываются различные обряды и ритуальные жертвоприношения.

ЯКИН-Я, мифический правитель древних шемитов, которому приписывается божественное происхождение. Король Пелиштии, вошедший в историю как Акхиром Безумный, объявил себя живым богом и прямым потомком Якин-Я.

Р. Говард «Ястrebы над Шемом».

Похожая форма имени встречается у Лавкрафта: Кром-Я — древний вождь киммерийцев, чей разум был заменен сознанием представителя Великой Расы, позже стал почитаться как бог Кром.

ЯМА, Владыка Демонов, бог смерти, владыка загробного царства в вендийской мифологии. Яму изображают шестируким гигантом с уродливыми демоническими чертами лица.

Центр культа Ямы находится в долине Меру, где

поклонение этому богу является государственной религией. Теократ Меру почитается сыном Ямы, меруанцы считают его власть священной, посагательство на нее считается недопустимым, способным прогнить божественного отца правителя.

Р. Говард «Город Черепов»

В древнеиндийской мифологии — владыка царства мертвых, первое умершее существо.

Приложение

БОЖЕСТВА КУСАНА, Р. Говард «Страж Монолита», упоминаются идолы Золотой Ящерицы и Белого Павиана, которым поклоняются враждующие политические группировки. В другом варианте перевода это названия самих партий.

ВАРА, Р. Джордан «Тень Властелина», Ордо клянется «гнилыми костями Вары».

ИЕНАГРА, Б. Ниберг «Мститель», туранский офицер клянется «алебастровыми бедрами Йенагры», в другом варианте перевода здесь же фигурирует имя Эрлика.

МАМАДЖАМБО, Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Тени Каменного Черепа», предположительно божество амазонок (королева клянется его (ее) дубиной). «Mimbo-Jumbo» — слово, позаимствованное из одного из сенегальских диалектов, означало духа-хранителя. В европейских языках означает полную бессмыслицу.

САТУРН, Д. Уолмер «Чаша Бессмертия», вообще-то римское божество, но здесь, похоже, имелось в виду небесное светило, соответствующее свинцу в алхимическом искусстве.

СЕМИРАМИС, Р. Грин «У Ворот Зла», имя, упоминаемое в ряду нескольких божеств. Мифологизированный образ вавилонской царицы Шаммурамат (Семирамиды), дочь богини Деркето в греческой мифологии.

СТАЛЕМАТ, Л. Картер, А. Спрэг де Камп «Под Знаменем Черных Драконов», имя, употребляемое в клятве.

ХАТИМАН, Р. Джордан «Тень Властелина», скорее всего опечатка и имелся в виду Хануман. Хатиман — японское божество, употребление его имени вряд ли уместно.

ШУШТУ, Дж. Мэддокс Робертс «Сокровища Пифона», в произведении фигурирует гора, именуемая Рогами Шушту. Неясно, является ли Шушту каким-то местным божеством.

ХАМА, Р. Джордан «Тень Властелина», Ариана несколько раз упоминает некую мать Хаму. Неясно, имеется в виду какая-то богиня или же прародительница людского рода (вроде библейской Евы или мусульманской Хаввы).

СОДЕРЖАНИЕ

Ник Харрис Странная женщина Иолина	5
Сокровища Стоомина	69
Дэн Ченслор Оракул смерти.	134
Эрик Голд Серая башня	174
Приложение Боги Хайбории	296

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **АСТ**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Кроcus Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская плошадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Льгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республикаанская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крумской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железной дивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 36, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Литературно-художественное издание

КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивакинов*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУТА ГУМАНА	64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ	65	КОНАН И БИРНЬЕЛЬ ДРАКОНОВ	66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ	67	КОНАН И КЛАН АРДСА	68	КОНАН И МАЛЫ ПРЧАТЬ	69	КОНАН И ТАНЦ ПРСТОВЫ	70	КОНАН И НЕСЛАВИЙС МРАКА	71	КОНАН И БОЛОС КРОВИ	72
КОНАН И ТЕЛЬ ВЕТРА	73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИМЫАРЫ	74	КОНАН И ЖЕЗЛЯЧИНА ПУСТЫНИ	75	КОНАН И ДУХИ ГОР	76	КОНАН И СОКОЛЫ ТАРИНТИЯ	77	КОНАН И НЕВРОПОЛС КУБОВ	78	КОНАН И УБЫДЫ ЧУДОВИЩ	79	КОНАН И СТАНДИИ МОРЯ	80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЯ	81
КОНАН И ВАЛДАК ЛЕСА	82	КОНАН И НАГРАДА НЕМЕНИКА	83	КОНАН И АЛТЫН ЗАРИ	84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗНЕСЕНИЯ	85	КОНАН И ТРОН ВЕДЫМЫ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ НМПЕРН	87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ	89	КОНАН И БОЛОС БАШНЯ	90
КОНАН И КЛЮЧА БАРВАРА	91	КОНАН И СЕННЕР МАГА	92	КОНАН И ЗОЛОТЫЕ ПАНТЕРА	93	КОНАН И АЛГИДА ДЕМУРИЯ	94	КОНАН И ЯЗОСТЬ СТИЛЛОВ	95	КОНАН И ТАИНСКА ПЕСКОВ	96	КОНАН И РАВ ГАССИМАНА	97	КОНАН И ПОХОД С ОУРНЕННО	98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛАУТИЯ	99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙДОРИН	100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И НАДОБНОС РОКА	102	КОНАН И ПЛАТОМ СНА	103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ	104	КОНАН И ЛАВА СТИГИИ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ЗООТИК	106	КОНАН И САМКИ ЛАСУРЫ	107	КОНАН И СУД БИТИЯ	108
КОНАН И ПОД БИДИИ	109	КОНАН И МАЛЕН АХЕРОНА	110	КОНАН И ЦАРАКИАНС ОСТРОВ	111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТИГИИ	112	КОНАН И НАРОДЕН ЮДА	113	КОНАН И ЧУДИКИ КАМНЯ	114	КОНАН И КРАСНОЕ БЛЯСТОВО	115	КОНАН И ГЛАД С ГЛАВЫ	116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБРАЗИИ	117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ	118	КОНАН И РЕКА ЗАКЛЕННЯ	119	КОНАН И ДОМНАВА ДИКАРЕЙ	120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИЧАЛОВ	121	КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ	122								

ISBN 5-17-035274-3

9 785170 352746